

ISSN 2075-3500

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»
Институт психологии, педагогики и социальной работы
РГУ имени С. А. Есенина

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

№ 3 (71)

Научно-методический журнал

Издается с 2004 года

2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-73785 от 05 октября 2018 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

И. А. Мурог, доктор технических наук, Сенатор Совета Федерации (*председатель*); **И. В. Гайдамашко**, доктор психологических наук, профессор, академик РАО; **Л. А. Байкова**, доктор педагогических наук, профессор; **Г. М. Аванесян**, доктор психологических наук, профессор (Армения); **М. К. Кабардов**, доктор психологических наук, профессор; **В. И. Казаренков**, доктор педагогических наук, профессор; **Л. А. Калмыкова**, доктор психологических наук, профессор (Украина); **К. В. Карпинский**, доктор психологических наук, профессор (Беларусь); **Е. А. Петрова**, доктор психологических наук, профессор; **Н. Е. Рубцова**, доктор психологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. М. Беспалова, кандидат психологических наук, доцент (*главный редактор*); **А. К. Белоусова**, доктор психологических наук, профессор; **Т. Н. Волковская**, доктор психологических наук, профессор; **Н. И. Демидова**, доктор педагогических наук, профессор; **И. А. Доница**, доктор педагогических наук, профессор; **О. В. Еремкина**, доктор педагогических наук, доцент; **И. М. Ильичева**, доктор психологических наук, профессор; **Л. Н. Кулешова**, доктор психологических наук, профессор; **И. Ю. Левченко**, доктор психологических наук, профессор; **Н. В. Мартишина**, доктор педагогических наук, профессор; **Т. Г. Мухина**, доктор педагогических наук, профессор; **П. А. Петряков**, доктор педагогических наук, профессор; **Л. Е. Солянкина**, доктор психологических наук, профессор; **С. Н. Сорокоумова**, доктор психологических наук, профессор; **А. Н. Сухов**, доктор психологических наук, профессор; **С. В. Феоктистова**, доктор психологических наук, профессор; **Н. В. Харченко**, доктор психологических наук, доцент (Украина); **О. Б. Широких**, доктор педагогических наук, профессор; **Н. В. Яковлева**, кандидат психологических наук, доцент.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и соискание ученой степени кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.8.1 — Общая педагогика, история образования (педагогические науки); 5.8.7 — Педагогика профессиональной деятельности (педагогические науки); 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3 — Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.5 — Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки); 5.3.8 — Коррекционная психология и дефектология (психологические науки).

Журнал выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ

390000, Рязань, ул. Свободы, 46
Тел. (4912) 28-43-32

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

Афанасьева О. Ф. К вопросу о возрастной динамике виктимного поведения	7
Ганина Т. В. Проблема профессионального выгорания современных педагогов.....	16
Гордашникова О. Ю., Бечиев Ш. Ш., Федорчук Ю. М., Филиппов Д. В. Обеспечение доступности среднего профессионального образования: оценка современного состояния родительским сообществом	22
Еременко Т. В. Формирование ценностных установок информационного поведения студентов: обзор научных публикаций	32
Посьпанова О. С. Русскоязычная версия экспресс-опросника «Ричмондская шкала компульсивного покупательского поведения»	39
Щетинина Н. П. Методическое сопровождение школьных учителей как условие их профессионально-личностного развития и повышения качества образовательного процесса в первой половине 1950-х годов (на примере городских школ г. Рязани)	48

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Бушмакин А. С. Влияние социокультурной деятельности на профессиональную самоидентификацию и мотивацию курсантов образовательных организаций ФСИН России.....	55
Кулаков И. И., Левин П. В. Технологии физической и психологической подготовки спортсменов, занимающихся гиревым спортом на этапе совершенствования спортивного мастерства.....	66
Сарафанова Т. В., Литвинова В. М. К вопросу о формировании интереса к иностранному языку у студентов неязыкового вуза (из опыта работы Удмуртского государственного аграрного университета)	74
Фулин В. А. Подготовка будущих педагогов к применению дистанционных образовательных технологий: результаты онлайн-опроса	81

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

- Башкирева А. В., Кнель А. С., Назарова Ю. В.**
Система жизненных смыслов у современных подростков и юношества 88
- Беспалова Т. М., Теняева О. В.**
Проявление стремления к раскрытию личностного потенциала женщин..... 97

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Киселёва Р. Н.**
Многодетная семья в восприятии студентов 105
- Сиваков М. А.**
Ролевые игры в профессиональной языковой подготовке:
предпочтения студентов медицинского вуза..... 116

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОРРЕКЦИОННОЙ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

- Глухова А. П., Нестеренко О. Б., Перевезенцева Н. Л.,
Самарина Э. В., Лукова М. С.**
Неинтегрированные рефлексы как показатель функциональной незрелости
головного мозга у старших дошкольников..... 123
- Иформация для авторов** 133

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND APPLIED ISSUES OF CONTEMPORARY PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Afanasyeva O. F. On the age dynamics of victim behavior	7
Ganina T. V. The problem of professional burnout among modern teachers	16
Gordashnikova O. Yu., Bechiev Sh. Sh., Fedorchuk Yu. M., Filippov D. V. Ensuring accessibility of secondary vocational education: assessment of the current state by the parent community.....	22
Eremenko T. V. Formation of value systems of students' information behavior: review of research literature	32
Posyanova O. S. Russian version of the Richmond Compulsive Buying Behavior Scale express questionnaire.....	39
Shchetinina N. P. Methodological support of school teachers as a condition for their professional and personal development and improving the quality of the educational process in the first half of the 1950s (materials from municipal schools in Ryazan).....	48

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ISSUES AND PROSPECTS OF MODERN EDUCATION

Bushmakin A. S. Influence of socio-cultural activities on professional self-identification and motivation of cadets of educational organizations of the Russian Federal Penitentiary Service of the Russian Federation	55
Kulakov I. I., Levin P. V. Techniques of physical and psychological training in kettlebell lifting at advanced stages.....	66
Sarafanova T. V., Litvinova V. M. On formation of interest in a foreign language in students of a non-linguistic university (experience of Udmurt State Agrarian University)	74
Fulin V. A. Preparing future teachers to use distance education technologies: results of an online survey	81

RELEVANT ISSUES OF PERSONALITY PSYCHOLOGY

Bashkireva A. V., Knel A. S., Nazarova Yu. V.
Systems of life goals in modern adolescents and young adults..... 88

Bespalova T. M., Tenyaeva O. V.
Demonstration of women’s willingness to reveal their personal potential..... 97

MODERN SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Kiseleva R. N.
Large families as perceived by college students 105

Sivakov M. A.
Role-playing in professional language training:
preferences of medical students 116

RELEVANT ISSUES OF CORRECTIONAL PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

**Glukhova A. P., Nesterenko O. B., Perevezentseva N. L.,
Samarina E. V., Lukova M. S.**
Non-integrated reflexes that indicate functional immaturity
of the brain in older preschool children..... 123

Information for authors..... 133

Теоретические и практические проблемы современной педагогики и психологии

Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 7–15.
Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal. 2024, no. 3 (71), pp. 7–15.

Научная статья
УДК 159.9:316.624
DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.001

К вопросу о возрастной динамике виктимного поведения

Афанасьева Ольга Федоровна
Российский новый университет
Москва, Россия
bmv600@list.ru

Аннотация. В ситуации постоянно меняющейся макросреды, а также в связи с усложняющимися жизненными задачами встраивания личности в социум, изучение свойств и особенностей поведения личности, например, виктимности, которые негативно влияют на адаптацию личности в социуме, особенно актуально. В статье выдвигается предположение, что виктимное поведение личности возможно в различные периоды жизни; виктимность в одном возрастном периоде проявляется ярче, а в другом — в меньшей степени; для каждого возрастного периода характерны определенные модели виктимного поведения; наиболее сензитивным для проявления виктимного поведения является старший школьный (подростковый) возраст. Представлены эмпирические результаты и интерпретация моделей виктимного поведения подростков, юношей и взрослых. В статье представлены и проанализированы результаты исследования виктимного поведения, характерного на каждом представленном возрастном этапе. Рассмотрены модели виктимного поведения учащихся 4-х, 6-х, 8-х классов, молодежи и взрослых. Доказано, что виктимное поведение присуще личности независимо от возраста, наиболее подвержены негативному влиянию среды и имеют высокий уровень предрасположенности и проявление виктимности школьники старших классов. Сделаны акценты на некоторых причинах проявления виктимности, предложены пути девиктимизации.

Ключевые слова: виктимное поведение, жертва, младшие школьники, подростковый возраст, молодежь, зрелый возраст, девиантное поведение.

Для цитирования: Афанасьева О. Ф. К вопросу о возрастной динамике виктимного поведения // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 7–15. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.001.

Original article

On the age dynamics of victim behavior

Olga Fedorovna Afanasyeva
Russian New University
Moscow, Russia
bmv600@list.ru

Abstract. In our constantly changing macro-environment, as well as in connection with the increasingly complex life tasks of personal socialization, the study of properties and features of personality behavior, such as victimhood, which negatively affects the adaptation of a personality in society, is especially relevant. The article

puts forward the assumption that victim behavior of a personality is possible in different periods of life; victimhood in one age period manifests itself more vividly, and in another – to a lesser extent; each age period is characterized by certain patterns of victim behavior; the most sensitive for the manifestation of victim behavior is the high school (adolescent) age. The paper includes empirical results and interpretation of models of victim behavior of adolescents, young people and adults. The article presents and analyzes the results of the study of victim behavior characteristic at each presented age. We consider the models of victim behavior among students of 4th, 6th, and 8th grades, youths and adults. It is proved that victim behavior is inherent to a person regardless of age. High school students are frequently exposed to the negative influence of the environment and have a high level of predisposition and manifestation of victimhood. Emphasis is placed on some causes of victimization, and suggest ways of devictimization.

Keywords: victim behavior, victim, younger schoolchildren, adolescence, youth, adulthood, deviant behavior.

For citation: Afanasyeva O. F. On the age dynamics of victim behavior // Psikhologo-pedagogicheskii poisk [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 7–15. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.001.

Введение. В современных социально-экономических реалиях от специалиста в большинстве случаев требуется высокий уровень жизнестойкости и саморегуляции, умение совладать со стрессовыми ситуациями, необходимость ставить определенные задачи и искать оптимальные способы их решения. Вместе с тем приходится констатировать, что в силу определенных факторов не всегда это возможно реализовать. Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) ввела критерии психического здоровья человека, которые определяют состояние человека в целом, возможность влиться в социум и комфортно в нем существовать. Само определение психического здоровья, согласно концепции ВОЗ, предполагает такой психологический статус человека, при котором он способен справиться со стрессовыми ситуациями и имеет возможность успешно реализовать собственный потенциал (учебный, трудовой, личностный). Среди основных критериев психического здоровья есть те, которые коррелируют с проблемой виктимности и лежат в проблемном поле нашего исследования: адекватность понимания общества, осознание поступков, стремление к новым целям, целостность, работоспособность и активность. И в данном ключе одна из проблем отклонения от нормы психического здоровья — формирование позиции жертвы.

Первоначально жертва рассматривалась в контексте какого-либо преступления, изучением таких вопросов занимались криминалистические структуры. В настоящее время понятие виктимности имеет более широкий ареал распространения. Зарубежные исследователи делают акцент на изучении проблем насилия в семье (жестокое обращение с женщинами и детьми), а также вопросов буллинга в учебных заведениях в связи с расовыми расхождениями и возросшим количеством школьников с избыточным весом (Storch, Masia-Warner, 2004; Stein, Dukes, Warren, 2007). В отечественной науке, помимо вопросов жестокого обращения, изучаются особенности личности жертвы (Андронникова, 2005, 2019; Клачкова, 2008; Одинцова, 2012, 2016; Руденский, 2020; Чернобровкина, 2012).

В каком бы контексте не рассматривалась виктимность, ученые отмечают, что это такое стечение обстоятельств, при которых человек не имеет возможности в силу эндо- и экзогенных факторов противостоять внешнему воздействию, что впоследствии приводит к негативным для индивида последствиям. В зависимости от силы воздействия и уровня готовности личности к реагированию виктимность повышает риск развития стресса, тревожности, что может вызывать функциональные нарушения и провоцировать самоповреждения вплоть до летального исхода (Андронникова, 2005; Малкина-Пых, 2010; Польская, Мельникова, 2020; Яценко, 2019, Мудрик, Яковлева, 2021).

Цель нашего исследования — выявить специфику виктимного поведения в возрастной динамике.

Гипотеза исследования: предполагается, что для каждого возраста характерно наличие определенных моделей виктимного поведения, а наиболее сенситивным периодом для проявления различных особенностей виктимности является подростковый возраст.

Методики исследования. Для достижения цели использовалась методика О. О. Андронниковой «Склонность к виктимному поведению» (с адаптированными вопросами для 4-х и 6-х классов); индивидуальная беседа. В исследовании приняли участие 120 человек. Из них 23 ученика 4-х, 25 учеников 6-х и 29 учеников 8-х классов, 22 юноши и девушки вузов в возрасте от 17 до 22 лет, 21 человек в возрасте от 35 до 55 лет.

Обсуждение основных результатов. Степень выраженности моделей виктимного поведения (методика О. О. Андронниковой) определяется тремя уровнями: высоким, средним и низким. Предваряя полученные результаты, отметим, что средний уровень свидетельствует о нормативных данных. Показатели выше нормы (высокий уровень) свидетельствуют о наличии виктимного поведения и реализованной виктимности, низкие баллы по шкалам (низкий уровень) свидетельствуют о предвиктимном состоянии, склонности к защитным (дефензивным) действиям и потенциальной виктимности.

В статье подробно рассмотрено характерное для каждого возрастного этапа виктимное поведение. Каждой возрастной группе присуща реализованная и потенциальная виктимность (табл.).

Таблица

Сравнение моделей виктимного поведения в возрастной динамике

Возрастные периоды Шкалы и уровни		Младшие школьники (4-й класс)	Старший школьный возраст		Молодежь	Взрослые
			6-й класс	8-й класс		
Реализованная виктимность	В	–	4,3	–	–	4,8
	С	43,5	8,7	38,0	36,4	33,3
	Н	56,5	87,0	62,0	63,6	61,9
Агрессивная модель	В	–	–	13,8	18,2	–
	С	34,8	30,4	70,9	31,8	33,3
	Н	65,2	69,6	17,2	50,0	66,7
Активная модель	В	–	13,1	24,1	4,5	–
	С	47,8	39,1	41,4	41,0	33,3
	Н	52,2	47,8	34,5	54,5	66,7
Инициативная модель	В	43,5	34,8	13,8	31,7	57,1
	С	56,5	60,9	65,5	50,0	38,1
	Н	–	4,3	20,7	18,2	4,8
Пассивная модель	В	8,7	4,3	3,5	9,0	4,8
	С	69,6	60,9	44,8	41,0	33,3
	Н	21,7	34,8	51,6	50,0	61,9
Некритичная модель	В	–	4,3	3,4	–	–
	С	47,8	60,9	65,5	41,0	14,3
	Н	52,2	34,8	31,0	59,0	85,7

Среди взрослых испытуемых (от 35 до 55 лет) преобладающим поведением является дефензивное поведение ($\geq 50\%$). Таким людям свойственна неуверенность, уязвимость, беспомощность. Дефензивные люди — не агрессивные, тяжело адаптирующиеся в социуме, выбирают поведение жертвы, находятся в защищающейся жизненной позиции (Одинцова, 2016). Как правило, у них есть выработанный защитный механизм, позволяющий избегать критических ситуаций, выраженный в пассивности (безынициативности), стремлении обособиться, повышенной осторожности, склонности жестко придерживаться правил и норм. Большинство опрошенных респондентов имеют внутреннюю готовность к виктимизации. В беседе такие респонденты проявляли мнительность, скептицизм, тревожность. Отмечались также явные признаки фрустрации, направленной как на себя, так и на других людей, и на обстоятельства; заметны разочарование и досада от нереализованности; есть скрытая агрессия, поскольку они не в состоянии занять достойное, по их мнению, место в коллективе и выразить свою точку зрения.

Большую группу составляют взрослые с высоким уровнем по шкале инициативной модели (57,1%). Данная шкала указывает на степень социальной активности. Высокие показатели по этой шкале характеризуют испытуемых, вмешивающихся в ситуации, при которых проявляется активная позиция гражданина, одобряемая обществом (например, спасти человека, предотвратить преступление и т. п.). Им присущи такие качества, как решительность, смелость, отзывчи-

вость, сочувствие. Однако такое поведение не всегда оправдано и нередко может иметь летальный исход, а положительные качества проявляются с излишней самонадеянностью. В беседе испытуемые ведут себя рассудительно. В прошлом они имели чаще положительный опыт общения с родителями и сверстниками, действовали в соответствии с морально-нравственными нормами и такое поведение поощрялось взрослыми и сверстниками.

В референтной группе молодежи (см. табл.) аналогичная ситуация. Высокий процент ($\geq 50\%$) испытуемых имеют низкий уровень по всем шкалам виктимного поведения. Молодежи также свойственно зависимое поведение, стремление к повышенной безопасности, стремление избегать ошибок через пассивность, снижение мотивации при достижении цели, отсутствие позитивного самовосприятия. При общении такие испытуемые проявляли осторожность, обособленность, нерешительность, страх дать неверный ответ. Анализируя полученные ответы в данной группе, отметим, что предполагаемыми причинами такого поведения могло стать отсутствие поддержки в семье, изолированность от социума (социальная депривация в подростковом возрасте), жесткие требования со стороны отца.

В отличие от взрослых (см. табл. 1), в группе молодежи наблюдаются высокие показатели по шкалам агрессивная модель виктимного поведения (18,2 %) и активная модель виктимного поведения (4,5 %). Склонность к агрессивному виктимному поведению выражается в проявлении провокационной агрессии (оскорбления), которая может приводить к серьезным конфликтам или даже дракам. Респондентам присущи вспыльчивость, нетерпеливость, деспотизм, мстительность. В беседе такие лица проявляют иронию с агрессивной направленностью, превосходство, задиристость. В детстве у большинства испытуемых данной группы, как правило, был пережитый развод родителей, семейные скандалы, отсутствие положительных копинг-стратегий в ситуации конфликта. Активная модель виктимного поведения или склонность к самоповреждению (“self harm”) и саморазрушению выражается в нанесении себе вреда умышленно (для снижения эмоционального напряжения, с целью манипуляции в микросоциуме, в ситуации неудовлетворенности собой) или по неосторожности (например, для красивых «селфи» с целью получить социальное одобрение). В беседе испытуемые с активной моделью виктимного поведения достаточно застенчивы, не могут объяснить причин своего поведения и не осознают его последствий, не видят проблем в самоповреждении. В семье с детства сложные отношения (отец агрессор, авторитарный стиль воспитания).

Далее подробнее рассмотрим испытуемых подросткового возраста, так как подростковый возраст является благоприятным для развития различных психологических процессов. Как отмечают известные исследователи возрастной психологии (Л. С. Выготский, Э. Эриксон, Л. И. Божович, А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов), младший школьный возраст — период преобразований разных сфер ребенка. В эти годы ребенок сосредоточен на обретении навыков учебной деятельности для познания мира и на саморегуляции. К 9–11 годам наступает первый подростковый кризис. Снижается мотивация к познавательной деятельности, а новые мотивы еще не успели сформироваться. Смещается акцент в межличностных отношениях: начинается поиск своего места среди сверстников и снижается авторитет взрослого. В течение всего младшего школьного возраста у ребенка формируется самооценка, собственная значимость и чувство успешности, в противном случае формируется комплекс неполноценности. Познавательная деятельность в начальной школе способствует формированию рефлексии у младших школьников, причем не только оценки своего поведения, но и прогностической его функции, а именно способности оценить собственные возможности решения поставленной задачи. Данная способность особенно важна для формирования в дальнейшем критического мышления, преодоления трудных ситуаций, адекватной самооценки, самоконтроля (Аманбаева, 2019). Некоторые из преобразований, незаконченность формирования личностных качеств в младшем школьном возрасте являются предпосылками виктимизации школьников и повышают риск развития виктимности в старшем подростковом возрасте.

Результаты исследования (рис. 1) показывают, что большинство (свыше 50 %) респондентов данной возрастной группы имеют низкий уровень по многим шкалам, что свидетельствует о склонности к излишней осторожности, безынициативности, пассивности. У них возникают сложности в решении поставленных задач, может развиваться тревожность и чувство неудовлетворения собой.

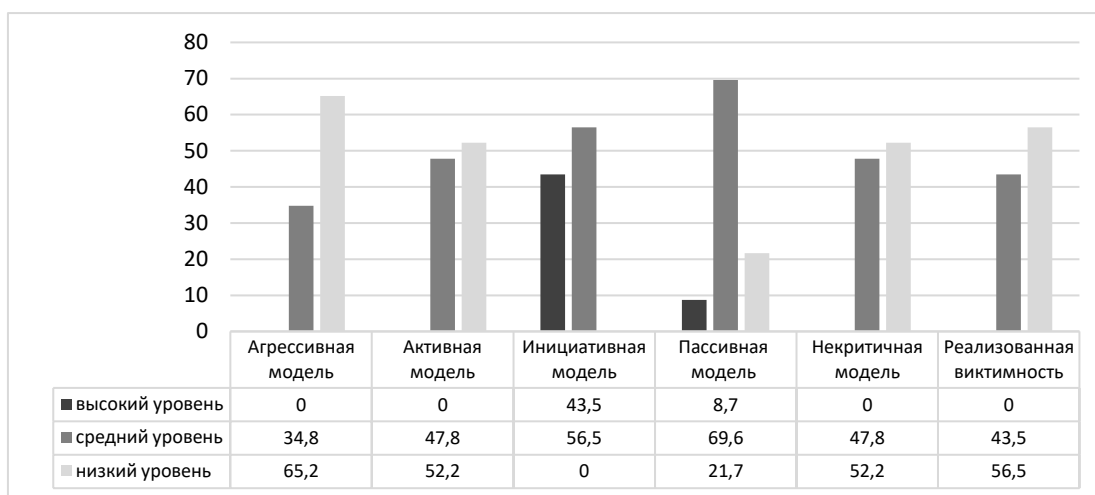

Рис. 1. Модели и уровни виктимного поведения в 4-х классах

Часть школьников (8,7 %) имеют высокий уровень по шкале пассивного виктимного поведения, то есть испытуемые имеют установку на беспомощность, и, как правило, низкую самооценку, занимают роль жертвы с целью получения одобрения окружающих. Им сложно противостоять трудностям, нуждаются в поддержке; они скромны, сильно внушаемы. 43,5 % школьников имеют высокий уровень по шкале инициативного виктимного поведения. Это чрезмерное стремление к соблюдению социальных норм и правил, а также крайнюю степень гиперсоциальности (сверхриск, излишняя самонадеянность, настойчивость в своих требованиях по отношению к другим). Реализованной виктимности в данной группе испытуемых не выявлено, однако у большей части (56,5 %) респондентов есть внутренняя готовность к поведению жертвы (потенциальная виктимность).

Отечественные и зарубежные ученые (З. Фрейд, Г. С. Салливен, Э. Эриксон, К. Берк, Г. Крайг, Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Л. В. Обухова, И. В. Дубровина и др.) отмечают, что следующий жизненный этап, подростковый, является одним из самых неоднозначных, противоречивых, но и самым значимым. Ребенок начинает выделять себя в качестве объекта самопознания и самовоспитания. Серьезные физиологические изменения оказывают заметное влияние на поведение и психологические особенности. Начинается борьба за свою взрослость. Он погружается в ролевое экспериментирование, путем проб и ошибок пытается найти свое место в обществе. Приоритетным становится общение со сверстниками. В этот период теряется чувство целостности, проявляется тревожность, нерешительность, агрессия, фрустрации и атрибуции. Возрастает стремление к автономии, при этом обостряется чувство защищенности и безопасности (Воробьева, 2018; Абибулоева, 2019). Такие изменения в подростковом возрасте являются благоприятными условиями для виктимизации. Результаты исследования по данной референтной группе это подтверждают (рис. 2).

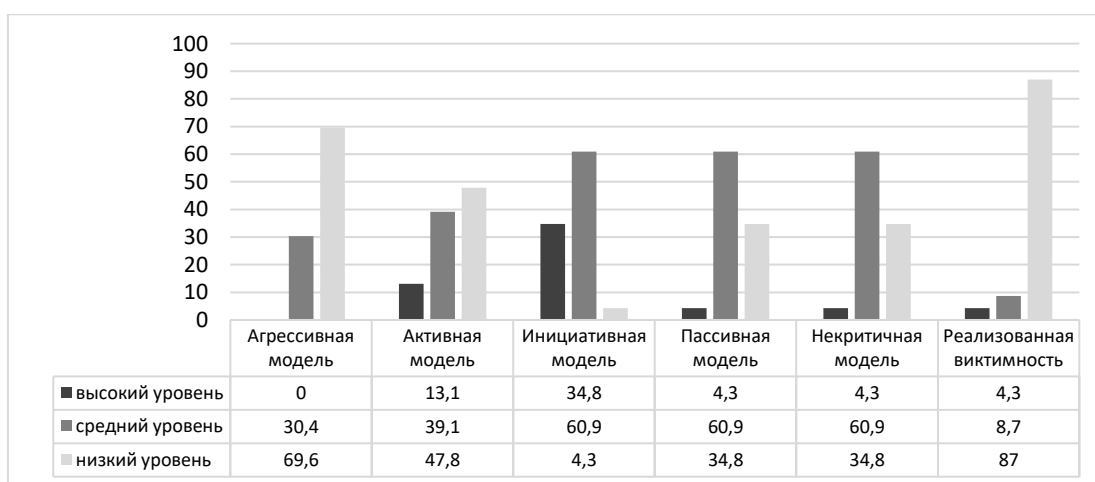

Рис. 2. Модели и уровни виктимного поведения в 6-х классах

Часть испытуемых (4,3 %) в данной группе имеет высокие показатели по шкале некритичной модели виктимного поведения. Такие качества, как излишняя искренность, доброта, отзывчивость, а также неосмотрительность, неосторожность, доверчивость, идеализирование, привлекают внимание агрессоров. Важно отметить, что в данном возрасте появляются (13,1 %) подростки с высоким уровнем по шкале «Активное виктимное поведение», то есть имеющие склонность к самоповреждению (саморазрушению). В беседе выявилась не только склонность к совершению таких необдуманных действий, но и наличие характерных порезов на отдельных частях тела (“self harm”) у подростков. Причины такого поведения объяснялись желанием обратить на себя внимание, трансформацией эмоциональной нагрузки в физическую боль, шантажом (манипулированием) микросоциума. Некоторым подросткам (4,3 %) в данном возрасте свойственна склонность к зависимому и беспомощному поведению (шкала пассивного виктимного поведения). Это ребята с низкой самооценкой, не имеют возможности, в силу разных причин, оказать сопротивление, зависимы от чужого мнения, ожидают поддержки окружающих, сильно внушаемы, готовы оправдать агрессию по отношению к себе.

Резюмируя результаты по данной референтной группе, можно отметить, что уже на подростковом этапе возникает взаимосвязь виктимного поведения и возрастных особенностей: появляются подростки (4,3 %), имеющие реализованную виктимность, в данной группе самый высокий процент (87 %) имеют внутреннюю готовность быть жертвой и сформированные предпосылки к виктимизации. Такие особенности возраста, как невозможность объективно оценить ситуацию, излишняя робость или агрессия, стремление к взрослости, неустойчивая саморегуляция, склонность к подражанию сверстникам, зависимость от чужого мнения, внушаемость, выступают факторами виктимизации.

Старший подростковый возраст (8–9-е классы) ознаменовывается формированием относительно устойчивой целостной личности, с самоопределением, самосознанием и объективной самооценкой, с системой социально-нравственных норм, с качественно новым (критическим) стилем мышления, позволяющим анализировать и систематизировать поступающую информацию. Анализируя результаты группы 8-х классов (рис. 3), приходится констатировать, что по многим шкалам сохраняется ряд показателей.

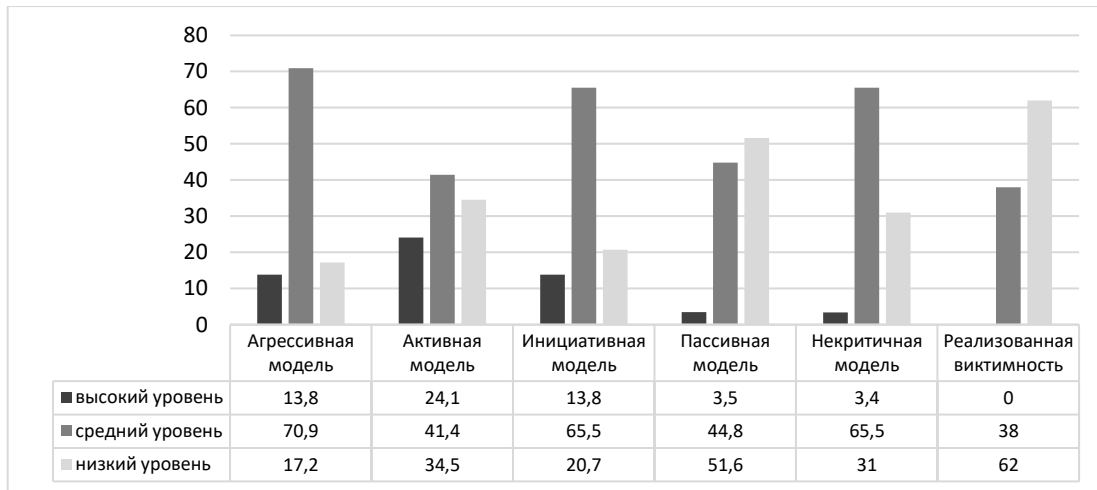

Рис. 3. Модели и уровни виктимного поведения в 8-х классах

В исследуемой группе остаются подростки (3,4 %) с излишним проявлением личностных качеств, как позитивных (доброта, щедрость, искренность), так и негативных (жадность, меркантильность), которые выступают детерминирующим фактором некритичного виктимного поведения. Снижается процент подростков, имеющих высокий уровень по шкале инициативной модели (до 13,8 %) и с пассивной моделью (до 3,5 %) виктимного поведения. Отсутствуют подростки с реализованной виктимностью, при этом сохраняется высокий процент (62 %) респондентов, у которых сформирована предрасположенность к виктимизации. В данном возрасте проявляется особенность, не присущая младшему подростковому возрасту, но сохраняющаяся у молодежи. На рисунке 3 показано, что 13,8 % респондентам свойственна агрессивная модель виктимного поведения. Это подростки, которые могут преднамеренно провоцировать конфликтные ситуации,

проявлять агрессию, часто по необоснованным причинам. Для них характерно антисоциальное поведение, сексуальная распушенность, склонность к злоупотреблению спиртными напитками. Такое поведение обусловлено чувством самовыражения, необдуманности последствий, проявлением мнимой взрослости, желанием доказать, что могут самостоятельно решить свою проблему и контролировать ситуацию.

Данные представленного исследования аналогичны с исследованием виктимной деформации личности и видов виктимного поведения подростков и юношей Т. Е. Яценко. Она отмечает, что виктимное поведение подростков (проявление агрессии, провокационное поведение, самопричинение боли, конформность, зависимое поведение, манипулятивная жертвенность) в подростковом возрасте является условно нормативным, то есть допустимым, принимая во внимание психофизиологические особенности данного возраста (Яценко, 2019).

Выводы и перспективы исследований. В меняющемся мире возникает острая необходимость проводить эмпирические исследования свойств личности в возрастной динамике. Это позволит своевременно выявлять и уточнять предикторы, влияющие на развитие и становление личности. Анализ научных подходов к изучению виктимности показывает, что появляются практические разработки методов изучения видов виктимного поведения (Андронникова, 2005; Одинцова, 2012; Яценко, 2019), попытки структурировать личность с виктимным поведением (Руденский, 2020; Клачкова, 2008; Малкина-Пых, 2010; Чернобровкина, 2012). Однако недостаточно проработана комплексная система превентивных мер, направленных на предотвращение, выявление и девиктимизацию независимо от возраста.

Полученные результаты проведенного исследования возрастной динамики виктимности свидетельствуют о том, что виктимность не временное явление, присущее человеку в каком-то определенном возрасте. Различные модели виктимного поведения проявляются на разных этапах его жизни. Более того, потенциально опасным является тот факт, что люди, независимо от возраста, могут находиться в предвиктимном состоянии и при определенных условиях жизни виктимность может реализоваться и привести к негативным последствиям. Еще один важный аспект заключается в том, что реализованная виктимность не исчезает сама собой.

Результаты проведенного исследования важны для практического применения, в первую очередь, в деятельности психологов и педагогов, работающих с различным возрастным контингентом, особенно с младшими школьниками в рамках профилактической работы. Период младшего школьного возраста должен стать стартовой точкой для внедрения превентивных мер по предотвращению виктимизации и девиктимизации, включая диагностическую и профилактическую работу.

Список источников

1. Абибуллоева С. А. Психологические особенности развития личности подросткового возраста // Форум молодых ученых. — 2019. — № 2 (30). — С. 39–43.
2. Аманбаева З. С. Возрастные особенности морфофункционального развития детей младшего школьного возраста // Вестник Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы. — 2019. — № 3 (51). — С. 105–110.
3. Андронникова О. О. Виктимное поведение подростков: факторы возникновения и профилактики : моногр. — Новосибирск : Новосибир. гуманит. ин-т, 2005. — 300 с.
4. Андронникова О. О. Психологическая модель генезиса индивидуальной виктимизации: детский, подростковый и юношеский возраст // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. — 2019. — № 2. — С. 55–64.
5. Андронникова О. О. Методика исследования склонности к виктимному поведению (МСВП). — Новосибирск : Новосибир. гуманит. ин-т, 2005. — 24 с.
6. Воробьева Е. М. Психологические особенности проявления отклоняющегося поведения в подростковом возрасте // Приоритетные научные направления в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф. // под общ. ред. А. И. Вострецова. — Прага : Мир науки, 2018. — С. 280–290.
7. Всемирная организация здравоохранения. Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2030 (Comprehensive mental health action plan 2013–2030). — URL : <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 11.03.2024).
8. Клачкова О. А. Психологические особенности виктимной личности // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2008. — № 58. — С. 396–399.
9. Коврова А. Обзор исследований возрастных и гендерных особенностей феномена «жертвы» // Международный научно-исследовательский журнал. — 2019. — № 9 (87). — С. 76–79.

10. Малкина-Пых И. Г. Виктимология: психология поведения жертвы (комплексный анализ феномена жертвы, подходы к индивидуальному консультированию, упражнения и техники) : моногр. — М. : Эксмо, 2010. — 864 с.
11. Морозов В. Е., Музыченко А. В. Особенности школьного буллинга и насилия среди сверстников в младшем подростковом возрасте // Психология и жизнь: актуальные проблемы психологии образования и развития личности в современном мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. — Мн. : Белорус. гос. пед. ун-т им. Максима Танка, 2022. — С. 194–204.
12. Мудрик А. В., Яковлева М. Г. Социально-педагогическая виктимология : моногр. — М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2021. — 396 с.
13. Одинцова М. А. Многоликость «жертвы», или немного о великой манипуляции (система работы, диагностика, тренинги) : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2016. — 289 с.
14. Одинцова М. А. Ролевая виктимность в поведении подростков из социально незащищенных семей // Психологическая наука и образование. — 2012. — № 3. — С. 1–12.
15. Польская Н. А., Мельникова М. А. Диссоциация, травма и самоповреждающее поведение // Консультативная психология и психотерапия. — 2020. — Т. 28, № 1. — С. 25–48.
16. Психологическое здоровье : дайджест / сост. О. Б. Полякова, Т. И. Бонкало. — М. : НИИ организации здравоохран. и мед. менеджмента, 2023. — 54 с.
17. Руденский Е. В. Межличностная патология: теоретическое основание виктимологической концепции психологии развития // Развитие человека в современном мире. — 2020. — № 3. — С. 96–111.
18. Феоктистова С. В., Григорьева И. В., Афанасьева О. Ф. Взаимосвязь виктимного поведения и буллинга в подростковой среде // Высшее образование сегодня. — 2022. — № 8. — С. 68–72.
19. Чернобровкина Н. Ю. Специфика ценностной сферы виктимной личности // Вестник Университета Российской академии образования. — 2012. — № 2. — С. 50–53.
20. Яценко Т. Е. Взаимосвязь виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрастах // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. Сер. «Психологические науки». — 2019. — № 3 (43). — С. 233–241.
21. Storch E. A., Masia-Warner C. The relationship of peer victimization to social anxiety and loneliness in adolescent females // Journal of Adolescence. — 2004, June. — Vol. 27, Iss. 3. — Pp. 351–362.
22. Stein J. A., Dukes R. L., Warren J. I. Adolescent Male Bullies, Victims, and Bully-Victims: A Comparison of Psychosocial and Behavioral Characteristics // Journal of Pediatric Psychology. — 2007, Apr. — Vol. 32, Iss. 3. — Pp. 273–282.

References

1. Abibulloeva S. A. Psychological features of personality development in adolescence. *Forum molodykh uchenykh*. [Forum of young scientists]. 2019, iss. 2 (30), pp. 39–43. (In Russian).
2. Amanbaeva Z. S. Age features of morphofunctional development of primary school children. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni M. Akmully*. [Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla]. 2019, iss. 3 (51), pp. 105–110. (In Russian).
3. Andronnikova O. O. *Viktimnoye povedeniye podrostkov: faktory vozniknoveniya i profilaktika: monogr.* [Victim behavior of adolescents: factors of occurrence and prevention: monograph]. Novosibirsk, Novosibirsk Humanitarian Institute Publ., 2005, 300 p. (In Russian).
4. Andronnikova O. O. Psychological model of the genesis of individual victimization: childhood, adolescence and youth. *Gertsenovskiy chteniye: psikhologicheskoye issledovaniya v obrazovanii*. [Herzen Readings: psychological research in education]. 2019, iss. 2, pp. 55–64. (In Russian).
5. Andronnikova O. O. *Metodika issledovaniya sklonnosti k viktimnomu povedeniyu (MSVP)*. [Methodology for studying proneness to victim behavior (MSVP)]. Novosibirsk, Novosibirsk Humanitarian Institute, 2005, 24 p. (In Russian).
6. Vorobyova E. M. *Psychological features of manifestation of deviant behavior in adolescence. Prioritetnyye nauchnyye napravleniya v XXI veke: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Pod obshch. red. A. I. Vostretsova*. [Major scientific directions in the 21st century: materials of the International scientific and practical conference. Ed. by A. I. Vostretsov]. Prague, Mir nauki, 2018, pp. 280–290. (In Russian).
7. World Health Organization. Comprehensive mental health action plan 2013–2030. Available at: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (accessed: 11.03.2024). (In Russian).
8. Klachkova O. A. Psychological characteristics of the victim personality. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. [Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]. 2008, iss. 58, pp. 396–399. (In Russian).
9. Kovrova A. Review of research on age and gender characteristics of the “victim” phenomenon. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. [International Research Journal]. 2019, iss. 9 (87). (In Russian).

10. Malkina-Pykh I. G. *Viktimologiya: psikhologiya povedeniya zherty (kompleksnyy analiz fenomena zherty, podkhody k individualnomu konsultirovaniyu, uprazhneniya i tekhniki): monogr.* [Victimology: psychology of victim behavior (comprehensive analysis of the victim phenomenon, approaches to individual counseling, exercises and techniques): monograph]. Moscow, Eksmo, 2010, 864 p. (In Russian).
11. Morozov V. E., Muzychenko A. V. Features of school bullying and violence among peers in early adolescence. *Psikhologiya i zhizn: aktualnyye problemy psikhologii obrazovaniya i razvitiya lichnosti v sovremennom mire: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Psychology and life: current problems of educational psychology and personality development in the modern world: materials of the VI International scientific-practical conference]. Minsk, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, 2022, pp. 194–204. (In Russian).
12. Mudrik A. V., Yakovleva M. G. *Sotsialno-pedagogicheskaya viktimologiya: monogr.* [Social and pedagogical victimology: monograph]. Moscow, Moscow Pedagogical State University, 2021, 396 p. (In Russian).
13. Odintsova M. A. *Mnogolikost "zherty," ili nemnogo o velikoy manipulyatsii (sistema raboty, diagnostika, treningi): ucheb. posobiye.* [The many faces of the "victim," or a little about the great manipulation (system of work, diagnostics, trainings): study guide]. Moscow, Flinta, 2016, 289 p. (In Russian).
14. Odintsova M. A. Role victimization in the behavior of adolescents from socially vulnerable families. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye.* [Psychological science and education]. 2012, iss. 3, pp. 1–12. (In Russian).
15. Polskaya N. A., Melnikova M. A. Dissociation, trauma and self-harming behavior. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya.* [Counseling psychology and psychotherapy]. 2020, vol. 28, iss. 1, pp. 25–48. (In Russian).
16. *Psikhologicheskoye zdorovye: daydzhest. Sost. O. B. Polyakova, T. I. Bonkalo.* [Psychological health: digest. Compiled by O. B. Polyakova, T. I. Bonkalo]. Moscow, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management, 2023, 54 p. (In Russian).
17. Rudensky E. V. Interpersonal pathology: theoretical basis of the victimological concept of developmental psychology. *Razvitiye cheloveka v sovremennom mire.* [Human development in the modern world]. 2020, iss. 3, pp. 96–111. (In Russian).
18. Feoktistova S. V., Grigoryeva I. V., Afanasyeva O. F. The relationship between victim behavior and bullying in the teenage environment. *Vyssheye obrazovaniye segodnya.* [Higher education today]. 2022, iss. 8, pp. 68–72. (In Russian).
19. Chernobrovkina N. Yu. Specificity of the value sphere of the victim personality. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya.* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]. 2012, iss. 2, pp. 50–53. (In Russian).
20. Yatsenko T. E. The relationship between victim deformation of personality and the tendency to victim behavior in adolescence and youth. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Psikhologicheskkiye nauki".* [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. Series "Psychological Sciences"]. 2019, iss. 3 (43), pp. 233–241. (In Russian).
21. Storch E. A., Masia-Warner C. The relationship of peer victimization to social anxiety and loneliness in adolescent females. *Journal of Adolescence.* 2004, June, vol. 27, iss. 3, pp. 351–362.
22. Stein J. A., Dukes R. L., Warren J. I. Adolescent Male Bullies, Victims, and Bully-Victims: A Comparison of Psychosocial and Behavioral Characteristics. *Journal of Pediatric Psychology.* 2007, April, vol. 32, iss. 3, pp. 273–282.

Информация об авторе

Афанасьева Ольга Федоровна — аспирант 4-го курса направления подготовки 37.06.01 «Психологические науки» кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета.

Information about the author

Afanasyeva Olga Fedorovna — 4th year postgraduate student of training program 37.06.01 "Psychological Sciences" of the Department of General Psychology and Labor Psychology of the Russian New University.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024; одобрена после рецензирования 23.06.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 15.06.2024; approved after reviewing 23.06.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Научная статья

УДК 37.015.3

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.002

Проблема профессионального выгорания современных педагогов

Ганина Тамара Васильевна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязань, Россия

t.ganina@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье раскрыта проблема профессионального выгорания педагогов в образовательных учреждениях, выявлены основные причины и особенности этого явления. Автор приводит данные различных исследований, направленных на выявление профессионального выгорания и его последствий для педагогов. Отмечается, что такой педагог перестает радоваться жизни, ощущает эмоциональное истощение, пассивность, хроническую усталость и апатию, часто раздражается, утрачивает интерес к своей профессиональной деятельности, не стремится к творчеству и самореализации. Проведенное исследование среди рязанских педагогов позволило выявить особенности и причины их профессионального выгорания. На основе анализа теоретических источников и исследования по данной проблеме автор приходит к выводу о том, что необходима комплексная и целенаправленная работа по профилактике профессионального выгорания у педагогов и преподавателей. В статье даются рекомендации для снижения риска профессионального выгорания.

Ключевые слова: педагог, педагогическая деятельность, профессиональное выгорание, эмоциональное выгорание, проявление профессионального выгорания, последствия профессионального выгорания.

Для цитирования: Ганина Т. В. Проблема профессионального выгорания современных педагогов // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 16–21. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.002.

Original article

The problem of professional burnout among modern teachers

Tamara Vasilyevna Ganina

Ryazan State University named for S. A. Yesenin

Ryazan, Russia

t.ganina@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article addresses the issue of professional burnout of teachers in educational institutions, identifies the main causes and features of this phenomenon. The author employs data of various studies aimed at identifying professional burnout and its consequences for teachers. It is noted that in this condition a teacher ceases to enjoy life, feels emotional exhaustion, passivity, chronic fatigue and apathy, is often irritated, loses interest in his professional activity, does not strive for creativity and self-realization. The research conducted among Ryazan teachers allowed us to identify the features and causes of their professional burnout. Based on the analysis of theoretical sources and research on this problem, the author comes to the conclusion that it is necessary to carry out complex and purposeful work to prevent professional burnout in teachers and educators. The article gives recommendations to reduce the risk of professional burnout.

Keywords: teacher, pedagogical activity, professional burnout, emotional burnout, manifestation of professional burnout, consequences of professional burnout.

For citation: Ganina T. V. The problem of professional burnout among modern teachers // *Psikhologopedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 16–21. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.002.

Введение. Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время профессиональное выгорание характерно для многих современных специалистов, связанных с профессиями «человек — человек», и самое большое количество специалистов, подверженных профессиональному выгоранию, наблюдается среди учителей средних школ и преподавателей вузов. Так, например, выявлено, что 71 % из 54 учителей имеет профессиональное и эмоциональное выгорание (Водопьянова, Старченкова, 2009, с. 108). Причины могут быть самые разные, но, в первую очередь, это связано с тем, что им приходится ежедневно общаться, нести ответственность за своих учеников и за результаты своего труда, взаимодействовать с «трудными» подростками и их родителями. Кроме того, педагоги часто сталкиваются с различными конфликтами и проблемами, которые возникают в учебном коллективе.

Следует отметить, что синдром выгорания может появиться у школьных учителей и преподавателей вузов с большим стажем работы и у молодых специалистов, которые только начинают свою профессиональную деятельность и пробуют свои силы на педагогическом поприще. У школьных учителей и преподавателей вузов с большим стажем работы профессиональное выгорание связано с длительным воздействием профессиональных стрессов, перегрузок и конфликтов, а у молодых учителей оно связано с адаптацией к новой профессиональной сфере и вхождением в новый коллектив.

Проблема профессионального выгорания отражена в работах таких исследователей, как В. В. Бойко, Н. Водопьянова, Э. Ф. Зеер, Н. Г. Осухова, Г. С. Никифоров, Э. Д. Хазиева, Т. Н. Шарыпова и др.

Цель исследования заключалась в том, чтобы на основе целенаправленного изучения проблемы профессионального выгорания выявить причины его возникновения и особенности проявления в образовательных организациях; предложить рекомендации, направленные на снижение риска профессионального выгорания и его профилактики.

Гипотеза исследования. Профессиональная деятельность педагога станет более результативной и продуктивной, если он будет меньше подвержен риску профессионального выгорания. Это возможно, если в образовательных организациях создаются благоприятные условия для работы педагогического коллектива и осуществляется целенаправленная работа по профилактике выгорания.

Методы исследования. В исследовании обозначенной проблемы использовались методы анализа и обобщения теоретических источников, анкетирование и наблюдение среди педагогов рязанских школ.

Обсуждение основных результатов исследования. В процессе преподавания педагогических дисциплин и подготовки студентов к производственной педагогической практике происходит знакомство с проблемой профессионального выгорания.

Следует отметить, что термин «сгорание» («выгорание») был впервые введен американским психиатром Х. Дж. Фрейденбергом в 1974 году для характеристики психологического состояния людей, которые часто и активно общаются с клиентами и постоянно находятся в атмосфере эмоционального перенапряжения при оказании профессиональной помощи. К таким людям он относил специалистов, работающих в системе «человек — человек» (врачи, юристы, психологи, психотерапевты, продавцы и др.); именно они в своей профессиональной деятельности вынуждены сталкиваться с различными негативными эмоциями, переживаниями, проявлением раздражительности и даже агрессии. Данным специалистам приходится вовлекаться в это состояние своих клиентов, пациентов, испытывая часто повышенное эмоциональное перенапряжение и стресс. Х. Дж. Фрейденберг трактовал синдром выгорания как поражение, истощение или износ, который происходит в человеке вследствие резко завышенных требований к собственным возможностям, ресурсам и силам. В связи с этим выгорающий специалист перестает радоваться жизни, ощущает эмоциональное истощение, пассивность, хроническую усталость и апатию, часто раздражается, теряет интерес к своей профессиональной деятельности, не стремится к творчеству и самореализации.

В начале 1970-х годов симптомы выгорания были впервые выявлены и у представителей таких профессий, как социальные и медицинские работники, администраторы, обслуживающий персонал, учителя, преподаватели вузов и др. Несколько позже в список профессий, связанных с явлением «выгорание», вошли адвокаты, торговый персонал, полицейские, политики, менеджеры и др. Одной из причин выгорания может быть отсутствие обратной связи, то есть должного признания, благодарности, проявления уважения со стороны тех, с кем приходится взаимодействовать и общаться, или со стороны их руководителей (Никифоров, 2007, с. 549).

В настоящее время феномен «выгорание» рассматривается в контексте таких понятий, как «профессиональное выгорание», «эмоциональное выгорание», «выгорание личности», «психологическое выгорание». По мнению Г. С. Никифорова, синдром «выгорание» включает более 100 симптомов. Что касается профессионального выгорания, то оно имеет более широкое значение и включает в себя и эмоциональное выгорание, и психологическое выгорание, так как тесно связано с психологическими и индивидуальными особенностями человека, его психическим состоянием, профессиональной деятельностью и эмоциональной сферой.

Выгорание может проявляться следующим образом:

- в виде дискомфорта, то есть душевного неблагополучия человека (неудовлетворенность личной жизнью, физическое недомогание, апатия, хроническая усталость, истощение нервной системы);

- в виде снижения продуктивности профессиональной деятельности (равнодушие к своим профессиональным обязанностям, результатам деятельности и даже к успехам, нежелание проявлять творчество и активность, отсутствие стремления что-то изменить или усовершенствовать).

Что касается труда педагогов, то, по мнению Р. А. Макаревича, он характеризуется повышенной напряженностью. На основе результатов анкетирования Макаревич сделал вывод о том, что большая часть их рабочего дня (66,2 %) протекает в напряженной обстановке (тревожность, нервозность, волнение, раздражительность и др.). По мнению Е. И. Рогова, «после работы значительная часть педагогов (45 %) чувствует разбитость, подавленность, желание лечь и уснуть» (Рогов, 2000, с. 187–188).

Кроме того, профессия учителя относится к типу профессий, которые характеризуются своими специфическими особенностями: ненормированный рабочий день, большие физические и психоэмоциональные нагрузки, низкий заработок и социальный статус, бесконечные проверки и отчеты, следование особым нормам и правилам поведения и общения. И как результат на фоне всех этих сильных негативных переживаний, волнений, противоречивых или завышенных требований может возникнуть внутриличностный конфликт (Шарыпова, Забейворота, 2019, с. 237–238).

На наш взгляд, представляют интерес результаты исследования, проведенного в 2000 году среди российских учителей средней школы (в исследовании приняли участие 120 женщин в возрасте от 30 до 55 лет). Оказалось, что у замужних женщин с семейным стажем более 10 лет гораздо чаще наблюдается высокий уровень выгорания, чем у разведенных или незамужних. Это связано с тем, что большая профессиональная нагрузка в сочетании с семейными заботами и проблемами, низкой зарплатой, нехваткой времени на отдых и восстановление нервно-психических затрат приводит к эмоциональному и физическому истощению и способствует профессиональному выгоранию (Водопьянова, Старченкова, 2009, с. 148). Что касается мужчин-учителей, то у женатых (80 человек в возрасте от 30 до 45 лет) реже наблюдается высокий уровень выгорания, чем у холостых и разведенных. Исследователи считают, что семья в какой-то степени может сглаживать риск проявления данного синдрома у женатых мужчин-учителей. Также отмечено, что у холостых и разведенных мужчин-учителей эмоциональное и профессиональное выгорание связано с переживанием одиночества, низкой самооценкой и неудовлетворенностью личной жизнью. Именно эта категория мужчин-учителей хуже справляется с профессиональными стрессами и, следовательно, подвержена профессиональному выгоранию (Водопьянова, Старченкова, 2009, с. 149).

Безусловно, профессиональное выгорание педагога может повлечь за собой и внутреннее сдерживаемое раздражение, которое часто вырывается наружу в виде конфликтов или агрессии. В результате этого у педагога растет напряжение в общении с коллегами, учениками и их родителями, и ему нужно приложить усилия, чтобы заставить себя хорошо выполнять свои функциональные обязанности и держать под контролем свои эмоции. Это явление описал в свое время Альфред Лэнгле, назвав его процессом дегуманизации, проявляющимся в изменении отношений к людям, когда уважительное и внимательное отношение к ним превращается в негативное или равнодушное, даже по отношению к себе и своим близким. Как отмечает Н. Г. Осухова, в этом случае человек становится опасно равнодушным ко всем и всему, даже к собственной жизни. Ему безразличны люди и он сам, любимая работа уже не имеет для него особого значения (Осухова, 2011, с. 54).

Многие педагоги являются перфекционистами, то есть для них характерно чувство большой ответственности за результаты своей деятельности, они склонны обвинять себя, если что-то складывается не так, как было запланировано или предусмотрено. Такие педагоги тоже подвержены эмоциональному выгоранию. Профессиональное выгорание возникает и в том случае, когда в течение дол-

гого времени педагог находился в стрессовом состоянии или ему постоянно приходится вовлекаться в конфликтные ситуации и в решение проблем, возникающих у учеников. Безусловно, это негативно влияет на здоровье, самочувствие и настроение педагога (Чернышова, 2021, с. 68).

Для того чтобы лучше раскрыть проблему профессионального выгорания и причины его возникновения, было проведено исследование среди педагогов рязанских школ (в исследовании приняли участие более 60 человек). Методы исследования — анкетирование и наблюдение. Результаты анкетирования и наблюдения позволили выявить следующее:

- профессиональному и эмоциональному выгоранию подвержены более 60 % учителей (в этом случае стаж работы и возраст не имеет значения);
- педагоги назвали причины возникновения профессионального и эмоционального выгорания, такие как перегрузки, большое количество отчетной документации, увеличение учебной нагрузки из-за нехватки педагогических кадров в школах (следовательно, им приходится проводить по 6–7 уроков в день), бесконечные претензии и жалобы родителей, их постоянное вмешательство в работу школы, конкретных педагогов и классных руководителей (82 % респондентов);
- обесценивание труда учителя, низкая зарплата тоже способствует выгоранию (более 71 % респондентов);
- ничего не предпринимается в школах для профилактики выгорания (более 85 % педагогов);
- происходит обострение различных заболеваний из-за постоянных стрессовых ситуаций и перегрузок, что тоже может привести к профессиональному и эмоциональному выгоранию (76 % учителей);
- на профессиональное выгорание влияют личностные и психологические особенности учителей, самооценка и оценка их работы со стороны администрации школы и родителей учеников (более 60 % респондентов);
- равнодушие учеников к учебе, отдельным предметам, результатам своей учебной деятельности, нежелание следовать нормам и правилам поведения в школе и на уроках — все это тоже способствует разочарованию и профессиональному выгоранию (более 74 % учителей);
- из-за перегрузок и стрессовых ситуаций часть педагогов страдает бессонницей, часто возникает чувство, что они не успевают что-то сделать, у них наблюдается высокий уровень тревожности (более 60 % учителей);
- 33 % респондентов отметило, что профессиональное выгорание для них не характерно.

Таким образом, большая часть педагогов подвержена профессиональному выгоранию. Следовательно, проблема актуальна и требует решения. Но возникает вопрос: все ли педагоги подвержены профессиональному выгоранию?

Из результатов исследования ясно, что для 33 % респондентов профессиональное выгорание не характерно. В результате беседы с ними мы выявили, что выгорание в меньшей степени наблюдается у жизнерадостных и оптимистичных людей, которые имеют разнообразные интересы и хобби, строят долгосрочные планы, активно и с пользой для здоровья отдыхают, посещают театры, музеи, выставки, концерты, любят путешествовать и общаться с друзьями. Риск выгорания снижается при общении с позитивными людьми, при поддержке со стороны друзей, родственников и коллег, при положительной оценке себя как личности и специалиста, а также когда люди верят в собственные силы и возможности, умеют преодолевать возникающие трудности. Учителя, обладающие высоким адаптационным потенциалом и хорошей регуляцией своего настроения, менее подвержены профессиональному выгоранию, и это не зависит от возраста, стажа работы педагогов.

Можно предположить, что существует тесная связь между выгоранием и типом саморегуляции педагога. Саморегуляция и личностные ресурсы в большинстве случаев помогают творческим личностям, которые ставят перед собой новые цели, наполняют свою личную жизнь и профессиональную деятельность интересным содержанием, проявляют гибкость мышления, занимаются самообразованием и саморазвитием.

К сожалению, в вузах не учат будущих педагогов, как справляться с негативными эмоциями, перегрузками и преодолевать профессиональное выгорание. Поэтому, когда оно возникает, молодой педагог тяжело переживает свое состояние и нередко разочаровывается в выбранной профессии.

На наш взгляд, для решения проблемы профессионального выгорания учителей и преподавателей вуза необходимо следующее:

- создавать благоприятный психологический климат в педагогическом коллективе;
- создавать в образовательных организациях условия для успешной профессиональной адаптации и самореализации молодых педагогов;

- разумно распределять рабочее время учителя и преподавателя вуза во избежание перегрузок;
- решать возникающие конфликты с учениками или их родителями с помощью психолога и администрации школы;
- мотивировать педагогов к саморазвитию;
- для снижения негативных последствий профессионального выгорания в образовательных организациях необходимо чаще организовывать для педагогов посещение театров, музеев, выставок, поездки на природу.

Что касается профилактики профессионального выгорания, то педагогу нужно помочь себе самому, а именно:

- прежде всего, необходимо отдыхать с пользой для здоровья, отдавая предпочтения активным видам отдыха (путешествиям, поездкам на природу, прогулкам в парке или в лесу и т. п.);
- стараться вне работы общаться с позитивными и жизнерадостными людьми, избегать тех, кто постоянно чем-то недоволен, закичивается на своих проблемах и болезнях, жалуется на жизнь;
- обращаться за помощью к психологу, если самому сложно справиться с негативными эмоциями и эмоциональным выгоранием;
- читать книги и смотреть фильмы, которые помогают отвлечься от повседневных забот и профессиональных проблем;
- оценивать реально свои возможности и ожидания, не обвинять себя в тех неудачах и поступках, ответственность за которые несет не один только педагог, но и родители, и педагогический коллектив в целом;
- уделять внимание качественному сну, физическим нагрузкам, дыхательным упражнениям, водным процедурам, любимому занятию с учетом своих индивидуальных особенностей и предпочтений, слушать приятную музыку.

Кроме того, необходимо, чтобы школьники и студенты понимали важность педагогического труда, не только помнили о своих правах, но и выполняли свою главную обязанность — хорошо учиться. Что касается родителей школьников, то им нужно видеть в педагоге союзника и единомышленника, который помогает им в обучении, воспитании и развитии детей, решает вместе с ними общие педагогические задачи и возникающие проблемы. Активное взаимодействие и сотрудничество педагогов и родителей способствует повышению значимости педагогической деятельности и авторитета педагога для учеников и их родителей.

Выводы. В заключение можно отметить, что на основе анализа теоретических источников и проведенного исследования были выявлены особенности профессионального выгорания педагогов и основные факторы, влияющие на его возникновение. Безусловно, все это следует рассматривать в зависимости от конкретной ситуации, от психологического климата в коллективе и индивидуальных особенностей личности педагога, его темперамента, характера, самооценки. Тем не менее, мы считаем, что проблема профессионального выгорания актуальна и требует комплексного подхода к ее выявлению и профилактике.

Список источников

1. Бойко В. В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. — СПб. : Питер, 2017. — 278 с.
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2009. — 336 с.
3. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. — 2-е изд., стереотип. — М. : Академия, 2007. — 240 с.
4. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования : учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. — М. : Моск. псих.-соц. ин-т, 2003. — 480 с.
5. Козлов Н. И. Формула личности. — СПб. : Питер, 2000. — 368 с.
6. Королькова Ю. Б. Деформации в профессиональной деятельности педагогов // Профессиональные предостережения. — 2021. — № 1 (13). — С. 31–38.
7. Осухова Н. Г. Профессиональное выгорание, или как сохранить здоровье и не «сгореть» на работе. — М. : Первое сентября, 2011. — 56 с.
8. Пак С. Н., Нуркулова М. Р., Нуркулова Э. Р. Проблемы профессионального выгорания педагогов в условиях онлайн-обучения // Современные наукоемкие технологии. — 2021. — № 5. — С. 198–203. — URL : <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=38681> (дата обращения: 16.02.2024).
9. Психология здоровья : учеб. для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. — СПб. : Питер, 2007. — 607 с.

10. Рогов Е. И. Учитель как объект психологического исследования : пособие для школьных психологов по работе с учителем и педагогическим коллективом. — М. : Владос, 2000. — 496 с.
11. Хазиева Э. Д. Проблема эмоционального выгорания у педагогов // *Academic research in educational sciences*. — 2022. — Vol. 3, Iss. 2. — Pp. 848–855.
12. Чернышова М. Д. Профессиональное здоровье педагога // *Научный Лидер*. — 2021. — № 15 (17). — С. 65–72.
13. Шарыпова Т. Н., Забейворота М. В. Социально-психологические и профессиональные риски психологического «выгорания» как фактор возникновения внутриличностного конфликта // *Аллея науки*. — 2019. — Т. 2, № 3 (30). — С. 237–241.

References

1. Boyko V. V. *Sindrom emotsionalnogo vygoraniya v professionalnom obshchenii*. [Emotional burnout syndrome in professional communication]. Saint Petersburg, Piter, 2017, 278 p. (In Russian).
2. Vodopyanova N. E., Starchenkova E. S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika*. [Burnout syndrome: diagnostics and prevention]. Saint Petersburg, Piter, 2009, 336 p. (In Russian).
3. Zeer E. F. *Psikhologiya professionalnogo razvitiya: ucheb. posobiye dlya studentov vyssh. ucheb. zavedeniy*. [Psychology of professional development: a study guide for students of higher educational institutions]. Moscow, Academy, 2007, 240 p. (In Russian).
4. Zeer E. F. *Psikhologiya professionalnogo obrazovaniya: ucheb. posobiye*. [Psychology of professional education: a study guide]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2003, 480 p. (In Russian).
5. Kozlov N. I. *Formula lichnosti*. [Personality formula]. St. Petersburg, Piter, 2000, 368 p. (In Russian).
6. Korolkova Yu. B. Deformations in the professional activity of teachers. *Professionalnyye predstavleniya*. [Professional ideas]. 2021, iss. 1 (13), pp. 31–38. (In Russian).
7. Osukhova N. G. *Professionalnoye vygoraniye, ili kak sokhranit zdorovye i ne “sgoret” na rabote*. [Professional burnout, or how to stay healthy and not “burn out” at work]. Moscow, Pervoe Sentyabrya, 2011, 56 p. (In Russian).
8. Pak S. N., Nurkulova M. R., Nurkulova E. R. Problems of professional burnout of teachers in the context of online learning. *Sovremennyye naukoemkiye tekhnologii*. [Modern science-intensive technologies]. 2021, iss. 5, pp. 198–203. Available at: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=38681> (accessed: 16.02.2024). (In Russian).
9. *Psikhologiya zdorovya: ucheb. dlya vuzov. Pod red. G. S. Nikiforova*. [Psychology of health: a textbook for universities. Ed. by G. S. Nikiforov]. St. Petersburg, Piter, 2007, 607 p. (In Russian).
10. Rogov E. I. The Teacher as an Object of Psychological Research: a manual for school psychologists on working with teachers and teaching staff. Moscow, Vlados, 2000, 496 p. (In Russian).
11. Khazieva E. D. The problem of emotional burnout in teachers. *Academic research in educational sciences*. 2022, vol. 3, iss. 2, pp. 848–855. (In Russian).
12. Chernyshova M. D. Professional health of a teacher. *Nauchnyy Lider*. [Scientific Leader]. 2021, iss. 15 (17), pp. 65–72. (In Russian).
13. Sharypova T. N., Zabeyvorota M. V. Social, psychological and professional risks of psychological “burnout” as a factor in the emergence of intrapersonal conflict. *Alleya nauki*. [Alley of Science]. 2019, vol. 2, iss. 3 (30), pp. 237–241. (In Russian).

Информация об авторе

Ганина Тамара Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и менеджмента в образовании Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Ganina Tamara Vasilyevna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 07.07.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 07.07.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Научная статья

УДК 377

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.003

Обеспечение доступности среднего профессионального образования: оценка современного состояния родительским сообществом

Гордашникова Ольга Юрьевна

Федеральный институт цифровой трансформации в сфере образования

Москва, Россия

gordaolga@yandex.ru

Бечиев Шахруди Шагидович

Федеральный институт цифровой трансформации в сфере образования

Москва, Россия

sh.bechiev@ficto.ru

Федорчук Юлия Михайловна

Федеральный институт цифровой трансформации в сфере образования

Москва, Россия

Lj741@yandex.ru

Филиппов Дмитрий Валерьевич

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

Саратов, Россия

madyarsky@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования состоит в оценке родительским сообществом обеспечения доступности среднего профессионального образования (СПО) в субъектах Российской Федерации. В научной статье обсуждается проблема доступности СПО с позиции нормативных требований и конституционных гарантий, анализируется мнение родителей (законных представителей) по различным видам доступности образования (правовая, административная, содержательная, географическая, финансовая).

Цель проведения исследования состоит в выявлении «узких мест» в процессах обеспечения доступности образования в образовательных организациях СПО посредством определения возможностей реализации права обучающихся на получение достойного профессионального образования, а также на выявление нарушения прав абитуриентов при приеме в образовательные организации СПО.

В проведенном исследовании использовались такие инструменты и методы, как стратификация, выборочный метод, онлайн-анкетирование, контент-анализ научных публикаций по теме доступности образования в образовательных организациях СПО, аналитическое обобщение мнения родителей (законных представителей) об обеспечении доступности СПО, а также статистической информации по организациям СПО в субъектах Российской Федерации.

Выдвинута и подтверждена гипотеза удовлетворенности родительского сообщества в обеспечении прав детей при приеме в образовательные организации СПО, а также доступности образования.

Новизна исследования заключается в оценке правовой, административной, содержательной, географической и финансовой доступности СПО родительским сообществом, что позволило сформулировать практические результаты для повышения эффективности мероприятий, направленных на соблюдения прав детей в целях получения профессионального образования.

Практическая значимость работы состоит в предложении разработки региональной информационной системы доступности профессионального образования с соответствующими показателями, в проведении ежегодного мониторинга доступности СПО, по результатам которого целесообразна разработка превентивных мер, направленных на защиту прав обучающихся СПО на получение профессионального образования.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, образовательная организация, доступность, права, соблюдение прав детей, социологическое исследование, родительское сообщество, анкетирование, оценка, анализ.

Для цитирования: Гордашникова О. Ю., Бечиев Ш. Ш., Федорчук Ю. М., Филиппов Д. В. Обеспечение доступности среднего профессионального образования: оценка современного состояния родительским сообществом // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 22–31. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.003.

Original article

Ensuring accessibility of secondary vocational education: assessment of the current state by the parent community

Olga Yuryevna Gordashnikova

Federal Institute of Digital Transformation in Education
Moscow, Russia
gordaolga@yandex.ru

Shahrudi Shagidovich Bechiev

Federal Institute of Digital Transformation in Education
Moscow, Russia
sh.bechiev@ficto.ru

Yulia Mikhaylovna Fedorchuk

Federal Institute of Digital Transformation in Education
Moscow, Russia
Lj741@yandex.ru

Dmitry Valeryevich Filippov

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
Saratov, Russia
madyarsky@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is the assessment by the parent community of the accessibility of secondary vocational education (SVE) in the constituents of the Russian Federation. The article discusses the problem of accessibility of SVE from the position of regulatory requirements and constitutional guarantees, analyzes the opinion of parents (legal representatives) on different types of educational accessibility (legal, administrative, content, geographical, and financial).

The purpose of the study is to identify the “bottlenecks” in the processes of ensuring accessibility of education in the educational organizations of vocational education and training, by identifying opportunities for the implementation of the right of students to receive quality professional education, as well as to identify violations of the rights of applicants for admission to educational organizations of vocational education and training.

The study used such tools and methods as stratification, sampling, online questionnaires, content analysis of scientific publications on accessibility of education in vocational educational organizations, analytical synthesis of parents’ and legal representatives’ opinions on this accessibility, as well as statistical information on such educational organizations in the constituent entities of the Russian Federation.

The results confirm the hypothesis of existing satisfaction of the parental community about ensuring the rights of children at admission to educational organizations, as well as the accessibility of such education.

The novelty of the study lies in the assessment of legal, administrative, content, geographical, and financial accessibility of SVEs by the parent community, which allowed us to formulate practical results to improve the effectiveness of interventions aimed at respecting the rights of children to obtain vocational education.

The practical significance of the work consists in proposing the development of a regional information system of vocational education accessibility with relevant indicators, in annual monitoring of accessibility of vocational education and training. Based on the results, it is advisable to develop preventive measures aimed at protecting the rights to obtain vocational education.

Keywords: secondary vocational education, educational organization, accessibility, rights, observance of children’s rights, sociological research, parental community, questionnaires, evaluation, analysis.

For citation: Gordashnikova O. Yu., Bechiev Sh. Sh., Fedorchuk Yu. M., Filippov D. V. Ensuring accessibility of secondary vocational education: assessment of the current state by the parent community // Psikhologo-pedagogicheskiy poisk [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 22–31. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.003.

Введение. В современных условиях все больше возрастают требования к доступности и качеству образовательного процесса в среднем профессиональном образовании (СПО) (Акимцев, 2009).

В Российской Федерации обеспечиваются нормы права на общедоступность и бесплатность СПО в образовательных организациях (Конституция Российской Федерации, 2020). «Продолжением» конституционных норм и стратегических программ развития государства на правовом уровне становятся нормы образовательного и трудового права (Горшенин, Синотова, 2017).

Проблема соблюдения прав детей на получение СПО в государственных и негосударственных образовательных организациях, напрямую связанная с доступностью СПО, возможностью получения образования без каких-либо ограничений, обсуждается на всех уровнях управления образованием, а также педагогическим и родительским сообществом (Гордашникова, Федорчук, Кузнецов, 2023).

Обсуждение проблемы доступности СПО связано и с тем, что в большинстве регионов профессиональное образование является ключевым элементом в системе подготовки кадров (Чердаков, 2021) для решения соответствующих задач, определенных Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях развития России на период до 2030 года» (2020). Согласно отчетным данным Минпросвещения России, фактическое значение доли выпускников образовательных организаций, реализующих программы СПО, занятых по виду деятельности и полученным компетенциям, в 2023 году по отношению к 2022 году выросло с 75,1 до 87,58 %.

За последние годы тема исследования доступности СПО также актуальна в научных изданиях, в которых отмечается важность сбалансированности показателей доступности образования и спроса на «поступление» в образовательную организацию (Горшенин, Синотова, 2017; Григорьев, 2022; Чердаков, 2021; Callahan, Shifrer, 2016), наряду с другими индикаторами, характеризующими систему профессионального образования: «устойчивость — сбалансированность», «эффективность — полезность». Это подтверждается исследованиями «прямой доступности СПО» (Григорьев, 2022) с заключением о неоднородности показателя, характеризующегося такими индикаторами, как:

- предельный потенциал субъекта РФ в подготовке специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих, показатель отношения общей численности принятых в организации СПО субъекта РФ к общей численности выпускников общеобразовательных организаций на базе основного общего образования (в 6 регионах данный индикатор составил менее 40 %);

- предельная текущая возможность субъекта РФ в подготовке специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих, показатель отношения общей численности принятых в организации СПО субъекта РФ к общей численности выпускников общеобразовательных организаций на базе основного общего образования за исключением численности выпускников основного общего образования, которые перешли в среднее звено (в 4 регионах значение составило две трети и менее);

- предельный потенциал субъекта РФ в подготовке специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих на бюджетной основе, показатель отношения общей численности принятых в организации СПО субъекта РФ на обучение за счет бюджетных ассигнований к общей численности выпускников общеобразовательных организаций на базе основного общего образования (в 11 регионах индикатор имеет значение более 50 %, в 18 регионах — менее трети, в 10 регионах — менее 30 %);

- предельная текущая возможность субъекта РФ в подготовке специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих на бюджетной основе, показатель отношения общей численности принятых в организации СПО субъекта РФ на обучение за счет бюджетных ассигнований к общей численности выпускников общеобразовательных организаций на базе основного общего образования за исключением численности выпускников основного общего образования, которые перешли в среднее звено (в 9 регионах значение показателя указывает на то, что на 10 выпускников, не перешедших в среднее звено, приходится более 9 бюджетных мест в СПО, в 3 регионах — более 10 бюджетных мест в СПО; в 38 субъектах РФ расчетный показатель составил менее 75 %, в 19 субъектах РФ — менее 2/3, а в 5 субъектах РФ — менее 50 %).

Результаты исследования, проведенного нами в 2023 году, показали, что в 29 регионах удельный вес численности детей, имеющих право на получение среднего общего образования или СПО и не продолживших обучение, в общей численности детей, получивших основное общее образование в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях, отмечается свыше 1 %.

В целях определения доступности СПО важным является мнение родителей (законных представителей) об этом экономическом ресурсе, обеспечивающем успешную самореализацию, социальную мобильность и материальное благосостояние индивида в современном обществе (Константиновский, Вахштайн, Куракин, Рощина, 2006).

Изучение мнений родителей (законных представителей) как участников образовательных отношений в вопросах обеспечения доступности СПО позволит получить реальные запросы к системе образования.

Цель исследования — выявление «узких мест» в процессах обеспечения доступности образования в образовательных организациях СПО посредством определения возможностей реализации права обучающихся на получение достойного профессионального образования, а также на выявление нарушения прав абитуриентов при приеме в образовательные организации СПО.

Гипотеза: предположение об удовлетворенности родительского сообщества в обеспечении прав детей при приеме в образовательные организации СПО, в обеспечении доступности образования.

Метод исследования. Выборочная совокупность построена на принципах стратификации. Генеральная совокупность представлена однородными стратами по определенному признаку. Стратами выступили субъекты РФ.

Информационными источниками для определения объема выборочной совокупности респондентов являются годовые отчеты по образовательной деятельности СПО на начало 2023/2024 учебного года (дата обращения: 05.04.2024), а также материалы мониторинга качества подготовки кадров в субъектах РФ на начало 2023 года (дата обращения: 05.04.2024).

За основу для расчета оптимальной выборочной совокупности принята максимальная и минимальная численность обучающихся СПО в субъектах РФ, исключая города федерального значения. Отобраны 16 субъектов РФ по 2 субъекта из каждого федерального округа (табл. 1). Определение обследуемой совокупности проведено с помощью расчета объема простой случайной выборки в целях установления необходимого количества респондентов, которые вероятностным образом отобраны для достижения 5-процентной предельной ошибки выборки. Выборочная доля установлена в расчете 50 %.

Таблица 1

Выборочная совокупность для проведения социологического исследования

Субъект РФ	Контингент обучающихся по программам СПО		Расчетная численность оптимальной выборки, человек
	численность обучающихся, человек	процент численности обучающихся от контингента по РФ, %	
<i>Центральный федеральный округ</i>			
Московская область	116339	3,4	398
Орловская область	16460	0,48	390
<i>Приволжский федеральный округ</i>			
Республика Башкортостан	109016	3,18	398
Республика Мордовия	16621	0,49	390
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>			
Ленинградская область	21419	0,63	392
Ненецкий автономный округ	1137	0,03	295
<i>Уральский федеральный округ</i>			
Свердловская область	123373	3,6	398
Ямало-Ненецкий автономный округ	10526	0,31	385
<i>Южный федеральный округ</i>			
Краснодарский край	144633	4,22	398
Республика Калмыкия	7609	0,22	380
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>			
Республика Дагестан	69939	2,04	397
Карачаево-Черкесская Республика	11863	0,35	386
<i>Сибирский федеральный округ</i>			
Красноярский край	73240	2,14	397
Республика Алтай	6747	0,20	377
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>			
Приморский край	47343	1,38	386
Чукотский автономный округ	816	0,02	268

Расчеты позволили определить средний размер оптимальной выборочной совокупности для субъектов РФ — 377 человек, статистически достаточной для репрезентативности исследования. Методический инструментарий исследования представлен в форме электронной анкеты для реализации онлайн-опроса целевой группы — родителей (законных представителей) обучающихся СПО — с последующей апробацией для соответствия задачам и подтверждения гипотезы исследования.

По итогам анкетирования получены данные из 16 субъектов РФ — 47647 ответов респондентов. В связи с этим необходимо отметить, что с точки зрения статистики выборка такого объема полностью отвечает критериям репрезентативности, которые были изначально заложены в программу исследования и, более того, благодаря активности родителей (законных представителей) из указанных регионов существенно превосходит изначальный объем оптимальной выборочной совокупности и содержит достаточное разнообразие мнений родительской общественности для того, чтобы можно было оценить существующие тенденции.

Инструментами оценки соблюдения прав обучающихся организаций СПО выбраны разные типы доступности образования, такие как правовая, административная, содержательная, географическая и финансовая.

Обсуждение основных результатов. Результаты социологического исследования мнения родителей (законных представителей) об административной доступности СПО в формате доступных способов подачи заявления на прием ребенка в организацию СПО свидетельствует о том, что наиболее распространенный и популярный способ — подача заявления «лично в приемную комиссию организации СПО» (89,4 %) (рис. 1). В условиях цифровизации образования 11,9 % респондентов также отметили способ подачи заявления как «через сайт или электронную почту организации СПО», так и «через портал государственных/муниципальных услуг». Теряет позиции популярности вариант «по почте» (указали лишь только 3,7 % родителей).

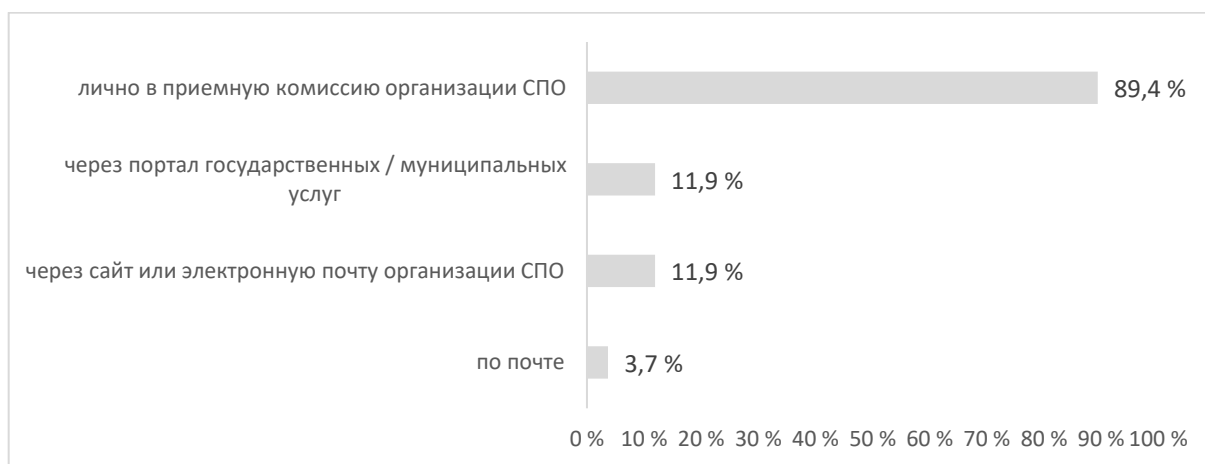

Рис. 1. Мнения родителей о доступных способах подачи заявления на прием в организацию СПО, % (логика вопроса предусматривала возможность выбора более одного варианта ответа)

К географической доступности СПО нет жестких требований, как, например, в дошкольном образовании, поэтому в социологическом исследовании вопрос был сформулирован как «Месторасположение организации СПО, реализующей программы на базе основного общего образования, в которую поступил Ваш ребенок». Большинство респондентов (86,9 %) отметили, что организация СПО находится в регионе по месту проживания ребенка. Это высокий результат, но следует отметить и тенденции к высокой образовательной мобильности обучающихся образовательных организаций СПО. Каждый восьмой респондент (13,1 %) отметил, что «организация СПО не расположена в регионе, где проживает ребенок».

По вопросу правовой и финансовой доступности СПО опрос показал, что большинство детей учатся «за счет бюджетных ассигнований» — 70 %. Также опрос показал высокую востребованность образования, предоставляемого организациями системы СПО на внебюджетной основе (30 % респондентов).

Отчасти об административной и содержательной доступности СПО можно судить по мнению родителей (законных представителей) о трудностях, возникающих при поступлении ребенка в образовательную организацию (рис. 2). 85 % родителей (законных представителей) указали на то, что они и их ребенок не испытывали никаких трудностей при поступлении в организацию СПО. 6,3 % респондентов отметили, что в организациях СПО региона нет желаемой специальности, почти такое же количество родителей (6,2 %) фиксируют, что ребенок не смог пройти конкурсный отбор. Отсутствие или недостаток мест в общежитии образовательной организации отметили 2,8 %.

Рис. 2. Мнения родителей о трудностях, возникающих при поступлении ребенка в организацию СПО, %

На основе информационного материала таблицы 2 о возможных нарушениях прав ребенка при зачислении в организацию СПО, реализующей программы на базе основного общего образования, 95,3 % родителей (законных представителей) указали на отсутствие нарушения прав. Основными нарушениями прав ребенка, которые фиксировались родителями (законными представителями), являются «отсутствие условий для обучения с учетом особенностей психофизического развития и состояния здоровья ребенка» (1,7 % ответов), а также «отсутствие возможности перехода с платного обучения на бесплатное обучение» (1,3 % ответов).

Таблица 2

Мнения родителей о нарушения прав ребенка при зачислении в организацию СПО, реализующей программы на базе основного общего образования, %

Нарушения прав	Значение
Нарушения прав не было	95,3
Не предоставили условия для обучения с учетом особенностей психофизического развития и состояния здоровья Вашего ребенка, в том числе получение социально-педагогической и психологической помощи, бесплатной психолого-медико-педагогической коррекции	1,7
Не предоставили возможность перехода с платного обучения на бесплатное обучение	1,3
Не предоставили возможность обучения по индивидуальному учебному плану	0,8
Не предоставили возможность зачисления Вашего ребенка в организацию СПО на основании льгот родителей и детей	0,8
Не предоставили возможность совмещения получения образования с работой без ущерба для освоения образовательной программы, выполнения индивидуального учебного плана	0,7
Не предоставили возможность выбора факультативных и элективных учебных предметов	0,6
Не предоставили возможность перевода для получения образования по другой профессии, специальности, направлению подготовки	0,6

Нарушения прав	Значение
Не предоставили возможность перевода на другую форму обучения	0,6
Не предоставили возможность участия Вашего ребенка в формировании содержания своего профессионального образования	0,5
Не предоставили возможность пользования лечебно-оздоровительной инфраструктурой, объектами культуры и объектами спорта образовательной организации	0,5
Не предоставили возможность перевода в другую образовательную организацию, реализующую образовательную программу соответствующего уровня	0,4
Не предоставили возможность бесплатного пользования библиотечно-информационными ресурсами, учебной и производственной базой образовательной организации	0,4
Не предоставили возможность восстановления для получения образования в образовательной организации	0,3

Выводы и перспективы исследований. На основе проведенного социологического исследования мнений родителей (законных представителей) обучающихся об обеспечении доступности СПО нами сделаны выводы.

В 2023 году отмечен низкий результат способа подачи заявлений обучающихся на поступление в СПО «через сайт или электронную почту организации СПО», а также через портал государственных/муниципальных услуг (11,9 %). В условиях цифровизации образования необходимо усилить продвижение электронных способов подачи документов.

Следует отметить тенденции к высокой образовательной мобильности обучающихся образовательных организаций СПО. 13,1 % респондентов выбрали поступление в организации СПО другого региона, что позволяет обучающимся выстраивать индивидуальные образовательные траектории в конкурентной среде в современной системе СПО.

70 % обучающихся, согласно выборке исследования, отмечают доступность СПО «за счет бюджетных ассигнований». Опрос родителей (законных представителей) также показал и высокую востребованность образования на внебюджетной основе.

Положительным результатом социологического исследования следует считать отсутствие трудностей, возникающих при поступлении ребенка в образовательную организацию. Результат исследования — 85 % мнения родителей (законных представителей). Тем не менее руководству образовательных организаций СПО регионов следует обратить внимание на то, что 6,3 % респондентов указали на отсутствие желаемой специальности.

Важной проблемой, с которой сталкиваются организации СПО, является доступность проживания иногородних обучающихся в общежитиях, неинтенсивное развитие инновационных форм и методов открытого образования, обеспечивающие обучение в течение всей жизни (Тенденции, закономерности и прогнозы развития СПО, 2005). Отсутствие или недостаток мест в общежитиях образовательной организации отметили 2,8 % респондентов.

В большинстве случаев (95,3%) родители (законные представители) указали на отсутствие нарушения прав ребенка при зачислении в организации СПО, реализующие программы на базе основного общего образования, но были отмечены такие случаи, как «отсутствие условий для обучения с учетом особенностей психофизического развития и состояния здоровья ребенка» (1,7 % ответов); «отсутствие возможности перехода с платного обучения на бесплатное обучение» (1,3 % ответов).

Материалы исследования позволяют сделать вывод о том, что лишь единицы из опрошенных родителей (1 %) указывают на то, что после их обращения права ребенка не были восстановлены. Большинство же из тех, кто предпринимал попытки устранить нарушение прав ребенка на получение профессионального образования, фиксируют позитивный исход своего обращения, увенчавшегося восстановлением прав ребенка.

Полученная в ходе опроса информация от родителей (законных представителей), которая формирует социальный заказ на образование, информативна при принятии управленческих решений и создании нормативно-правовых актов в сфере СПО.

Ежегодный анализ результатов социологического исследования родителей (законных представителей) позволит оценить образовательные стратегии организаций СПО, составить прогноз развития и наметить пути дальнейшей модернизации системы СПО в целях повышения ее эффективности, доступности и достижения современного качества (Тенденции, закономерности и прогнозы развития СПО, 2005).

Для обеспечения высокой степени правовой, административной, содержательной, географической, социальной, информационной и финансовой доступности СПО, на наш взгляд, целесообразно разработать региональную информационную систему доступности профессионального образования с соответствующими показателями. Также необходимо проводить ежегодный мониторинг доступности СПО наравне с мониторингами по доступности дошкольного и общего образования, по результатам которых разрабатывать превентивные меры, направленные на защиту прав абитуриентов и обучающихся СПО на получение профессионального образования.

Список источников

1. Акимцев А. Ю. Проблемы качества в подготовке специалистов среднего профессионального образования // Научные исследования в образовании. — 2009. — № 12. — С. 3–8.
2. Годовой отчет о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» за 2023 год. — URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/25e465191e364641d302ff362f731a8e/download/6457> (дата обращения: 05.04.2024).
3. Гордашникова О. Ю., Кузнецов А. Н., Федорчук Ю. М. Проектирование системы учета контингента образовательных организаций для обеспечения доступности общего образования // Человек и образование. — 2023. — № 1 (74). — С. 50–59. — DOI: 10.54884/S181570410025101-6.
4. Гордашникова, О. Ю., Федорчук Ю. М., Кузнецов А. Н. Доступность дошкольного образования: взгляд родительского сообщества // Психолого-педагогический поиск. — 2023. — № 2 (66). — С. 66–73. — DOI: 10.37724/RSU.2023.66.2.008.
5. Горшенин В. И., Синотова Т. А. Реализация принципов доступности и конкурентоспособности рабочих профессий в системе профессионального образования на законодательном уровне // Стратегические направления развития образования в Оренбургской области : науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 2017. — С. 57–64.
6. Григорьев В. Ю. Подходы к оценке состояния системы регионального профобразования // Управленческое консультирование. — 2022. — № 10 (166). — С. 84–98. — DOI: 10.22394/1726-1139-2022-10-84-98.
7. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга качества подготовки кадров. — URL : <https://monitoring.miccedu.ru/?m=spro&year=2022> (дата обращения: 05.04.2024).
8. Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М. Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения // Вопросы образования. — 2006. — № 2. — С. 186–203.
9. Конституция Российской Федерации. — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8452df644dd1f63f07ca7744f87beddac2947282/ (дата обращения: 05.04.2024).
10. О национальных целях развития России на период до 2030 года : ук. Президента РФ. — URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 05.04.2024).
11. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2022/23 учебного года. — URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8/?ysclid=ltmiv4zhml290720981> (дата обращения: 05.04.2024).
12. Сводный отчет по форме федерального статистического наблюдения № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования на начало 2022/23 учебного года». — URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/66efe5a01f0b8c2578af12f5710b02b4/?ysclid=ltmj23ybg9775607403> (дата обращения: 05.04.2024).
13. Тенденции, закономерности и прогнозы развития СПО // Профессиональное образование. — 2005. — № 8. — С. 13–14.
14. Уточненный годовой отчет о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» за 2022 год. — URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/5ccda37dfe9eec4ea4a82b6b291f8d3/download/5873> (дата обращения: 05.04.2024).
15. Чердаков О. И. Доступность частного общего и профессионального образования к современным образовательным технологиям в регионах Российской Федерации // Юридический мир. — 2021. — № 12. — С. 56–60. — DOI: 10.18572/1811-1475-2021-12-56-60.
16. Callahan R. M., Shifrer D. Equitable access for secondary English learner students: course taking as evidence of EL program effectiveness // Educational Administration Quarterly. — 2016. — N 52 (3). — Pp. 463–496.

References

1. Akimtsev A. Yu. Problems of quality in training specialists in secondary vocational education. *Nauchnyye issledovaniya v obrazovanii*. [Scientific research in education]. 2009, iss. 12, pp. 3–8. (In Russian).
2. Annual report on the implementation of the state program of the Russian Federation “Development of education” for 2023. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/25e465191e364641d302ff362f731a8e/download/6457> (accessed: 05.04.2024).
3. Gordashnikova O. Yu., Kuznetsov A. N., Fedorchuk Yu. M. Design of a system for recording the contingent of educational organizations to ensure availability of general education. *Chelovek i obrazovaniye*. [Man and education]. 2023, iss. 1 (74), pp. 50–59. DOI: 10.54884/S181570410025101-6. (In Russian).
4. Gordashnikova, O. Yu., Fedorchuk Yu. M., Kuznetsov A. N. Availability of preschool education: the view of the parental community. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk*. [Psychological and pedagogical search]. 2023, iss. 2 (66), pp. 66–73. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.2.008. (In Russian).
5. Gorshenin V. I., Sinotova T. A. Implementation of the principles of accessibility and competitiveness of blue-collar jobs in the system of vocational education at the legislative level. *Strategicheskiye napravleniya razvitiya obrazovaniya v Orenburgskoy oblasti: nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem*. [Strategic directions of education development in the Orenburg Region: scientific and practical conference with international participation]. Orenburg, Orenburg State University, 2017, pp. 57–64. (In Russian).
6. Grigoryev V. Yu. Approaches to assessing the state of a regional vocational education system. *Upravlencheskiye konsultirovaniye*. [Management consultancy]. 2022, iss. 10 (166), pp. 84–98. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-10-84-98. (In Russian).
7. *Informatsionno-analiticheskiye materialy po rezul'tatam provedeniya monitoringa kachestva podgotovki kadrov*. [Informational and analytical materials on the results of monitoring the quality of personnel training]. Available at: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=spo&year=2022> (accessed: 05.04.2024). (In Russian).
8. Konstantinovskiy D. L., Vakhshayn V. S., Kurakin D. Yu., Roshchina Ya. M. Availability of quality general education in Russia: opportunities and limitations. *Voprosy obrazovaniya*. [Education issues]. 2006, iss. 2, pp. 186–203. (In Russian).
9. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii*. Constitution of the Russian Federation. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8452df644dd1f63f07ca7744f87beddacc2947282/ (accessed: 05.04.2024).
10. *O natsionalnykh tselyakh razvitiya Rossii na period do 2030 goda: uk. Prezidenta RF*. [On the national development goals of Russia for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (accessed: 05.04.2024). (In Russian).
11. *Svedeniya po forme federalnogo statisticheskogo nablyudeniya № OO-1 “Svedeniya ob organizatsii, osushchestvlyayushchey obrazovatelnyuyu deyatelnost po obrazovatelnyim programmam nachalnogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya” na nachalo 2022/23 uchebnogo goda*. [Information on the federal statistical observation form No. OO-1 “Information on organizations carrying out educational activities under educational programs of primary general, basic general, secondary general education” at the beginning of the 2022/23 academic year]. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8/?ysclid=ltmiv4zhml290720981> (accessed: 05.04.2024). (In Russian).
12. *Svodnyy otchet po forme federalnogo statisticheskogo nablyudeniya № SPO-1 “Svedeniya ob obrazovatelnoy organizatsii, osushchestvlyayushchey obrazovatelnyuyu deyatelnost po obrazovatelnyim programmam srednego professionalnogo obrazovaniya na nachalo 2022/23 uchebnogo goda*. [Consolidated report on the federal statistical observation form No. SPO-1 “Information on educational organizations carrying out educational activities under educational programs of secondary vocational education at the beginning of the 2022/23 academic year”]. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/66efe5a01f0b8c2578af12f5710b02b4/?ysclid=ltmj23ybg9775607403> (accessed: 05.04.2024). (In Russian).
13. Trends, patterns and forecasts of development of secondary vocational education. *Professionalnoye obrazovaniye*. [Professional education]. 2005, iss. 8, pp. 13–14. (In Russian).
14. *Utochnennyy godovoy otchet o khode realizatsii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii “Razvitiye obrazovaniya” za 2022 god*. [Revised annual report on the implementation of the state program of the Russian Federation “Development of education” for year 2022]. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/document/5ceecda37dfe9eec4ea4a82b6b291f8d3/download/5873> (accessed: 05.04.2024). (In Russian).
15. Cherdakov O. I. Accessibility of private general and vocational education to modern educational technologies in the constituent entities of the Russian Federation. *Yuridicheskiy mir*. [The world of law]. 2021, iss. 12, pp. 56–60. DOI: 10.18572/1811-1475-2021-12-56-60. (In Russian).
16. Callahan R. M., Shifrer D. Equitable access for secondary English learner students: course taking as evidence of EL program effectiveness. *Educational Administration Quarterly*. 2016, iss. 52 (3), pp. 463–496.

Информация об авторах

Гордашникова Ольга Юрьевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального института цифровой трансформации в сфере образования.

Бечиев Шахруди Шагидович — кандидат экономических наук, начальник отдела организации научной деятельности Федерального института цифровой трансформации в сфере образования.

Федорчук Юлия Михайловна — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Федерального института цифровой трансформации в сфере образования.

Филиппов Дмитрий Валерьевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Отраслевое управление и экономическая безопасность» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.

Information about the authors

Gordashnikova Olga Yuryevna — Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Federal Institute of Digital Transformation in Education.

Bechiev Shakhruudi Shagidovich — Candidate of Economics, Head of the Department of Organization of Scientific Activities of the Federal Institute of Digital Transformation in Education.

Fedorchuk Yulia Mikhaylovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher of the Federal Institute of Digital Transformation in Education.

Filippov Dmitry Valeryevich — Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Industrial Management and Economic Security of the Yuri Gagarin State Technical University of Saratov.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 18.05.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Научная статья

УДК 378.18

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.004

Формирование ценностных установок информационного поведения студентов: обзор научных публикаций

Еременко Татьяна Вадимовна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,

Рязань, Россия

t.erenko@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Дан сравнительно-аналитический обзор публикаций отечественных и зарубежных авторов о ценностных установках информационного поведения студентов с целью оценки степени разработанности этого комплекса вопросов в современном научном дискурсе. Обзор проведен на базе массива работ, сформированного путем поиска в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и международной наукометрической базе данных Dimensions. Основными методами исследования выступили теоретический анализ научной литературы, сравнение, систематизация и библиометрический анализ.

В ходе проведенного исследования установлено, что ценностные установки информационного поведения студентов выступают предметом изучения в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей с начала XX века. В российском научном дискурсе они рассматриваются в границах других вопросов информационного поведения студентов и пока глубоко не анализировались. Активность зарубежных исследователей более высока, и на ценностях и нормах информационного поведения студентов фокусируется ряд эмпирических исследований. Отмечено, что тема информационного поведения студентов вызывает растущий научный интерес за рубежом. В России тренда роста публикационной активности по этой теме не наблюдается. Полученные результаты визуализированы в графиках.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется высокой актуальностью темы ценностных установок информационного поведения студентов в проблемном поле современного высшего образования.

Ключевые слова: информационное поведение, студенты, ценности, этика, ценностные установки, научный дискурс

Для цитирования: Еременко Т. В. Формирование ценностных установок информационного поведения студентов: обзор научных публикаций // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 32–38. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.004.

Original article

Formation of value systems of students' information behavior: review of research literature

Tatyana Vadimovna Eremenko

Ryazan State University named for S. A. Yesenin,

Ryazan, Russia

t.erenko@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article deals with a comparative analytical review of Russian and foreign publications concerning values of college students' information behavior, in order to evaluate the degree of development of these issues in modern scientific discourse. The review was carried out on the basis of an array of works formed by searching in the eLIBRARY.RU scientific electronic library and in the Dimensions international research database. The main research methods were theoretical study of scientific literature, comparison, systematization, and bibliometric analysis.

In the course of the research it was established that the value attitudes of students' information behavior have been studied by both Russian and foreign researchers since the early 20th century. In Russian scientific discourse they are considered among other issues of students' information behavior and have not been deeply analyzed yet. Foreign researchers show higher activity in the sphere, and many empirical studies focus on the values and norms of students' web search habits. It is observed that abroad the interest in students' information behavior is increasing. In Russia, we currently cannot observe growth of publication activity on this topic. The results obtained in the study are accompanied by graphic presentations.

The theoretical and practical relevance of the study is determined by the importance of value attitudes of students' information behavior in the area of modern higher education.

Keywords: information behavior, students, values, ethics, value systems, scientific discourse.

For citation: Eremenko T. V. Formation of value systems of students' information behavior: review of research literature // *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 32–38. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.004.

Введение. Серьезный вызов системе российского высшего образования содержится непосредственно в одном из ключевых ее акторов — студентах, их ценностных установках и ориентациях. При получении образования студенты постоянно вовлечены в процессы поиска, отбора, преобразования и передачи информации; при этом качество взаимодействия с информацией определяет успешность их профессионального становления и личностного развития. Мотивы, которые побуждают обучающихся к поиску информации, практикуемые подходы к ее использованию репрезентируют сложившуюся ценностную модель информационного поведения студентов. Соответственно, роль вуза состоит в культивировании у студентов таких ценностей информационного поведения, которые на протяжении всей их последующей жизни станут основой для стремления к поиску новых знаний, высокому профессионализму, объективности и самостоятельности в принятии решений. В связи с этим анализ ценностных установок информационного поведения современных российских студентов становится актуальной научной задачей. Ее решение открывает возможность создать критериально-оценочный инструментарий, с помощью которого будут определяться содержание и уровень сформированности ценностных установок обучающихся в работе с информацией и происходить отбор педагогических средств для регулирования информационного поведения в целях эффективного развития студентов.

Цель работы — провести аналитический обзор публикаций отечественных и зарубежных авторов о ценностных установках информационного поведения студентов для оценки степени разработанности этого комплекса вопросов в современном научном дискурсе.

Основными методами исследования выступают теоретический анализ научной литературы, сравнение, систематизация и библиометрический анализ.

Обсуждение основных результатов. В первую очередь следует обратиться к более широкой теме *информационного поведения студентов* в трудах современных авторов.

В отечественном научном дискурсе этот комплекс вопросов пока не получил широкого освещения. Так, на дату 05.05.2024 поиск в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU по терминам «информационное поведение» и «студенты», проведенный в пределах названий публикаций, аннотаций и ключевых слов с использованием техники точной фразы и логического оператора AND, выявил только 24 публикации на русском языке. Наиболее ранняя из них относится к 2001 году; динамика научной активности волнообразная, и в целом тренда роста публикаций не наблюдается (рис. 1).

Чаще всего тема информационного поведения студентов рассматривается в материалах конференций и научных статьях.

Так, В. А. Лопатина (2005) анализирует информационное поведение студентов как составляющую качества образования; важность воспитания культуры такого поведения аргументируется в статье Д. С. Шершнева (2016); Т. Н. Носкова (2018) характеризует стратегии информационного поведения студентов в условиях непрерывного образования; А. В. Макухина (2019) исследует особенности информационного поведения студентов в условиях трансформации книжной культуры.

Закономерно, что опыт пандемии COVID-19 стимулировал осмысление информационного поведения студентов в изменившихся условиях. Об этом, в частности, пишет П. А. Кисляков (2021).

В последние годы информационное поведение студентов анализируется в контексте цифровизации образования. Эта проблематика находится в фокусе внимания И. В. Шишкова и А. В. Шишковой (2019, 2022), О. В. Абрамчук и С. Ю. Кожевниковой (2020), А. А. Шандыбиной (2022).

Рис. 1. Динамика публикационной активности по теме «Информационное поведение студентов» (по данным eLIBRARY.RU)

Несмотря на то что информационное поведение именно студентов до настоящего времени не стало предметом диссертационных исследований и монографий, следует указать на значительный теоретический вклад в разработку концепта информационного поведения в целом, внесенный диссертациями Е. В. Кулаковой (2000) и Д. В. Матвиенко (2009). Монография Е. Л. Головлевой и Р. Т. Мухаева (2015) посвящена информационному поведению в плоскости моделей и технологий политического медиавлияния в условиях информационного общества.

Что касается мирового научного дискурса по теме информационного поведения студентов, то его формирование началось несколько ранее, чем в России, и идет более интенсивно.

Поиск, проведенный 05.05.2024 в международной наукометрической базе данных Dimensions, которая в открытом доступе содержит информацию о более 100 миллионов научных публикаций, выявил 521 запись по исследуемой теме. Поисковое предписание составлялось с применением таких техник, как точная фраза (сочетание слов “information behavior” заключалось в кавычки) и использование логических операторов (AND) для соединения терминов “information behavior” и “students” в запросе. Результаты поиска ограничивались терминами в заголовках и аннотациях публикаций, что обеспечивало более высокую релевантность полученных данных. Хронологические границы поиска не задавались с целью определения года появления первых публикаций. Полученные данные демонстрируют, что первая публикация об информационном поведении студентов появилась в 1998 году; быстрый рост наблюдается с 2006 года с периодом высокой научной активности начиная с 2013 года по настоящее время (рис. 2).

Среди наиболее продуктивных зарубежных исследователей следует указать на Chi Young Oh и Brian Butler (2014, 2015, 2019) из Мэрилендского университета в Колледж-Парке, США. Они изучают информационное поведение иностранных студентов, адаптирующихся в новой для них среде.

Далее обратимся к более углубленному анализу содержания научных публикаций на предмет рассмотрения в них вопросов *ценностных установок информационного поведения студентов*.

Изучение трудов отечественных авторов по теме информационного поведения студентов показывает, что проблема ценностных установок специально не рассматривается; эти вопросы затрагиваются только косвенно и детально до настоящего времени не исследованы. Выделим те немногочисленные публикации, в которых есть, хотя бы в малой степени, проблематика ценностных установок информационного поведения студентов.

Так, можно отметить аксиологический аспект в положениях диссертации Д. В. Матвиенко (2009), пишущего о противодействии деструктивным формам информационного поведения пользователей интернета путем выработки «действенных... регулятивов, способствующих удержанию личности в рамках позитивного объема информационной свободы... развития внутренней мотивации путем пропаганды *эталонных форм* информационного поведения» (курсив наш. — Т. Е.), и диссертации Е. В. Кулаковой (2000), в которой утверждается, что к числу внешних факторов, оказывающих наиболее осязаемое влияние на информационное поведение, относится «*система ценностей, традиций и норм*, сложившихся в обществе и транслируемых через систему общего и специального образования, а также постобразования...» (курсив наш. — Т. Е.).

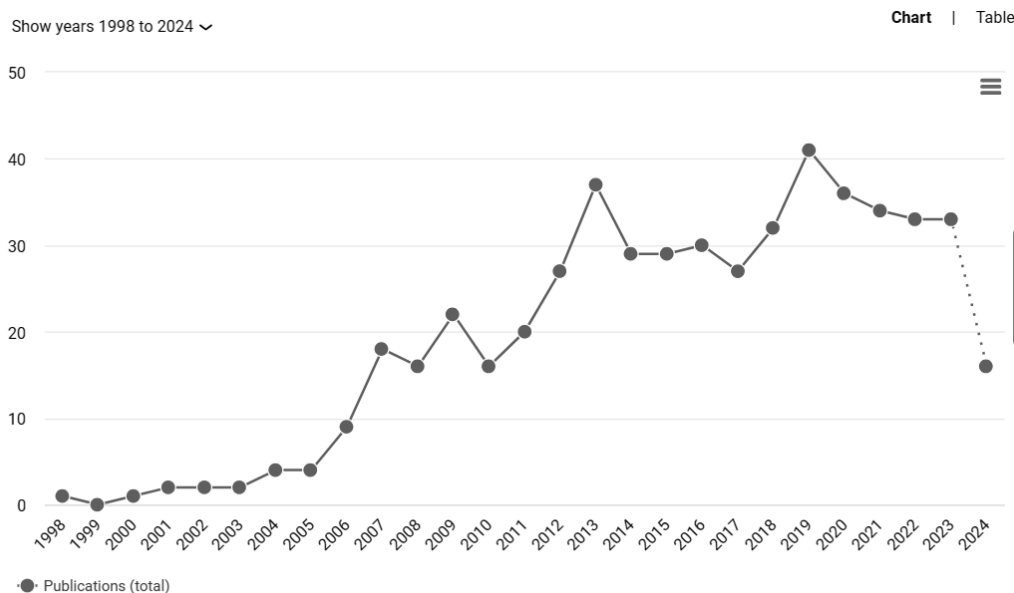

Рис. 2. Динамика публикационной активности по теме «Информационное поведение студентов» (по данным системы Dimensions.ai)

В статье И. В. Шишкова и А. В. Шишковой (2019) ценности информационного поведения рассмотрены в контексте проблем информационной этики; авторы, в частности, анализируют их в сфере конфиденциальности информации. А. А. Шандыбина (2022), рассматривая процесс удовлетворения информационных потребностей студентов в цифровой среде, упоминает о том, что одной из компетенций, непосредственно влияющих на эффективность информационного поведения, является знание и понимание нормативных и этических аспектов использования интеллектуальной собственности.

Интересным с точки зрения решаемой научной задачи представляется подход группы авторов из Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Т. Н. Носкова, О. В. Яковлева, Т. Б. Павлова и Е. Смирнова-Трибульска (2018) исследуют мотивационный аспект в структуре информационного поведения студентов и выделяют в нем как значимую ценность непрерывное образование. Ими отмечается, что в информационном поведении студентов «саморазвитие как ценность логически соответствует парадигме обучения на протяжении всей жизни».

Что касается работ зарубежных исследователей, то вопросы ценностных установок студентов в процессе их взаимодействия с информацией выступают предметом специально проведенных исследований.

Так, ценностные ориентации студентов в ситуациях поиска информации рассмотрены в публикациях S. Branstetter и M. Handelsman (2000) и S. Yang, C. Huang и A. Chen (2013). Явление «этического разрыва» в информационном поведении студентов изучено в работах L. Olafson, G. Schraw, L. Nadelson и N. Nadelson (2013). Под этическим разрывом понимается несоответствие между тем, что человек считает нравственно правильным, и тем, что он делает в реальной жизни. Об этом же феномене пишет и T. Chuang (2013), излагая результаты исследования, предметом которого являлся этический разрыв в нормах и правилах информационного поведения студентов колледжей, в том числе в аспектах соблюдения конфиденциальности информации и академической добросовестности.

F. Gino, M. Schweitzer, N. Mead и D. Arie (2011) выявили связь между способностью сопротивляться неэтичному информационному поведению и ресурсами самоконтроля студентов. Ими было установлено, что истощение ресурса самоконтроля студентов ведет к снижению уровня их нравственного сознания и обуславливает неспособность противостоять искушению.

Из последних зарубежных публикаций отметим статью T. Gorichanaz (2023) о применении норм и ценностей этики добродетели к информационному поведению и работу R. Ebiefung (2023) об этическом регулировании информационного поведения студентов при поиске в цифровых ресурсах.

Выводы и перспективы исследований. На основании результатов, полученных в ходе исследования, можно кратко сформулировать основные выводы.

Ценностные установки информационного поведения студентов выступают предметом исследования в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей с начала XX века. В российском научном дискурсе они рассматриваются достаточно обзорно, в границах других вопросов информационного поведения студентов, и пока глубоко не анализировались. Активность зарубежных исследователей более высока; на ценностях и нормах информационного поведения студентов фокусируется ряд эмпирических исследований.

Тема информационного поведения студентов вызывает растущий научный интерес за рубежом; в России, однако, тренда роста публикационной активности по этой теме не наблюдается.

Исследования в проблемном поле ценностных установок информационного поведения студентов обладают высокой актуальностью, так как их результаты могут фундаментализировать эффективный педагогический инструментарий для регулирования такого поведения в интересах успешного профессионально-личностного развития студентов.

Список источников

1. Абрамчук О. В., Кожевникова С. Ю. Информационное поведение студентов в процессе обучения в условиях цифровизации общества и экономики // *Архитектура университетского образования: построение единого пространства знаний* : сб. тр. IV нац. науч.-метод. конф. с междунар. участием. — СПб., 2020. — Т. 2. — С. 14–22.
2. Головлева Е. Л., Мухаев Р. Т. Информационная политика и информационное поведение: тренды, стратегии, технологии : моногр. — М., 2015. — 107 с.
3. Кисляков П. А. Особенности информационного поведения студенческой молодежи в период пандемии COVID-2019 // *Психологические проблемы личности и общества в условиях эпидемиологической угрозы* : сб. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. — М., 2021. — С. 376–383.
4. Кулакова Е. В. Информационное поведение специалистов: сущность и пути изучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2000. — 20 с.
5. Лопатина В. А. Информационное поведение студентов как составляющая качества образования // *Качество образования: менеджмент, достижения, проблемы* : материалы 6-й Междунар. науч.-метод. конф. — Новосибирск, 2005. — С. 661–663.
6. Макухина А. В. Информационное поведение студентов в условиях трансформации книжной культуры // *Городские молодежные культуры: навигаторы, коллаборации, креативность* : материалы XLVII науч.-творч. конф. — Самара, 2019. — С. 183–185.
7. Матвиенко Д. В. Культура информационного поведения пользователей интернет: философско-культурологическое исследование : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Краснодар, 2009. — 22 с.
8. Носкова Т. Н., Яковлева О. В., Павлова Т. Б., Смирнова-Трибульска Е. Стратегии информационного поведения студентов в условиях непрерывного образования // *Открытое образование*. — 2018. — Т. 22, № 3. — С. 25–34.
9. Шандыбина А. А. Организация информации в цифровой среде для удовлетворения информационных потребностей студентов // *Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. — 2022. — № 2 (18). — С. 185–188.
10. Шершнева Д. С. Формирование информационного поведения у студентов // *Теория и практика современной науки*. — 2016. — № 5 (11). — С. 1341–1346.
11. Шишков И. В., Шишкова А. В. Информационное поведение студента и проблемы конфиденциальности информации в условиях цифровизации образования // *Реформы в России и проблемы управления* — 2019 : материалы 34-й Всерос. науч. конф. молодых ученых. — М., 2019. — Вып. 1. — С. 338–341.
12. Шишкова А. В. Информационное поведение студентов: этические проблемы и когнитивное благополучие в контексте цифровизации образования // *Общество будущего: духовный опыт концептуального поиска России и Китая*. — М., 2022. — С. 122–165.
13. Branstetter S. A., Handelsman M. M. Graduate teaching assistants: Ethical training, beliefs, and practice // *Ethics & Behavior*. — 2000. — N 10 (1). — Pp. 27–50.
14. Chi Young O., Butler B. S. Small worlds in a distant land: International newcomer students' local information behaviors in unfamiliar environments // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. — 2019. — N 70 (10) — Pp. 1060–1073. — DOI: 10.1002/asi.24185.
15. Chi Young O., Butler B. S. Different geospatial information behaviors of new domestic and international graduate students // *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*. — 2015. — N 52 (1). — Pp. 1–2. — DOI: 10.1002/pr2.2015.1450520100143.

16. Chi Young O., Butler B. S. Myeong L. Information behavior of international students settling in an unfamiliar geo-spatial environment // Proceedings of the American Society for Information Science and Technology. — 2014. — N 51 (1). — Pp. 1–11. — DOI: 10.1002/meet.2014.14505101068.
17. Chuang T. M. Know it Morally vs. Do it Morally: The Ethical Gap of College Students in Informational Norms // The 5th International Conferences On Information Capital, Property and Ethics. — Yokohama, 2013. — URL : <https://clck.ru/3AYTmf> (accessed: 28.06.2024).
18. Ebiefung R. Knowledge of Information Ethics and Digital Information-seeking Behavior of Undergraduates In a Nigerian University // Library Philosophy and Practice (e-journal). — 2023. — P. 7746. — URL : <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/7746> (accessed: 28.06.2024).
19. Gino F., Schweitzer M. E., Mead N. L., Arie D. Unable to resist temptation: How self control depletion promotes unethical behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. — 2011. — N 115. — Pp. 191–203.
20. Gorichanaz T. A. Compass for What Matters: Applying Virtue Ethics to Information Behavior // Open Information Science. — 2023. — Vol. 7, N 1. — URL : <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/opsis-2022-0151/html> (accessed: 28.05.2024).
21. Olafson L., Schraw G., Nadelson L., Nadelson N. Exploring the judgment action gap: College students and academic dishonesty // Ethics & Behavior. — 2013. — N 23 (2). — Pp. 148–162.
22. Yang S. C., Huang C. L., Chen A. S. An investigation of college students' perceptions of academic dishonesty, reasons for dishonesty, achievement goals, and willingness to report dishonest behavior // Ethics & Behavior. — 2013. — N 23 (6). — Pp. 501–522. — DOI:10.1080/10508422.2013.802651.

References

1. Abramchuk O. V., Kozhevnikova S. Yu. Information behavior of students in the learning process in the context of digitalization of society and economy. *Arkhitektura universitetskogo obrazovaniya: postroyeniye yedinogo prostranstva znaniy: sb. tr. IV nats. nauch.-metod. konf. s mezhdunar. uchastiyem*. [Architecture of university education: building a unified knowledge space: collection of works of the IV national scientific and methodological conference with international participation]. St. Petersburg, 2020, vol. 2, pp. 14–22. (In Russian).
2. Golovleva E. L., Mukhaev R. T. *Informatsionnaya politika i informatsionnoye povedeniye: trendy, strategii, tekhnologii: monogr.* [Information policy and information behavior: trends, strategies, and technologies: monograph]. Moscow, 2015, 107 p. (In Russian).
3. Kislyakov P. A. Features of the information behavior of student youth during the COVID-2019 pandemic. *Psikhologicheskiye problemy lichnosti i obshchestva v usloviyakh epidemiologicheskoy ugrozy: sb. st. Vseros. konf. s mezhdunar. uchastiyem*. [Psychological problems of the individual and society in the context of an epidemiological threat: collection of articles of All-Russian conference with international participation]. Moscow, 2021, pp. 376–383. (In Russian).
4. Kulakova E. V. *Informatsionnoye povedeniye spetsialistov: sushchnost i puti izucheniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk*. [Information behavior of specialists: essence and ways of study: abstract of dissertation ... of Candidate of Pedgogy]. St. Petersburg, 2000, 20 p. (In Russian).
5. Lopatina V. A. Information behavior of students as a component of the quality of education. *Kachestvo obrazovaniya: menedzhment, dostizheniya, problemy: materialy 6-y Mezhdunar. nauch.-metod. konf.* [Education quality: management, achievements, problems: materials of the 6th International research and methodology conference]. Novosibirsk, 2005, pp. 661–663. (In Russian).
6. Makukhina A. V. Information behavior of students in the context of the transformation of book culture. *Gorodskiy molodezhnyye kultury: navigatory, kollaboratsii, kreativnost: Materialy XLVII nauch.-tvorch. konf.* [Urban youth cultures: navigators, collaborations, creativity: Proceedings of the XLVII research and creative conference]. Samara, 2019, pp. 183–185. (In Russian).
7. Matvienko D. V. *Kultura informatsionnogo povedeniya polzovateley internet: filosofsko-kulturologicheskoye issledovaniye: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk*. [Culture of information behavior of Internet users: philosophical and cultural research: abstract of dissertation ... of Candidate of Philosophy]. Krasnodar, 2009, 22 p. (In Russian).
8. Noskova T. N., Yakovleva O. V., Pavlova T. B., Smirnova-Tribulska E. Strategies of students' information behavior in the context of continuous education. *Otkrytoye obrazovaniye*. [Open education]. 2018, vol. 22, iss. 3, pp. 25–34. (In Russian).
9. Shandybina A. A. Organization of information in the digital environment to meet the information needs of students. *Molodezhnyy vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury*. [Youth Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2022, iss. 2 (18), pp. 185–188. (In Russian).
10. Shershnev D. S. Formation of information behavior in students. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki*. [Theory and practice of modern science]. 2016, iss. 5 (11), pp. 1341–1346. (In Russian).

11. Shishkov I. V., Shishkova A. V. Information behavior of students and problems of information confidentiality in the context of digitalization of education. *Reformy v Rossii i problemy upravleniya — 2019: materialy 34-y Vseros. nauch. konf. molodykh uchenykh*. [Reforms in Russia and Management Problems – 2019: Proceedings of the 34th All-Russian Scientific Conf. of Young Scientists]. Moscow, 2019, iss. 1, pp. 338–341. (In Russian).
12. Shishkova A. V. Information behavior of students: ethical problems and cognitive well-being in the context of digitalization of education. *Obshchestvo budushchego: dukhovnyy opyt kontseptualnogo poiska Rossii i Kitaya*. [Society of the Future: spiritual experience of conceptual search of Russia and China]. Moscow, 2022, pp. 122–165. (In Russian).
13. Branstetter S. A., Handelsman M. M. Graduate teaching assistants: Ethical training, beliefs, and practice. *Ethics & Behavior*. 2000, iss. 10 (1), pp. 27–50.
14. Chi Young O., Butler B. S. Small worlds in a distant land: International newcomer students' local information behaviors in unfamiliar environments. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2019, iss. 70 (10), pp. 1060–1073. DOI: 10.1002/asi.24185.
15. Chi Young O., Butler B. S. Different geospatial information behaviors of new domestic and international graduate students. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*. 2015, iss. 52 (1), pp. 1–2. DOI: 10.1002/pra2.2015.1450520100143.
16. Chi Young O., Butler B. S., Myeong L. Information behavior of international students settling in an unfamiliar geospatial environment. *Proceedings of the American Society for Information Science and Technology*. 2014, iss. 51 (1), pp. 1–11. DOI: 10.1002/meet.2014.14505101068.
17. Chuang T. M. Know it Morally vs. Do it Morally: The Ethical Gap of College Students in Informational Norms. *The 5th International Conference On Information Capital, Property and Ethics*. Yokohama, 2013. Available at: <https://clck.ru/3AYTmf> (accessed: 28.06.2024).
18. Ebiefung R. Knowledge of Information Ethics and Digital Information-seeking Behavior of Undergraduates In a Nigerian University. *Library Philosophy and Practice (e-journal)*. 2023, p. 7746. Available at: <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/7746> (accessed: 28.06.2024).
19. Gino F., Schweitzer M. E., Mead N. L., Arie D. Unable to resist temptation: How self control depletion promotes unethical behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2011, iss. 115, pp. 191–203.
20. Gorichanaz T. A. Compass for What Matters: Applying Virtue Ethics to Information Behavior. *Open Information Science*. 2023, vol. 7, iss. 1. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/opsis-2022-0151/html> (accessed: 28.05.2024).
21. Olafson L., Schraw G., Nadelson L., Nadelson N. Exploring the judgment action gap: College students and academic dishonesty. *Ethics & Behavior*. 2013, iss. 23 (2), pp. 148–162.
22. Yang S. C., Huang C. L., Chen A. S. An investigation of college students' perceptions of academic dishonesty, reasons for dishonesty, achievement goals, and willingness to report dishonest behavior. *Ethics & Behavior*. 2013, no. 23 (6), pp. 501–522. DOI:10.1080/10508422.2013.802651.

Информация об авторе

Еременко Татьяна Владимовна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления и политических технологий Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the author

Eremenko Tatyana Vadimovna — Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration and Political Technologies of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin. Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 12.07.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Научная статья

УДК 159.9:339.133.3

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.005

Русскоязычная версия экспресс-опросника «Ричмондская шкала компульсивного покупательского поведения»

Посыпанова Ольга Сергеевна

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

Калуга, Россия

olga.posyanova@yandex.ru

Аннотация. Комппульсивное потребительское поведение (компульсивное покупательское поведение, комппульсивное покупательское расстройство, ониомания, шопоголизм) — непреодолимое влечение к совершению покупок и навязчивое, часто повторяющееся, слабо контролируемое покупательское поведение, иными словами, одержимость покупками. Несмотря на возрастающее количество шопоголиков, к настоящему моменту не существует детально валидизированных русскоязычных психологических методик, которые бы оценивали уровень ониомании. Американский вариант Ричмондской шкалы комппульсивного покупательского поведения был разработан в 2008 году Н. Риджвэй, М. Кукар-Кинни и К. Монро из Ричмондского университета. Данный опросник адаптирован на китайском, корейском, португальском и русском языках.

Целью работы являлись перевод, кросс-культурная адаптация и психометрическая проверка экспресс-опросника «Ричмондская шкала комппульсивного покупательского поведения» (Richmond Compulsive Buying Scale, RCBC).

Общее количество участников исследования составило 2263 человека в возрасте от 18 до 73 лет, из них 45,6 % мужчин и 54,4 % женщин из 56 регионов России.

Исследование проходило в три этапа: первый — для семантической адаптации опросника (2020 год), второй — для сбора количественной информации (2020–2022 годы), третий — для определения валидности и ретестовой надежности методики (2022–2024 годы).

На первом этапе использовалось фокусированное групповое интервью (N = 13) и нарративное интервью с элементами экспертного опроса (N = 42) с людьми, осознающими свою ониоманию. На втором этапе был применен Интернет-опрос (N = 2023), включающий Ричмондскую шкалу комппульсивного покупательского поведения, социально-демографические данные и самооценивание уровня ониомании. На третьем этапе применено психологическое тестирование (N = 170). Для обработки и анализа данных были использованы анализ пригодности шкалы (коэффициент альфа Кронбаха), факторный и корреляционный анализ. Подсчеты осуществлялись в программе IBM SPSS Statistics 23.

Ричмондская шкала комппульсивного покупательского поведения, созданная Н. Риджвэй, М. Кукар-Кинни и К. Монро в адаптации О. С. Посыпановой, продемонстрировала простоту применения как специалистами, так и обычными потребителями, высокую внутреннюю согласованность (α Кронбаха = 0,82), достаточную конструктивную валидность (корреляция с тестом «Бергенская шкала шопоголизма» $r = 0,259$ при $p \leq 0,01$, N = 170), критериальную валидность (корреляция с самооценкой себя как шопоголика $r = 0,102$ при $p \leq 0,05$, N = 2023), высокую ретестовую надежность (через 2,5 месяца $r = 0,809$ при $p \leq 0,001$, N = 170; через 1 год $r = 0,590$ при $p \leq 0,001$, N = 98; через 2 года $r = 0,276$ при $p \leq 0,05$, N = 51). Результаты показали совпадение факторной структуры с оригиналом и достаточную согласованность русской версии шкалы.

Русскоязычная версия Ричмондской шкалы комппульсивного покупательского поведения будет полезна психологам, экономистам, маркетологам, социологам для диагностики нормального и проблемного покупательского поведения, а также психиатрам и психотерапевтам для диагностики аддикции в потреблении. Данная шкала стала первым детально адаптированным русскоязычным экспресс-опросником для диагностики и социального мониторинга шопоголизма, в том числе в онлайн-варианте.

Ключевые слова: экономическая психология, психология потребления, психология потребительского поведения, ониомания, шопоголизм, комппульсивное покупательское расстройство, комппульсивное потребительское поведение, комппульсивные покупки, Ричмондская шкала комппульсивного покупательского поведения, Ричмондская шкала комппульсивных покупок, экспресс-диагностика.

Для цитирования: Посыпанова О. С. Русскоязычная версия экспресс-опросника «Ричмондская шкала компульсивного покупательского поведения» // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 39–47. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.005.

Original article

Russian version of the Richmond Compulsive Buying Behavior Scale express questionnaire

Olga Sergeevna Posypanova

K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University

Kaluga, Russia

olga.posypanova@yandex.ru

Abstract: Compulsive consumer behavior (compulsive buying behavior, compulsive buying disorder, oniomania, shopaholism) is an irresistible urge to make purchases and compulsive, often repeated, poorly controlled buying behavior; in other words, obsession with shopping. Despite the increasing number of shopaholics, to date there are no detailed validated Russian-language psychological techniques that would assess the level of oniomania. The American version of the Richmond Compulsive Buying Behavior Scale was developed in 2008 by N. Ridgway, M. Kukar-Kinney and C. Monroe at the University of Richmond. This questionnaire is adapted in Chinese, Korean, Portuguese and Russian.

The aim of the work was translation, cross-cultural adaptation and psychometric testing of the Richmond Compulsive Buying Scale (RCBC) express questionnaire.

The total number of study participants was 26263 people aged 18 to 73 years, including 45.6% of men and 54.4% of women from 56 regions of Russia.

The study was conducted in three phases: at first for semantic adaptation of the questionnaire (2020), then for collecting quantitative information (2020-2022), and finally for determining the validity and retesting reliability of the methodology (2022-2024).

At the first stage, a focused group interview (N = 13) and a narrative interview with elements of an expert survey (N = 42) were addressed to people who recognized their oniomania. During the second stage, an Internet survey (N = 2023) was used, including the Richmond Compulsive Buying Behavior Scale, sociodemographic data, and self-assessment of the participants' levels of oniomania. Finally, psychological testing was applied (N = 170). A scale suitability analysis (Cronbach's alpha coefficient), factor and correlation analysis were used for data processing and analysis. The calculations were carried out on the IBM SPSS Statistics 23 Server.

The Richmond scale of compulsive buying behavior created by N. Ridgway, M. Kukar-Kinney and K. Monroe in the adaptation of O. S. Posypanova. Posypanova, was easily used both by specialists and ordinary consumers, demonstrated a high internal consistency (Cronbach's $\alpha = 0.82$), sufficient construct validity (correlation with the Bergen Shopaholism Scale $r = 0.259$ at $p \leq 0.01$, 259 at $p \leq 0.01$, $N = 170$), criterion validity (correlation with self-assessment of a shopaholic $r = 0.102$ at $p \leq 0.05$, $N = 2023$), high retest reliability (after 2.5 months $r = 0.809$ at $p \leq 0.001$, $N = 170$; after 1 year $r = 0.590$ at $p \leq 0.001$, $N = 98$; after 2 years $r = 0.276$ at $p \leq 0.05$, $N = 51$). The results showed similarity of the factor structure with the original and sufficient consistency of the Russian version of the scale.

The Russian-language version of the Richmond Compulsive Buying Behavior Scale will help psychologists, economists, marketers, and sociologists in diagnosing normal and problematic buying behavior, as well as psychiatrists and psychotherapists for diagnosing consumer addiction. This scale is the first detailed adapted Russian-language express questionnaire for diagnostics and social monitoring of shopaholism. It also includes an online version.

Keywords: economic psychology, consumer psychology, psychology of consumer behavior, oniomania, shopaholism, compulsive buying disorder, compulsive consumer behavior, compulsive purchases, Richmond scale of compulsive buying behavior, Richmond scale of compulsive purchases, express diagnostics.

For citation: Posypanova O. S. Russian version of the Richmond Compulsive Buying Behavior Scale express questionnaire // Psikhologo-pedagogicheskiy poisk [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 39–47. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.005.

Введение. В период активных социоэкономических изменений, происходящих сегодня в России, ведется мониторинг различных экономико-психологических индексов: потребительских настроений, потребительской уверенности, потребительского доверия, социального самочувствия, счастья,

кредитного оптимизма, восприятия инфляции и т. д. Но недостаточное внимание уделено компульсивности и импульсивности потребительского поведения. Между тем, учеными-маркетологами Ричмондского университета (США) в 2008 году разработана «Ричмондская шкала компульсивного покупательского поведения» (Ridgway, Kukar-Kinney, Monroe, 2008), с помощью которой проводится мониторинг уровня покупательской компульсивности, синонимично называемой ониоманией, шопоголизмом. Опросник переведен на корейский (Byeon, Kim, Han [et al.], 2017), китайский (Lam, Chan, Chong [et al.], 2018), португальский (Leite, Rangé, Kukar-Kinney [et al.], 2013) языки.

Компульсивность (от лат. *compulsio* — принуждение) — склонность личности (а в тяжелых формах — психопатология) совершать стереотипные, повторяющиеся навязчивые действия чтобы уменьшить внутреннее напряжение. *Компульсии* — повторяющиеся навязчивые поведенческие акты; в случае компульсивного потребительского поведения — навязчивые слабо контролируемые покупки (Black, 2001).

Компульсии подпитываются навязчивыми идеями — обсессиями. Покупательские обсессии — навязчивые, произвольные, неконтролируемые мысли о покупках, непреодолимое желание что-либо покупать без необходимости, ради удовольствия от самого процесса покупки. Обсессии всегда иррациональны и сводятся не к необходимости товара, а к желанию его купить (Dittmar, 2004, p. 427).

Компульсивное поведение — часто повторяющееся слабо контролируемое (или в случаях психопатологии — неконтролируемое) поведение, несмотря на неблагоприятные последствия. Компульсивное потребительское поведение, или компульсивное покупательское поведение, представляет собой слабо контролируемое осуществление покупок или одержимость покупками (Black, 2001). Воздержание от таких компульсивных покупок или запрет на них вызывает внутреннее состояние стресса, напряжения, тревоги, невозможность осуществлять другую (например, профессиональную) деятельность и обострение покупательских обсессий (Andreassen, Griffiths, Pallesen [et al.], 2015).

Чрезмерно выраженное компульсивное покупательское поведение именуется *компульсивным покупательским расстройством* (КПР, compulsive buying disorder, CBD). Это расстройство самоконтроля, характеризующееся непреодолимым влечением к покупкам и навязчивым, повторяющимся, чрезмерно активным покупательским поведением (покупкой объективно ненужных вещей). Оно провоцирует дистресс, нарушение социального и профессионального функционирования и финансовые проблемы.

Синонимами КПР и компульсивного покупательского поведения также являются ониомания (от др.-греч. ὄνιος — для продажи, μανία — безумие) и шопоголизм (ненаучное понятие, от англ. *shop* — магазин, араб. «голизм» — зависимость). Условно, покупателей в этом аспекте можно разделить на три категории: в норме, склонные к ониомании, ониоманы.

Компульсивное покупательское расстройство одними авторами относится к аддикциям (зависимостям) и ставится в один ряд с наркоманией, алкоголизмом (Andreassen, Griffiths, Pallesen [et al.], 2015), другими — к группе обсессивно-компульсивных расстройств (Black, 2001).

Хельга Диттмар (Dittmar, 2004) подчеркивает, что для ониоманов покупка — больше, чем акт купли/продажи. Это и отдых, и развлечение, и снятие стресса, и расслабление, и зарядание позитивными эмоциями, и сакральное действие. Но острый интерес к товару у них снижается после его покупки.

А. Мюллер и соавторы подчеркивают, что ониомания приводит к психическим, социальным, профессиональным, финансовым и часто юридическим проблемам; это определяет актуальность социально-психологического изучения ониомании, перевод и кросс-культурную адаптацию опросников для мониторинга уровня ониомании в стране (Mueller, Mitchell, Crosby [et al.], 2010).

Распространенность данного расстройства увеличивается год от года. Ему стали подвержены не только зрелые, финансово обеспеченные люди, но и подростки, юношество (Black, 2001, p. 18), что определяет актуальность изучения с целью дальнейшего профилактирования данного расстройства.

Ониомания сегодня не воспринимается как проблема, поскольку она выгодна бизнесу для обеспечения активного финансовооборота в стране. Отсутствуют валидизированные методики ее исследования. Наша работа призвана восполнить этот пробел и вывести в поле психологии, социологии и маркетинга русскоязычную версию «Ричмондской шкалы компульсивного покупательского поведения».

Целью исследования стала кросс-культурная адаптация на русском языке экспресс-опросника «Ричмондская шкала компульсивного покупательского поведения», его валидизация и проверка на надежность. Данный опросник адаптирован на китайском, корейском и португальском языках. Теперь и на русском.

Методы исследования. Исследование проходило в несколько этапов. На подготовительном этапе изучена англоязычная литература по экономике, психологии и психиатрии о компульсивном покупательском поведении и уровнях склонности к нему; из известных шести англоязычных опросников, измеряющих шопоголизм, выбран лучший по ряду показателей: широта охвата проблем, мировая востребованность, понятность для респондентов (2020 год).

На первом этапе опросник был переведен на русский язык. Затем проведено фокусированное групповое интервью (N = 13) и нарративные интервью с элементами экспертного опроса (N = 42), в которых участвовали люди, осознающие свою ониомию. В ходе интервью из предложенного многообразия переводов каждого утверждения участники выбрали оптимальные. После этого по аналогии с адаптацией на корейский, китайский и португальский языки был использован метод прямого и обратного перевода для проверки смысловой правильности полученной версии опросника. Так проведен первый, семантический этап кросс-культурной адаптации (2020 год).

Затем (2020–2022 годы) был проведен интернет-опрос, включавший в себя Ричмондскую шкалу компульсивного покупательского поведения, социоэкономические данные о респонденте и контрольную шкалу самооценки уровня ониомии. Приглашение респондентов к участию в исследовании проводилось на личных и групповых страницах в социальных сетях и мессенджерах. Так был проведен второй этап кросс-культурной адаптации, определены корреляции социоэкономическими показателями респондентов.

На третьем этапе (2022–2024 годы) для валидизации и проверки надежности шкалы были проведены тестирование и три ретеста данной методики: через 11 недель (N = 170), через 1 год (N = 98) и через 2 года (N = 51). Также был исследован уровень корреляции с Бергенской шкалой шопоголизма.

Общее количество участников составило 2263 человек, из них 1032 мужчины и 1231 женщина в возрасте от 18 до 73 лет. В выборки первого и третьего этапа исследования вошли жители Калуги и Калужской области.

В интернет-опросе с использованием платформы «гугл-формы» приняли участие 2032 русскоязычных человека, из них 2023 — из России, а также русские, проживающие в других странах: 1 — из Испании (г. Барселона), 1 из Казахстана (г. Нур-Султан), 1 из Киргизии (г. Бишкек), 2 из Украины (г. Днепр и с. Изки Закарпатской области), 1 из Беларуси (г. Минск), 1 из Туркмении (г. Ашхабад), 1 из США (г. Детройт), 1 из Канады (г. Торонто).

Интернет-формат позволил охватить опросом всю Россию, включая маленькие города, села и деревни. Наиболее активно в опросе участвовали жители городов (Москва, Калуга, Челябинск, Санкт-Петербург, Липецк, Воронеж, Владимир), а также Московской и Калужской областей.

В интернет-исследовании приняли участие 933 мужчины (46,1 % выборки) и 1090 женщин (53,9 %) в возрасте от 18 до 73 лет включительно. Средний возраст выборки — 36,7 лет, распределение по возрасту — равномерное. Среди респондентов 53,3 % женатых/замужем и 46,7 % — не женат / не замужем / разведен.

Распределение выборки по профессиям таково: студенты (19,2 %), офисные служащие производственного/коммерческого предприятия (17,1 %), государственные или муниципальные служащие, включая военнослужащих, сотрудников полиции и других правоохранительных органов (15,4 %), продавцы-консультанты, сотрудники торгового зала (12,8 %), менеджеры среднего звена (9,5 %), рабочие (9,3 %), учителя и преподаватели (6,6 %), психологи (2,5 %), индивидуальные предприниматели и самозанятые (2,3 %), пенсионеры (1,9 %), врачи (1 %), мамы в декрете (0,5 %), руководители предприятия, топ-менеджеры (0,4 %), руководители и управляющие благотворительной организации (0,3 %), журналисты и блогеры (0,3 %), программисты и системные администраторы (0,3 %), домохозяйки (0,2 %), представители других профессий (0,3 %).

Распределение участников по уровню благосостояния было следующим: денег не хватает даже на еду (2,9 %), денег хватает только на еду и коммунальные расходы (11,7 %), денег хватает на еду, коммунальные расходы, одежду, обувь и совсем немного — на остальное (40,4 %), денег хватает на все, что нужно, но впритык (22,6 %), денег хватает на все, что нужно, и есть сбережения (19,7 %), могут назвать себя обеспеченным человеком (2,8 % респондентов).

Результаты и их обсуждение. Слово “buying” в названии методики “Richmond Compulsive buying Scale” переведено не дословно «покупки», а «покупательское поведение», что ближе по смыслу.

В оригинальном варианте опросник состоит из шести Я-высказываний, которые самооцениваются респондентом по шкале Лайкерта от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен). Три первых утверждения направлены на диагностику обсессивно-компульсивного типа процесса совершения покупок, три последних — ни диагностику импульсивного типа процесса совершения покупок. Импульсивное и компульсивное покупательское поведение суммируются в ониоманию. Это разделение оставили и в российской версии.

Во время семантического подбора наиболее актуальных переводов утверждений опросника участникам исследования, осознающим и признающим свою ониоманию, были предложены несколько вариантов перевода каждого утверждения, они выбрали наиболее приемлемый (табл. 1). Если с первыми пятью утверждениями опросника не возникло споров, то шестое утверждение вызвало самые большие трудности перевода. Слово «импульсивный» непонятно для русскоязычного респондента. Эксперты предлагали заменить его, кардинально поменяв критерий с импульсивности на важный, но нераскрытый в данном опроснике: шопоголики воспринимают шопинг как вид отдыха, развлечение, способ снять стресс и расслабиться. Утверждение могло звучать как «Поход по магазинам — интересный вид отдыха». Но было решено не менять критериев, заявленных авторами. Оставив глубинный смысл импульсивности покупательского поведения, перевели его как «Мне трудно контролировать свое желание покупать». Кстати, бразильские авторы (Leite, Rangé, Kukar-Kinney [et al.], 2013) также имели трудности с этим утверждением, и в их адаптации это утверждение звучит «Я не думаю о последствиях своих покупок». Русскоязычные эксперты-ониоманы на это ответили, что они очень много думают о последствиях, предугадывая и домашние скандалы, и финансовые проблемы и то, что вещью не будут активно пользоваться; но желание купить сильнее этих прогнозов. Таким образом, была проведена семантическая адаптация опросника.

Таблица 1

Результаты семантической адаптации опросника

№ п/п	Утверждение в оригинальном тексте шкалы	Дословный перевод	Адаптированный перевод
1	My closet has unopened shopping	В моем шкафу есть неоткрытые покупки	В моем шкафу есть нераспакованные покупки
2	Others might consider me a 'shopaholic.'	Другие могут счесть меня 'шопоголиком'	Друзья могут назвать меня шопоголиком
3	Much of my life centers around buying things	Большая часть моей жизни центрируется на покупке вещей	Большая часть моей жизни сосредоточена вокруг покупок
4	I buy things I don't need	Я покупаю вещи, которые мне не нужны	Я покупаю вещи, в которых нет необходимости
5	I buy things I did not plan to buy	Я покупаю вещи, которые не планировал покупать	Я покупаю вещи, которые не планировал покупать
6	I consider myself an impulse purchaser	Я считаю себя импульсивным покупателем	Мне трудно контролировать свое желание покупать

Выявлено, что распределение по каждому пункту опросника является нормальным, как и в исследованиях авторов опросника на американской выборке.

Надежность шкалы (внутренняя согласованность ее пунктов) оценивалась с использованием коэффициента α Кронбаха, который равен 0,82. Это свидетельствует о высокой надежности русскоязычной адаптации шкалы. Американская версия имеет α Кронбаха = 0,89. χ^2 Пирсона = 912,8, что также показывает высокую внутреннюю согласованность. Для проверки факторных весов использовался коэффициент Бартлетта. Barlett = 793,56 при $p \leq 0,01$ (табл. 2 и 3, рис.).

Таблица 2

Факторный анализ пунктов шкалы и кластерная валидность шкалы

Утверждение	Российская выборка	Американская выборка, по данным М. Риджвей, М. Кукар-Кинни, К. Монро
1. В моем шкафу есть нераспакованные покупки	0,73	0,61
2. Друзья могут назвать меня шопоголиком	0,67	0,83
3. Большая часть моей жизни сосредоточена вокруг покупок	0,77	0,82
4. Я покупаю вещи, в которых нет необходимости	0,82	0,83
5. Я покупаю вещи, которые не планировал покупать	0,81	0,82
6. Мне трудно контролировать свое желание покупать	0,86	0,70
Субшкала «Обсессивно-компульсивные покупки»	0,72	0,71
Субшкала «Импульсивные покупки»	0,82	0,71
Индекс надежности субшкалы «Обсессивно-компульсивные покупки»	0,71	0,78
Индекс надежности субшкалы «Импульсивные покупки»	0,76	0,80
Дисперсия	0,41	
Дивергентная валидность	0,66	
α Кронбаха	0,82	0,89
NFI (нормированный индекс соответствия)	0,93	0,97
CFI (Индекс сравнительного соответствия)	0,95	0,97
Медиана	18,87	17,13
Среднее	18,34	16,0
SD	7,43	7,27

Таблица 3

Корреляции пунктов шкалы друг с другом по r-Пирсона
(указаны для подтверждения внутренней согласованности — конструктивной валидности;
представлены только значимые корреляции; N = 2023)

Утверждение	1	2	3	4	5	6
1. В моем шкафу есть нераспакованные покупки	1	0,258*	0,186*	–	0,346**	0,452**
2. Друзья могут назвать меня шопоголиком	0,258*	1	–	–	0,387**	0,238*
3. Большая часть моей жизни сосредоточена вокруг покупок	0,186*	–	1	0,168*	0,185*	0,315**
4. Я покупаю вещи, в которых нет необходимости	–	–	0,168*	1	0,241**	0,186*
5. Я покупаю вещи, которые не планировал покупать	0,346**	0,387**	0,185*	0,241**	1	0,208*
6. Мне трудно контролировать свое желание покупать	0,452**	0,238*	0,315**	0,186*	0,208*	1

Примечание: * — уровень значимости $p \leq 0,05$, ** — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Валидность шкалы проверялась с помощью корреляционных связей (коэффициент корреляции Спирмена). Валидность оказалась достаточно высокой: корреляция с самооценкой себя как шопоголика: $r = 0,202$ при $p \leq 0,01$, $N = 2023$. Таким образом, существует значимая связь между результатом тестирования и произвольной самооценкой, но не слишком сильная: самовосприятия или невосприятия себя как шопоголика недостаточно для создания объективной картины. Корреляция результатов Ричмондской шкалы с Бергенской шкалой шопоголизма (BSAS): $r = 0,259$ при $p \leq 0,01$, $N = 170$.

Рис. Графическое представление результатов конфирматорного факторного анализа

Шкала показала высокую ретестовую надежность (подсчитывалась с помощью коэффициента корреляции Пирсона): через 2,5 месяца $r = 0,809$ при $p \leq 0,001$, $N = 170$, через 1 год $r = 0,590$ при $p \leq 0,001$, $N = 98$, через 2 года $r = 0,276$ при $p \leq 0,05$, $N = 51$.

Выводы. Ричмондская шкала компульсивного покупательского поведения, созданная Н. Риджвэй, М. Кукар-Кинни и К. Монро в 2008 году, адаптированная О. С. Посыпановой в 2020–2024 годах, продемонстрировала простоту применения как специалистами, так и обычными потребителями, высокую внутреннюю согласованность, достаточную конструктивную валидность, критериальную валидность. Результаты показали совпадение факторной структуры с оригиналом и достаточную согласованность русской версии шкалы.

Небольшое количество пунктов данного опросника обусловлено важностью удобства социального мониторинга (скрининга) и клиповым мышлением современной молодежи, диктующим необходимость сокращения и упрощения диагностических шкал.

Данный опросник стал первым валидизированным русскоязычным экспресс-опросником для диагностики и общественного мониторинга склонности к компульсивным покупкам. Шкала будет полезна при разработке и внедрении программ профилактики ониомании, при формировании экономического самосознания россиян. Психиатрам и психотерапевтам она будет полезна при диагностике обратившихся к ним пациентов-шопоголиков, социологам и маркетологам — для скрининга ониомании на определенной территории.

Приложение. Вам предлагается шесть утверждений. Выберите ответ, характеризующий Вас точнее всего, на шкале от 1 балла до 7 баллов.

	Совершенно не согласен 1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов	6 баллов	Совершенно согласен 7 баллов
1. В моем шкафу есть нераспакованные покупки	_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____
2. Друзья могут назвать меня шопоголиком	_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____
3. Большая часть моей жизни сосредоточена вокруг покупок	_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____
	никогда 1 балл	2 балла	3 балла	4 балла	5 баллов	6 баллов	очень часто 7 баллов
4. Я покупаю вещи, в которых нет необходимости	_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____
5. Я покупаю вещи, которые не планировал покупать	_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____
6. Мне трудно контролировать свое желание покупать	_____	_____	_____	_____	_____	_____	_____

Интерпретация: сложите шесть полученных цифр. Если полученное число от 6 до 23 — респондент не страдает компульсивным покупательским расстройством (ониоманией, шопоголизмом), от 24 до 35 — компульсивное покупательское расстройство выражено в средней степени, иными словами, имеется склонность к ониомании; от 36 до 42 — у респондента ониомания.

Индекс обсессивно-компульсивности покупательского поведения — сумма ответов на первые три вопроса. Индекс импульсивности покупательского поведения — сумма ответов на последние три вопроса. Индекс в «красной зоне», если он находится в диапазоне от 17 до 21 балла, в желтой — от 16 до 12, и в зеленой, нормативной зоне — от 3 до 11 баллов.

Список источников

1. Дробышева Т. В. Психология экономической социализации личности: основные формы и детерминанты. — М. : Ин-т психологии РАН. — 2023. — 426 с.
2. Посыпанова О. С. Особенности мотивации демонстративного потребления провинциальной молодежи // Социальная психология и общество. — 2013. — № 3. — С. 116–129.
3. Посыпанова О. С. Товарный фетишизм как «маркетинговая религия» // Практический маркетинг. — 2013. — № 6 (196). — С. 29–38.
4. Посыпанова О. С., Воробьева О. С. Субъект-предметные и объект-предметные отношения в потреблении // Психология и психотехника. — 2014. — № 10 (73). — С. 1021–1032.
5. Andreassen C. S., Griffiths M. D., Pallesen S., Bilder R. M., Torsheim T., Aboujaoude E. The Bergen Shopping Addiction Scale: reliability and validity of a brief screening test // *Frontiers in Psychology*. — 2015. — Vol. 6. — Pp. 1–5. — DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01374.
6. Black D. W. Compulsive Buying Disorder // *Mol Diag Ther*. — 2001. — N 15. — Pp. 17–27. — DOI: 10.2165/00023210-200115010-00003.
7. Byeon G. H., Kim R., Han J. H., Ko Y. M., Roh S., Lee T. K. Reliability and validity of the Korean version of Richmond Compulsive Buying Scale // *Journal of Korean Neuropsychiatric Association*. — 2017. — N 56. — Pp. 35–44. — DOI: 10.4306/jknpa.2017.56.1.35.
8. Lam S. C., Chan Z. S. L., Chong A. C. Y., Wong W. W. C., Ye J. Adaptation and validation of Richmond Compulsive Buying Scale in Chinese population // *Journal of Behavioral Addictions*. — 2018. — N 7 (3). — Pp. 760–769. — DOI: 10.1556/2006.7.2018.94.
9. Dittmar H. Understanding and Diagnosing Compulsive Buying // Robert H. Coombs, *Handbook of Addictive Disorders*. — 2004. — Pp. 424–450.
10. Leite P., Rangé B., Kukar-Kinney M., Ridgway N., Monroe K., Ribas R. Jr., Landeira Fernandez J., Nardi A. E., Silva, A. Cross-cultural adaptation, validation and reliability of the Brazilian version of the Richmond Compulsive Buying Scale // *Revista Brasileira de Psiquiatria*. — 2013. — N 35 (1). — Pp. 38–43. — DOI: 10.1016/j.rbp.2012.10.004.
11. Mueller A., Mitchell J. E., Crosby R. D., Gefeller O., Faber R. J., Martin A., Bleich S., Glaesmer H., Exner C., de Zwaan M. Estimated prevalence of compulsive buying in Germany and its association with sociodemographic characteristics and depressive symptoms // *Psychiatry Research*. — 2010. — N 180 (2–3). — Pp. 137–142. — DOI: 10.1016/j.psychres.2009.12.001.
12. Ridgway N., Kukar-Kinney M., Monroe K. An expanded conceptualization and a new measure of compulsive buying // *Journal of Consumer Research*. — 2008. — N 35 (4). — Pp. 622–639. — DOI: 10.1086/591108.

References

1. Drobysheva T. V. *Psikhologiya ekonomicheskoy sotsializatsii lichnosti: osnovnyye formy i determinanty*. [Psychology of economic socialization of an individual: the main forms and determinants]. Moscow, Psychology Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2023, 426 p. (In Russian).
2. Posypanova O. S. Specifics of motivation of conspicuous consumption of provincial young people. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*. [Social Psychology and Society]. 2013, iss. 3, pp. 116–129. (In Russian).
3. Posypanova O. S. Fetishism of commodities as a “marketing religion”. *Prakticheskiy marketing*. [Practical Marketing]. 2013, iss. 6 (196), pp. 29–38. (In Russian).
4. Posypanova O. S., Vorobyova O. S. Subject-object and object-object relations in consumption. *Psikhologiya i psikhotehnika*. [Psychology and psychotechnics]. 2014, iss. 10 (73), pp. 1021–1032. (In Russian).
5. Andreassen C. S., Griffiths M. D., Pallesen S., Bilder R. M., Torsheim T., Aboujaoude E. The Bergen Shopping Addiction Scale: reliability and validity of a brief screening test. *Frontiers in Psychology*. 2015, vol. 6, pp. 1–5. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01374.
6. Black D. W. Compulsive Buying Disorder. *Molecular Diagnosis Therapy*. 2001, iss. 15, pp. 17–27. DOI: 10.2165/00023210-200115010-00003.

7. Byeon G. H., Kim R., Han J. H., Ko Y. M., Roh S., Lee T. K. Reliability and validity of the Korean version of Richmond Compulsive Buying Scale. *Journal of Korean Neuropsychiatric Association*. 2017, iss. 56, pp. 35–44. DOI: 10.4306/jknpa.2017.56.1.35.

8. Lam S. C., Chan Z. S. L., Chong A. C. Y., Wong W. W. C., Ye J. Adaptation and validation of Richmond Compulsive Buying Scale in Chinese population. *Journal of Behavioral Addictions*. 2018, iss 7 (3), pp. 760–769. DOI: 10.1556/2006.7.2018.94.

9. Dittmar H. Understanding and Diagnosing Compulsive Buying. *Robert H. Coombs, Handbook of Addictive Disorders*. 2004, pp. 424–450.

10. Leite P., Rangé B., Kukar-Kinney M., Ridgway N., Monroe K., Ribas R. Jr., Landeira Fernandez J., Nardi A. E., Silva, A. Cross-cultural adaptation, validation and reliability of the Brazilian version of the Richmond Compulsive Buying Scale. *Revista Brasileira de Psiquiatria*. 2013, iss. 35 (1), pp. 38–43. DOI: 10.1016/j.rbp.2012.10.004.

11. Mueller A., Mitchell J. E., Crosby R. D., Gefeller O., Faber R. J., Martin A., Bleich S., Glaesmer H., Exner C., de Zwaan M. Estimated prevalence of compulsive buying in Germany and its association with sociodemographic characteristics and depressive symptoms. *Psychiatry Research*. 2010, iss. 180 (2–3), pp. 137–142. DOI: 10.1016/j.psychres.2009.12.001.

12. Ridgway N., Kukar-Kinney M., Monroe K. An expanded conceptualization and a new measure of compulsive buying. *Journal of Consumer Research*. 2008, iss. 35 (4), pp. 622–639. DOI: 10.1086/591108.

Информация об авторе

Посыпанова Ольга Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского.

Information about the author

Posypanova Olga Sergeevna — Candidate of Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Научная статья

УДК 371.12(470.313)«195»

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.006

**Методическое сопровождение школьных учителей
как условие их профессионально-личностного развития
и повышения качества образовательного процесса
в первой половине 1950-х годов
(на примере городских школ г. Рязани)**

Щетинина Наталья Павловна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязань, Россия

n.shetinina@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Обращение к опыту методического сопровождения учителей городских школ Рязани в исследуемый период является актуальным для современной теории и практики методической работы с учителями.

В статье с помощью теоретических методов критического анализа педагогических источников, архивных материалов анализируется практический опыт методической работы с учителями городских школ.

Доказано, что в методическом сопровождении школьных учителей использовались как традиционные, так и инновационные подходы, формы, методы, приемы, которые отвечали актуальным задачам школьного образования первой половины 1950-х годов; выделены достижения и проблемы в методической работе со школьными учителями города.

Критическое осмысление накопленного опыта прошлого позволяет говорить о его значении для современной системы организации методической поддержки школьных учителей, что свидетельствует о теоретической значимости проведенного автором статьи исследования, а введение в научный оборот новых архивных материалов, попытка дать авторскую оценку прошлого опыта методической работы с позиции достижений и недостатков — о его научной новизне.

Результаты исследования могут быть использованы научными работниками, преподавателями, студентами при изучении истории педагогики и образования.

Ключевые слова: учитель, школа, образовательный процесс, методическое сопровождение, профессионально-личностное развитие, методические объединения, обмен опытом, самообразование, педагогический кабинет, методическая литература, педагогическая выставка.

Для цитирования: Щетинина Н. П. Методическое сопровождение школьных учителей как условие их профессионально-личностного развития и повышения качества образовательного процесса в первой половине 1950-х годов (на примере городских школ г. Рязани) // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 48–54. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.006.

Original article

**Methodological support of school teachers
as a condition for their professional and personal development
and improving the quality of the educational process
in the first half of the 1950s
(materials from municipal schools in Ryazan)**

Natalia Pavlovna Shchetinina

Ryazan State University named for S. A. Yesenin

Ryazan, Russia

n.shetinina@365.rsu.edu.ru

Abstract. Analyzing the experience of methodological support of teachers of city schools of Ryazan in the stated period is relevant for modern theory and practice of methodological work with teaching professionals.

The article employs theoretical methods of critical analysis of pedagogical sources and archival materials and analyzes the practical experience of methodological work with teachers of schools in the city of Ryazan.

The research proves that both traditional and innovative approaches, forms, methods, and techniques were used in the methodological support of school teachers, which met the current tasks of school education in the first half of the 1950s. It highlights the achievements and problems in methodological work with school teachers in the city.

A critical consideration of the experience accumulated in the past allows us to state its significance for the modern system of methodological support for school teachers. This testifies to the theoretical importance of the research conducted, and the introduction of new archival materials into scientific discussion. The author evaluates the past experience of methodological work focusing on the achievements and shortcomings, which accounts for scientific novelty of the article.

The conclusions of the research can be used by education scholars, teachers, and college students studying the history of pedagogy and education.

Keywords: teacher, school, educational process, methodological support, professional and personal development, methodological teaching teams, sharing experience, self-education, pedagogical classroom, methodological literature, pedagogical expositions.

For citation: Shchetinina N. P. Methodological support of school teachers as a condition for their professional and personal development and improving the quality of the educational process in the first half of the 1950s (materials from municipal schools in Ryazan) // *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 48–54. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.006.

Введение. Цель статьи — проанализировать опыт методического сопровождения учителей городских школ Рязани в первой половине 1950-х годов, выделить его особенности и ценностные аспекты для современной практики методической работы.

Автор исходит из **предположения** о том, что успешное решение задач методического сопровождения современного учителя возможно с учетом изучения и использования ценных идей методической работы исследуемого периода.

Основными **методами** исследования были изучение и анализ, обобщение и систематизация педагогической литературы и архивных материалов по теме исследования.

Обсуждение основных результатов. Высокий уровень учебно-воспитательной работы в школе в значительной степени зависит от методической подготовленности учителей, их способности применять как традиционные, так и инновационные формы, методы, приемы работы.

Методическое сопровождение учителей направлено на их непрерывное профессионально-личностное развитие, формирование методической культуры, мотивации к достижению высоких результатов в обучении и воспитании школьников, оказание адресной помощи при выявлении затруднений в работе каждого педагога, обмен лучшими практиками организации образовательного процесса (Головина, 2023, с. 135–136).

Каждый период в истории развития отечественного образования отличается особыми задачами в подготовке школьников и профессиональном развитии учительства, которые обусловлены требованиями времени и самой школой. В деятельности школы и повышении профессионального уровня рязанского учительства после Великой Отечественной войны наблюдалась определенная положительная динамика: улучшались показатели успеваемости, дисциплины учащихся благодаря творческому подходу рязанских учителей-мастеров педагогического труда к обучению и воспитанию, активизировалась работа с пионерскими и комсомольскими организациями.

Вместе с тем в исследуемый период оставались еще не до конца решенными проблемы, порожденные Великой Отечественной войной как в масштабах всей страны, так и в рязанском регионе: всеобщего охвата детей обучением, ликвидации второгодничества, воспитания сознательной дисциплины учащихся, политехнического обучения, подготовки вожатых для работы с пионерскими организациями, комсомольских активистов, обучения педагогов методике работы с детскими организациями в школе.

В литературе исследуемого периода отмечается, что в начале 1950-х годов методическая работа с учителями стала немного более оживленной, однако вопросы обучения и воспитания учащихся не всегда решались конкретно и оперативно.

Грамотно организованная методическая работа с учителями рассматривалась как необходимое условие решения обозначенных проблем (Передовая, 1956, с. 4).

В Рязанском крае в методической работе в изучаемый период использовались различные формы, методы и приемы оказания методической помощи учителям.

Большое внимание уделялось работе городских и школьных методических комиссий (объединений), на которых рассматривались различные теоретические вопросы по педагогике, психологии, разрабатывались и обсуждались методики преподавания отдельных учебных предметов; учителя обменивались опытом работы в процессе посещения и анализа уроков опытных педагогов, оказывали помощь молодым педагогам, выступая в роли наставников. Особое внимание уделялось методической помощи учителям русского языка и литературы и математики, так как именно по этим предметам наблюдалась высокая неуспеваемость учащихся в отдельных школах города. Например, в городских школах города Рязани на конец 1949–1950 учебного года из 14542 учеников 2036 были неуспевающими, то есть каждый седьмой ученик (14 %) (Протоколы августовского совещания учителей со всеми к нему материалами. 27–28 августа 1950 г., л. 34).

В 1950-х годах актуализировалась задача изучения, обобщения и распространения передового педагогического опыта как условие развития профессионализма рязанского учительства. Первые шаги в этом направлении были сделаны городским педагогическим кабинетом, а также педагогическими кабинетами, которые были открыты в мужской школе № 2, 1-й и 7-й женских школах. Именно там началась систематическая работа по изучению, обобщению и распространению опыта работы учителей, которые получают высокие результаты в обучении и воспитании учащихся. Городской педагогический кабинет в 1949–1950 учебном году обобщил опыт двух учителей школ города, ознакомил городских учителей с этим опытом; в марте 1950 года была проведена первая городская педагогическая конференция по обмену опытом; в течение учебного года были организованы две педагогические выставки (Протоколы августовского совещания учителей со всеми к нему материалами. 27–28 августа 1950 г., л. 52).

Основная масса учителей была плохо осведомлена о работе передовых учителей (М. Е. Миллвзорова, М. И. Куркина, Н. Д. Латышева, М. П. Асеева и др.), поэтому на августовском городском совещании учителей (26–27 августа 1950 года) была поставлена задача в следующем учебном году открыть во всех средних школах педагогические кабинеты; в семилетних и начальных школах организовать методические уголки; разработать тематику выступлений и заслушивать передовых учителей о своем опыте на заседаниях педагогических советов и городских методических комиссиях; оформить выставки о достижениях передовых учителей; организовать педагогические чтения в средней женской школе № 7; в марте 1951 года провести вторую городскую педагогическую конференцию на тему: «Совместная работа учителя с ученическими, пионерскими и комсомольскими организациями». Опыт работы лучших учителей должен был стать достоянием учительства города посредством его обсуждения на заседаниях педагогических советов школ и в городских методических комиссиях (Протоколы августовского совещания учителей со всеми к нему материалами. 27–28 августа 1950 г., л. 50–52).

Как бы хорошо ни была организована методическая работа с учителями, необходимым условием развития их профессиональных компетенций являлось самообразование в области педагогики, психологии, методики преподавания. Ставилась задача пополнения литературой различной направленности школьных библиотек (книги, журналы; формирование домашних библиотек; библиотеки при педагогическом кабинете; наглядные пособия и т. п.). Институтом усовершенствования учителей были разработаны темы, список литературы и план по самообразованию. Он включал тему, над которой работает учитель в предстоящей четверти, литературу к ней, форму отчетности (доклад, реферат, конспект, описание опыта работы и т. д.). Осуществление контроля за выполнением заданий вменялось в обязанность отделов народного образования, руководителей школ. Учителя выступали с отчетами по итогам самостоятельной работы на заседаниях педагогических советов школ и на методических совещаниях (школьных, кустовых, предметных комиссий) (Щетинина, 2023, с. 258).

Преподаватель педагогического института В. П. Гришин на августовском совещании учителей (1950 год) высказал идею о необходимости учителям включаться в научно-исследовательскую работу, а архивным работникам публиковать в печати архивные материалы как основу для подготовки научных работ учителей (Протоколы августовского совещания учителей со всеми к нему материалами. 27–28 августа 1950 г., л. 21 об.).

В прениях по докладу заведующего горно Г. Г. Матвеева учительница физкультуры средней женской школы № 2 Брежнева высказала озабоченность постановкой физкультуры в школе. Она отметила, что «В докладе т. Матвеева не было ничего сказано о преподавании физкультуры, видимо потому, что сам зав. ГОРОНО не был никогда на уроках ни у кого из преподавателей физкультуры.

В прошлом году было очень хорошее предложение дать несколько открытых уроков по физкультуре для завучей и директоров, так как, часто бывая на этих уроках, они не могут дать ценных указаний преподавателю физкультуры, иногда делают неправильные выводы об уроке» (Протоколы августовского совещания учителей со всеми к нему материалами. 27–28 августа 1950 г., л. 10).

В связи с задачей перестройки преподавания русского языка в школе и установкой на восстановление в правах морфологии и синтаксиса как равнозначных и равноценных разделов грамматики, отказ от чрезмерного увлечения семантикой и лексикой на заседаниях методических объединений учителей русского языка и литературы больше внимания стало уделяться этим вопросам. Например, в рязанской средней женской школе № 5 на одном из заседаний методической комиссии в свете трудов В. Г. Сталина были рассмотрены все разделы грамматики, обсуждены способы развития речи учащихся, исправления грамматических, стилистических ошибок в их речи, а также намечены мероприятия по повышению успеваемости учащихся, организовано взаимное посещение уроков, оказана помощь учителям 5 в и 5 г классов и молодой учительнице (Протоколы январского совещания учителей Советского и Октябрьского районов города Рязани с решениями совещаний за 1951–52 уч. г., л. 33).

На городских межшкольных методических объединениях учителя русского языка и литературы ставили задачу добиться глубокого и правильного понимания учащимися изучаемых литературных произведений, умения излагать свои мысли литературным, выразительным языком; воспитать у учащихся ценностное отношение к знаниям, сознательную дисциплину, высокие нравственные ориентиры, патриотизм, потребность в труде и выборе профессии. Высокий уровень деятельности методических объединений обеспечивался благодаря привлечению к их работе преподавателей высших учебных заведений г. Рязани. Например, доцент педагогического университета В. П. Гришин в докладе «Проблема типичности в художественной литературе» показал, как применить основные положения его выступления на уроках литературы. Опыт своей работы по русскому языку и литературному чтению поделился учитель школы № 7 К. И. Гуськов, который рассказал, как он проводит связь между русским языком и литературным чтением, какие формы работы использует для развития устной и письменной речи учащихся (Отчет о работе педагогического кабинета за 1953–54 уч., л. 2–3).

Учителя математики, заслушав на секции августовского совещания преподавателя кафедры математики Радиотехнического университета о пробелах в знаниях по математике учащихся, поступивших в вуз, провели анализ преподавания и знаний учащихся за 1952/1953 учебный год и определили актуальные задачи для обсуждения на городском методическом объединении: решение задач с объяснением в курсе геометрии в 10 классе; основные свойства неравенств; теоремы о неравносильных неравенствах; приближенные вычисления в курсе математики 8–10 классов; опыт решения задач на исследование квадратных уравнений в курсе алгебры в 10 классе; обсуждение новой программы по математике и др. Большой интерес и запрос учителей математики был проявлен к методике решения задач по арифметике, алгебре, геометрии и доказательству геометрической теории с надлежащим оформлением (Отчет о работе педагогического кабинета за 1953–54 уч. г., л. 4). В 1953/1954 учебном году в городе Рязани была организована работа 19 объединений учителей массовых школ и 5 объединений школ рабочей молодежи (Отчет о работе педагогического кабинета за 1953–54 уч. г., л. 2).

Методическая работа в Рязани проводилась под руководством городского педагогического кабинета, который объединял учителей города, являясь центром методической работы, направленной на профессионально-личностное развитие педагогов, формирование их мотивации к педагогической деятельности и достижению высоких результатов в обучении и воспитании учащихся. Деятельность педагогического кабинета включала различные формы работы с учителями: групповые и индивидуальные консультации, адресную помощь учителям, курирование деятельности городских и школьных методических объединений учителей и классных руководителей, посещение и анализ уроков, внеклассных воспитательных мероприятий, оформление библиотеки педагогической и методической литературы, организацию выставок образцовых конспектов уроков и внеклассных мероприятий и т. д. В качестве примера можно привести две групповые консультации, которые по просьбе учителей 5–7 классов провел заведующий педагогическим кабинетом И. С. Васильев на темы «Оформление решения задач по алгебре» и «Графическое решение системы двух уравнений». По отзывам учителей впоследствии ученики стали лучше решать задачи и на экзамене в 10 классе задачу по геометрии с применением тригонометрии все учащиеся (за единичным исключением) решили правильно и грамотно оформили (Отчет о работе педагогического кабинета за 1953–54 уч. г., л. 5).

В 1950-х годах социально-экономическое развитие страны вызвало потребность в рабочих профессиях для строящихся предприятий. Возникшую проблему подготовки рабочих кадров пытались решить через политехнизацию общеобразовательной школы. На XIX съезде КПСС была поставлена задача осуществления политехнического обучения и перехода ко всеобщему политехническому обучению (5–14 октября 1952 года). Обучение в школе должно было способствовать получению школьниками прочных системных научных знаний и одновременно знакомить их с основами современного производства.

В 1954 году в учебный план школы была введена учебная дисциплина «Труд» как самостоятельный предмет, который изучается на протяжении 10 лет обучения в школе. В 1–4 классах вводился ручной труд, для учащихся 5–7 классов занятия проводились в оборудованных мастерских, старшеклассники проходили производственную практику. Учебные программы по физике, химии, биологии перестраивались с учетом требований политехнического обучения; в содержание учебных дисциплин включался материал о важнейших отраслях производства, практическом применении научных знаний; на практические и лабораторные занятия стало уделяться больше учебного времени. Для учащихся 8–10 классов вводился новый предмет — «Основы промышленного и сельскохозяйственного производства», который планировалось проводить на базе промышленных предприятий в городе и на базе колхозов в сельской местности; в старших классах вводились факультативы по радиотехнике, автоделу и другие (Барабина, Гафурова, 2016, с. 130).

Решение задачи политехнического обучения учащихся актуализировало проблему подготовки учителей, которая, прежде всего, осуществлялась через методические объединения. На методических объединениях учителей физики и химии, кроме теоретического и методического изучения наиболее сложных вопросов программы, много внимания уделялось методике проведения практических и лабораторных работ, экскурсий на промышленные предприятия, использованию приборов.

С учителями химии на базе педагогического института были проведены все лабораторные работы, предусмотренные программой средней школы.

Предметная комиссия учителей биологии на одном из заседаний заслушала сообщение участницы совещания «Об итогах совещания в г. Москве по вопросу преподавания биологии в свете задач политехнического обучения» сотрудницы Института усовершенствования учителей Н. В. Девеки. На других заседаниях этой комиссии обсуждались вопросы с участием преподавателей сельскохозяйственного института, педагогического института, опытных учителей школ: «Пути развития животноводства в свете решения XIX партийного съезда»; «О мерах по увеличению производства картофеля в свете Постановления сентябрьского Пленума ЦК партии»; «Организация парничка, тепличек при школах. Изготовление торфоперегнойных горшочков»; «Работа физиологического кружка в школе»; «Обсуждение методической разработки “Экскурсия на животноводческую ферму”» и другие (Отчет о работе педагогического кабинета за 1953–54 уч. г., л. 5–7).

Открытые уроки учителей как форма совершенствования их методической подготовки были направлены на обмен опытом в педагогическом коллективе и оказание помощи, прежде всего, молодым учителям. Данная сторона методического сопровождения учителей не занимала должного места в деятельности школ. Как отмечается в отчетах школ и руководителей органов образования, их проводилось мало и посещаемость учителями была незначительная; педагоги не были мотивированы на проведение и взаимное посещение. Так, по результатам 1953/1954 учебного года в школах города было проведено всего 25 открытых уроков, а по некоторым предметам они вообще не проводились. Наибольшее число уроков посетили учителя русского языка 5–7 классов, биологии, английского и немецкого языков. Перед руководителями школ была поставлена задача создавать для учителей условия для посещения открытых уроков, а перед городским педагогическим кабинетом — методическую копилку конспектов открытых уроков и протоколов их разбора, чтобы ими могли пользоваться молодые и малоопытные учителя (Отчет о работе педагогического кабинета за 1953–54 уч. г., л. 12–13).

В связи с развитием пионерского движения стала актуальной задача ознакомления школьных учителей с основами пионерской деятельности. В соответствии с Приказом Министерства Просвещения была поставлена задача «обеспечить через Институты усовершенствования учителей, районные и городские педагогические кабинеты, кустовые и школьные методические объединения глубокое и всестороннее изучение учителями... воспитателями... содержания и форм работы пионерской организации» (О задачах школ, педагогических учебных заведений и органов народного образования в выполнении постановления VII пленума ЦК ВЛКСМ «О работе пионерской организации имени В. И. Ленина», 1951, с. 23).

На начало 1952 года пионерские организации были созданы в 46 средних и семилетних школах г. Рязани. Только в Советском районе г. Рязани в 13 школах, где обучалось 9678 учащихся, 5047 человек были пионерами. Вместе с тем в работе пионерских организаций было много проблем и недостатков: слабо развивалась инициатива и самостоятельность учащихся, 469 пионеров (9%) имели неудовлетворительные результаты по ряду учебных предметов; отсутствовали условия для организации пионерской работы (пионерские комнаты); учителя не были готовы к руководству пионерскими организациями, ощущался недостаток подготовленных пионервожатых. Поэтому остро встал вопрос об овладении учителями теорией и практикой пионерской работы, оказании им практической помощи в организации бесед, лекций, вечеров по освоению методики работы с пионерскими отрядами (Протоколы январского совещания учителей Советского и Октябрьского районов города Рязани с решениями совещаний за 1951–52 уч. г., л. 5, 5 об., 6).

Выводы и перспективы исследований. Таким образом, в исследуемый период методическое сопровождение учителей отвечало актуальным задачам общеобразовательной школы первой половины 1950-х годов: обеспечения качества образования, успеваемости учащихся, политехнизации школы, подготовки учителей для работы с пионерскими организациями.

Постепенно складывалась система методического сопровождения учителей городских школ, которая включала как традиционные формы методической поддержки учителей (школьные и городские методические объединения, самообразование, индивидуальные и групповые консультации), так и новые (открытые уроки, педагогические кабинеты школ, помощь молодым учителям, элементы наставничества, обмен опытом, сотрудничество с высшими учебными заведениями города).

Наряду с положительным опытом методической работы не до конца решенным оставался ряд проблем: формальный подход местных органов народного образования, методических учреждений и руководителей школ; слабое изучение, обобщение и распространение опыта передовых учителей и школ; отсутствие мотивации у ряда учителей в педагогическом развитии и педагогическом творчестве.

Проведенный анализ различных форм методического сопровождения учителей городских школ позволяет сделать вывод, что многие остаются значимыми и востребованными и в современной практике методической работы с учительством.

Перспективным направлением историко-педагогических исследований является изучение особенностей методического сопровождения учителей во второй половине 1950-х годов в контексте новых задач, стоящих сегодня перед системой школьного образования.

Список источников

1. Анциз Г., Литов Б. Городские методические объединения учителей // Народное образование. — 1951. — № 4. — С. 34–39.
2. Барабина И. А., Гафурова В. М. Политехническое образование в общеобразовательной школе СССР во второй половине 1950 — начале 1960-х годов // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». — 2016. — Т. 26, вып. 4. — С. 129–134. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/politehnicheskoe-obrazovanie-v-obscheobrazovatelnoy-shkole-sssr-vo-vtoroy-polovine-1950-h-nachale-1960-h-godov/viewer> (дата обращения: 30.05.2024).
3. Головина Т. В. Создать комфортную среду // Вестник военного образования. — 2023. — № 3 (42). — С. 135–138. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdat-komfortnuyu-sredu-o-rol-i-metodicheskogo-kabinet-a-v-professionalnom-razviti-i-pedagoga/viewer> (дата обращения: 30.05.2024).
4. Костенко Ф. Помощь молодым педагогам // Народное образование. — 1951. — № 10. — С. 54–60.
5. Отчет о работе педагогического кабинета за 1953–54 уч. // Государственный архив Рязанской области. — Ф. Р-134. — Оп. 1. — Д. 448. — Л. 2–7, 12–13.
6. О задачах школ, педагогических учебных заведений и органов народного образования в выполнении постановления VII пленума ЦК ВЛКСМ «О работе пионерской организации имени В.И. Ленина» // Народное образование. — 1951. — № 11. — С. 18–26.
7. Протоколы январского совещания учителей Советского и Октябрьского районов города Рязани с решениями совещаний за 1951–52 уч. г.) // Государственный архив Рязанской области. — Ф.Р. -134. — Оп. 1. — Д. 364. — ЛЛ. 5, 5 об., 6, 33.
8. Передовая. За эффективную методическую работу с учителями // Народное образование. — 1956. — № 12. — С. 3–9.
9. Протоколы августовского совещания учителей со всеми к нему материалами. 27 — 28 августа 1950 г. // Государственный архив Рязанской области. — Ф. Р-143. — ОП. 1. — Д. 305. — ЛЛ. 10, 21 об., 34, 50–52.

10. Щетинина Н. П. Повышение квалификации отечественных учителей в 1947–1950-х годах (региональный опыт) // Реализация идейного потенциала историко-педагогического знания в контексте современной образовательной политики : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. — XXXVI сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики Российской академии образования / под ред. М. В. Богуславского, С. В. Куликовой. — Волгоград : Волгоград. гос. акад. последиплом. образования, 2023. — С. 255–259.

References

1. Antsiz G., Litov B. Methodological teams of school teachers. *Narodnoye obrazovaniye*. [Public education]. 1951, iss. 4, pp. 34–39. (In Russian).
2. Barabina I. A., Gafurova V. M. Polytechnic education in public schools of the USSR in the second half of the 1950s — early 1960s. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. "Istoriya i filologiya"*. [Bulletin of Udmurt University. Series "History and Philology"]. 2016, vol. 26, iss. 4, pp. 129–134. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politehnicheskoe-obrazovanie-v-obscheobrazovatelnoy-shkole-sssr-vo-vtoroy-polovine-1950-h-nachale-1960-h-godov/viewer> (accessed: 30.05.2024). (In Russian).
3. Golovina T. V. Creating a comfortable environment. *Vestnik voyennogo obrazovaniya*. [Bulletin of military education]. 2023, iss. 3 (42), pp. 135–138. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdat-komfortnuyu-sredu-ori-rol-i-metodicheskogo-kabinet-a-v-professionalnom-razviti-i-pedagoga/viewer> (accessed: 30.05.2024). (In Russian).
4. Kostenko F. Assistance to young teachers. *Narodnoye obrazovaniye*. [Public education]. 1951, iss. 10, pp. 54–60. (In Russian).
5. *Otchet o rabote pedagogicheskogo kabineta za 1953–54 uch. Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti. F. R-134. Op. 1. D. 448. L. 2–7, 12–13*. [Report on the work of the pedagogical classrooms for the 1953–54 school year. State Archives of the Ryazan Region]. F. R-134. Op. 1. D. 448. L. 2–7, 12–13. (In Russian).
6. On the tasks of schools, pedagogical educational institutions and public education bodies in implementing the resolution of the VII plenum of the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League “On the work of the pioneer organization named after V. I. Lenin”. *Narodnoye obrazovaniye*. [Public education]. 1951, iss. 11, pp. 18–26. (In Russian).
7. *Protokoly yanvar'skogo soveshchaniya uchiteley Sovetskogo i Oktyabr'skogo rayonov goroda Ryazani s resheniyami soveshchaniy za 1951–52 uch. g.* Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti. F.R. 134. Op. 1. D. 364. LL. 5, 5 ob., 6, 33. [Minutes of the January meeting of teachers of the Soviet and Oktyabrsky districts of the city of Ryazan with decisions of the meetings for the 1951–52 academic year). State Archives of the Ryazan Region. F.R. 134. Op. 1. D. 364. LL. 5, 5 ob., 6, 33. (In Russian).
8. Editorial article: For effective methodological work with teachers. *Narodnoye obrazovaniye*. [Public education]. 1956, iss. 12, pp. 3–9. (In Russian).
9. *Protokoly avgustovskogo soveshchaniya uchiteley so vsemi k nemu materialami. 27–28 avgusta 1950 g.* Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoy oblasti. F. R-143. Op. 1. D. 305. LL. 10, 21 ob., 34, 50–52. [Minutes of the August teachers' conference, with all materials. August 27–28, 1950. State Archives of the Ryazan Region. F. R-143. Op. 1. D. 305. LL. 10, 21 ob., 34, 50–52. (In Russian).
10. Shchetinina N. P. In-service training of Soviet teachers in the 1947–1950s (regional experiences). *Realizatsiya ideynogo potentsiala istoriko-pedagogicheskogo znaniya v kontekste sovremennoy obrazovatelnoy politiki: sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. XXXVI sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii obrazovaniya i pedagogicheskoy nauki pri otdelenii filosofii obrazovaniya i teoreticheskoy pedagogiki Rossiyskoy akademii obrazovaniya. Pod red. M. V. Boguslavskogo, S. V. Kulikovoy*. [Implementation of the ideological potential of historical and pedagogical knowledge in the context of modern educational policy: Collection of research articles of the International scientific-practical conference – XXXVI session of the Scientific Council on the Problems of the History of Education and Pedagogical Science at the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of the Russian Academy of Education. Ed. by M. V. Boguslavsky, S. V. Kulikova]. Volgograd, Volgograd state postgraduate academy of education Publ., 2023, pp. 255–259. (In Russian).

Информация об авторе

Щетинина Наталья Павловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и менеджмента в образовании Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Shchetinina Natalia Pavlovna — a Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education at the Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 30.05.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Психолого-педагогические проблемы и перспективы современного образования

Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 55–65.
Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal. 2024, no. 3 (71), pp. 55–65.

Научная статья
УДК 331.101.3:378.434
DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.007

Влияние социокультурной деятельности на профессиональную самоидентификацию и мотивацию курсантов образовательных организаций ФСИН России

Антон Сергеевич Бушмакин
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Пермь, Россия
asbushmakin159@gmail.com

Аннотация. В статье показаны результаты исследования проблемы влияния социокультурной деятельности на профессиональную самоидентификацию и мотивацию курсантов образовательных организаций ФСИН России, определены понятия «социокультурная деятельность», ее значение и влияние на личность курсантов. Выявлены значимые взаимосвязи, подчеркивающие важность интеграции социальных и культурных аспектов в учебно-воспитательный процесс учебного заведения. Доказано, что активное участие в социокультурных мероприятиях способствует более осознанному выбору профессии, повышению внутренней мотивации и укреплению профессиональной идентичности курсантов, влияет на успешность их будущей профессиональной деятельности, подчеркивает необходимость усиления поддержки социокультурных инициатив в образовательных организациях ФСИН России.

Ключевые слова: социокультурная деятельность, курсанты ФСИН России, образовательная организация, профессиональная самоидентификация, профессиональная мотивация.

Для цитирования: Бушмакин А. С. Влияние социокультурной деятельности на профессиональную самоидентификацию и мотивацию курсантов образовательных организаций ФСИН России // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 55–65. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.007.

Original article

Influence of socio-cultural activities on professional self-identification and motivation of cadets of educational organizations of the Russian Federal Penitentiary Service of the Russian Federation

Anton Sergeevich Bushmakin
Perm Institute of the Russian Federal Penitentiary Service
Perm, Russia
asbushmakin159@gmail.com

Abstract. The article shows the results of a research of the problem of influence of sociocultural activities on professional self-identification and motivation of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. It defines the concepts of “sociocultural activity,” its meaning and influence on the personality

of cadets. It also reveals significant interrelationships emphasizing the importance of integrating social and cultural aspects into the educational process of an educational institution. It proves that active participation in sociocultural activities contributes to a more conscious choice of profession, increasing inner motivation and professional identification of cadets and affecting the success of their future professional activities; it emphasizes the need to strengthen the support of sociocultural initiatives in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Punishment of the Russian Federation.

Keywords: social and cultural activity, cadets of FPS of Russia, educational organization, professional self-identification, professional motivation.

For citation: Bushmakina A. S. Influence of socio-cultural activities on professional self-identification and motivation of cadets of educational organizations of the Russian Federal Penitentiary Service of the Russian Federation // *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 55–65. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.007.

Введение. Современное развивающееся общество и непрерывное реформирование уголовно-исполнительной системы Российской Федерации порождают возрастающую потребность в высококвалифицированных и компетентных специалистах, способных успешно выполнять служебные обязанности в сфере исполнения наказаний. Подготовка кадров для службы в уголовно-исполнительной системе (УИС) Российской Федерации является сложным и многогранным процессом, осуществляемым через образовательные организации, подведомственные Федеральной службе исполнения наказаний. Данные образовательные организации, ориентированные на специфику службы, целенаправленно формируют кадровый резерв УИС, обеспечивая высокий уровень подготовки будущих специалистов.

Основные задачи образовательных организаций ФСИН России включают в себя передачу теоретических знаний, необходимых для профессиональной деятельности в сфере исполнения наказаний, а также развитие практических навыков, включая обеспечение безопасности, поддержание правопорядка и формирование профессиональных и нравственных компетенций, соответствующих требованиям службы будущих специалистов уголовно-исполнительной системы.

В контексте требований, предъявляемых к квалификации выпускников федеральных государственных образовательных организаций, подведомственных ФСИН России (Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 21.12.2022 № 888 «Об утверждении квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке выпускников федеральных государственных образовательных организаций, подведомственных ФСИН России»), актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных методов формирования профессиональной мотивации и самоидентификации у будущих сотрудников пенитенциарной службы. При этом особое внимание следует уделить социокультурным аспектам, ролью которых является обеспечение эффективного процесса адаптации курсантов к условиям службы и формирование их стабильного профессионального роста (Лукашенко, 2024, с. 181).

Научный подход к процессу подготовки кадров в образовательных организациях ФСИН России предполагает комплексное изучение всех аспектов служебной деятельности, включая профессиональную мотивацию, психологические аспекты работы со специальным контингентом, а также особенности организации досуговой деятельности и взаимодействия с социокультурной средой.

Целью проводимого исследования является изучение влияния социокультурной деятельности на профессиональную самоидентификацию и профессиональную мотивацию курсантов ФСИН России. Для достижения указанной цели необходимо выполнить ряд задач:

- провести анализ особенностей социокультурной деятельности, организуемой в образовательных организациях ФСИН России;
- определить влияние социокультурной среды на профессиональную самоидентификацию будущих специалистов уголовно-исполнительной системы;
- изучить социокультурные факторы, оказывающие влияние на профессиональную мотивацию курсантов ФСИН России;
- разработать рекомендации по оптимизации социокультурной деятельности в образовательных организациях ФСИН России с целью эффективного формирования профессиональной мотивации и самоидентификации будущих специалистов.

Основная часть. При определении влияния социокультурной деятельности на профессиональную самоидентификацию и мотивацию курсантов в первую очередь необходимо уделить внимание определению основных понятий. Детальный анализ проводимых исследований (Беляева, Беляева, 2013; Богуславский, Куликова, Романов, 2018; Бочкарников, 2012; и др.) помог определить взаимосвязь социокультурной деятельности, профессиональной самоидентификации и мотивации, что в свою очередь послужило основой для дальнейшего изучения и разработки рекомендаций по оптимизации подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы.

Проанализировав позиции исследователей, мы трактуем понятие «социокультурная деятельность» как организованный, планируемый, сознательный и преднамеренный процесс, направленный на приобщение человека к культуре, управление его взаимодействием с обществом и его культурными аспектами, включая создание, сохранение и распространение культурных ценностей с акцентом на духовное развитие личности и формирование гражданского общества.

Рассматривая социокультурную деятельность как способ формирования профессиональной самоидентификации и профессиональной мотивации будущих сотрудников пенитенциарной системы, необходимо отметить важность данного процесса для успешной интеграции молодых специалистов в выбранную профессию.

Изучение феноменов профессиональной самоидентификации и профессиональной мотивации привлекает внимание как психологов, так и педагогов долгие годы. Профессиональная самоидентификация рассматривается научным сообществом как процесс, в ходе которого специалист претерпевает эволюцию, каждая стадия которой имеет свою функциональную направленность. Основные компоненты самоидентификации как психолого-педагогического явления включают в себя связь с субъектом, процессуальный характер, осознанность и автономность. Профессиональная самоидентификация представляет собой вид человеческой активности, реализуемый в контексте изменений возраста, мировоззрения и статуса, и в случае необходимости может быть регулируемой посредством специально предусмотренных мер, таких как образовательный процесс и научно-исследовательская работа.

По мнению Л. Б. Шнейдер, профессиональная идентичность представляет собой сложный интегративный психологический феномен, который является важной характеристикой профессионального развития личности, свидетельствующей о степени принятия выбранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации и развития, осознания своей ответственности с группой и оценки значимости членства в ней (Шнейдер, 2001).

Профессиональная самоидентификация напрямую зависит от профессионального опыта и статуса в выбранной профессии. Развитие этого процесса стимулирует положительное восприятие индивидом своей принадлежности к выбранной профессии. Получение профессиональной самоидентификации определяется личностными характеристиками, убеждениями, мотивацией и ценностями индивида.

Согласно определению С. Н. Бочкарникова, профессиональная самоидентификация представляет собой процесс, в ходе которого человек формирует благоприятное отношение к выбранной профессии и начинает воспринимать себя как часть этой профессиональной общности. По его мнению, профессиональная самоидентификация играет ключевую роль в профессиональном развитии индивида, помогая ему лучше понять свои профессиональные цели и амбиции, а также сформировать более осознанное отношение к своей деятельности (Бочкарников, 2012, с. 148–149).

Изучив различные позиции авторов, можно рассматривать профессиональную идентификацию как процесс, в рамках которого человек развивает чувство принадлежности и согласованности в своей профессиональной сфере. Этот процесс включает в себя усвоение профессиональных норм, ценностей, ролей и моральных стандартов, основанных на признании общих маркеров идентичности и соответствии личных стремлений профессиональным целям. Такая самоидентификация формируется под воздействием социальных взаимодействий, институционального контекста и индивидуальных устремлений, определяя профессиональную идентичность и направляя поведение и решения в профессиональной сфере.

Исследуя профессиональную самоидентификацию обучающихся в образовательной организации ФСИН России, следует отметить, что именно в период юношеского возраста вопросы, связанные с выбором профессиональной деятельности, становятся наиболее важными и актуальными, а не абстрактными. Профессиональная самоидентификация играет ключевую роль

в успешном профессиональном обучении и адаптации. Важно, чтобы обучающиеся формировали эту идентификацию на начальных этапах своего обучения, так как это способствует их более эффективной интеграции в профессию.

Следующим понятием, имеющим ценность в нашем исследовании, выступает «профессиональная мотивация». Данный процесс представляет собой принятие и обоснование решения о вовлечении индивида в профессиональную сферу. В структуру мотивации трудовой деятельности входят цели, то есть желаемые будущие результаты, которых человек стремится достичь своей деятельностью, а также потребности и мотивы, которые побуждают его к определенным действиям. В психологии мотивация объясняется как совокупность факторов, которые организуют и направляют поведение человека, то есть то, что заставляет нас действовать и принимать определенные решения (Суровицкая, 2023, с. 36).

Профессиональная мотивация сотрудника УИС представляет собой совокупность личных стимулов и значимых целей, которые определяют выбор и выполнение профессиональных обязанностей в сфере исполнения наказаний. Эффективность деятельности курсантов при выполнении служебных обязанностей напрямую зависит от степени развитости и выраженности их профессиональных мотивов. Понимание поведенческих шаблонов индивида представляется как системное формирование, в котором каждый фактор, включая ценностные установки, эмоциональные и волевые аспекты, информационные и социальные факторы, играет свою определенную роль. Коррекция и развитие профессиональной мотивации курсантов осуществляется с учетом их индивидуальных особенностей и включает в себя разнообразные психологические, педагогические и культурные мероприятия (Соболев, 2023, с. 3).

Важно отметить, что ключевую роль в формировании профессиональной самоидентификации и профессиональной мотивации курсантов ФСИН России играет именно социокультурная деятельность. Прежде всего, это обусловлено тем, что взаимодействие с социокультурной средой позволяет обучающимся ведомственных учреждений получить практические навыки работы с различными социальными группами, что способствует развитию их профессиональной компетентности. Кроме того, участие в различных социокультурных мероприятиях и проектах позволяет курсантам лучше понять особенности социальных взаимодействий и культурных различий, что необходимо в их будущей служебной деятельности.

Социокультурная деятельность также способствует формированию профессиональной самоидентификации курсантов, поскольку позволяет им осознать себя в контексте профессиональной среды и выработать ясное представление о своей роли и месте в ней. Взаимодействие с различными культурными социумами способствует расширению кругозора и развитию личностных качеств, что важно для формирования профессиональной идентичности. Наконец, социокультурная деятельность может стимулировать профессиональную мотивацию курсантов, предоставляя им возможность видеть практическое применение своих знаний и навыков, полученных в процессе обучения, в реальных ситуациях (Бушмакин, 2024, с. 54–55, 59–60).

В целях определения влияния социокультурной деятельности на профессиональную самоидентификацию и профессиональную мотивацию курсантов нами был проведен опрос курсантов, обучающихся в ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России». В исследовании приняли участие 382 курсанта 2–4-го курсов обучения. Обучающимся было предложено пройти опрос, состоящий из 8 вопросов. Вопросы, из которых состоит опросник, включают в себя три блока:

- первый (позволяет определить степень вовлеченности курсантов в социокультурную деятельность);
- второй (позволяет определить уровень профессиональной самоидентификации курсантов);
- третий (позволяет определить уровень профессиональной мотивации курсантов к избранной ими профессии).

Реализация опроса была пошаговой. На первом этапе эксперимента осуществлялась диагностика уровня включенности курсантов в социокультурную деятельность. Для проведения данной диагностики были определены критерии и показатели активности участия курсантов в социокультурной деятельности, которые были разделены на низкий, средний и высокий уровни. Кроме этого, в целях чистоты эксперимента, до проведения первого этапа исследования курсантам было разъяснено определение понятия «социокультурная деятельность» и доведены основные формы ее организации.

Два последующих этапа диагностики, направленные на определение уровня профессиональной самоидентичности и профессиональной мотивации к выбранной профессии курсантов, проводились с отдельными группами, сформированными на основе результатов первого опроса. Такое разделение позволило проанализировать влияние участия курсантов в социокультурной деятельности на уровни их профессиональной самоидентичности и мотивации к профессии.

В рамках научного исследования использовался психолого-педагогический подход с применением диагностического опросника. Результаты исследования позволили оценить уровень участия курсантов в социокультурной деятельности и выявить ряд тенденций.

При ответе на вопрос о частоте участия в общественных и культурных мероприятиях, организованных в рамках образовательной организации (рис. 1), 70 % респондентов заявили, что принимают участие еженедельно, 21 % сообщили о своем участии ежемесячно, в то время как лишь 9 % участвуют в мероприятиях ежеквартально или совсем не участвуют в них.

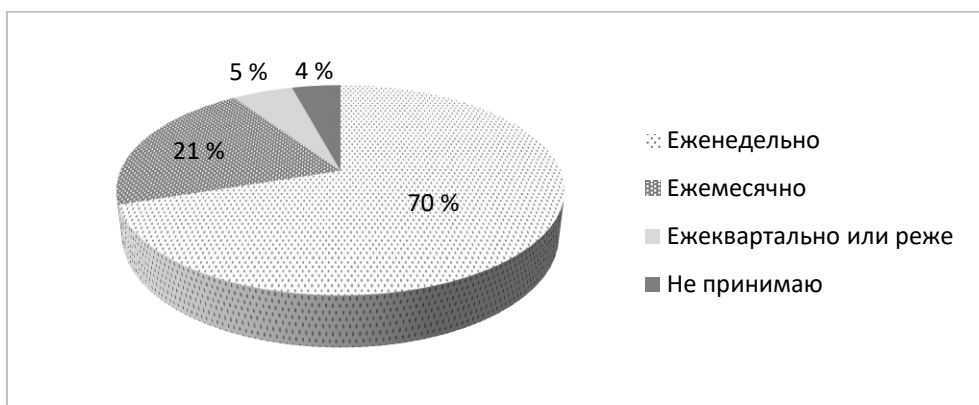

Рис. 1. Участие курсантов в общественных или культурных мероприятиях, проводимых в образовательной организации

Следующий вопрос позволил определить наличие у курсантов опыта в организации или планировании культурных мероприятий (рис. 2). Анализ данных результатов показал, что лишь 40 % опрошенных имеют опыт в организации и планировании культурных мероприятий, в то время как 60 % такого опыта не имеют.

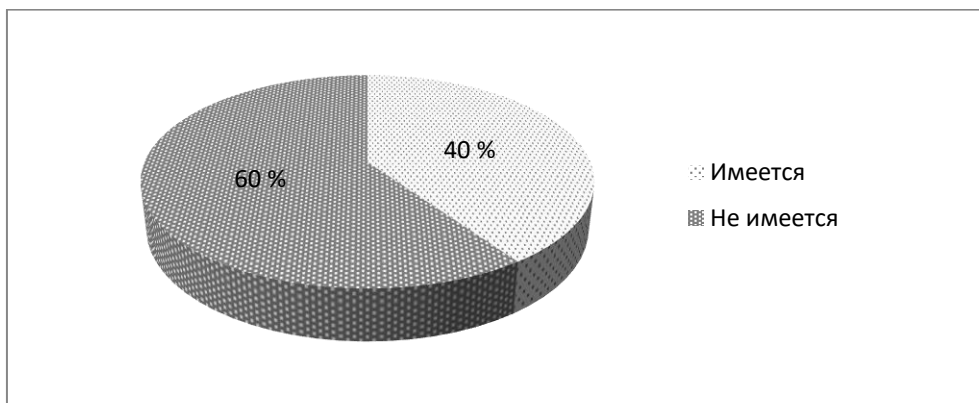

Рис. 2. Участие курсантов в организации или планировании культурных мероприятий

При определении уровня влияния культурных и социальных событий на поведение и восприятие курсантами окружающего мира (рис. 3) 67 % курсантов отметили значительное влияние, в то время как 2 % опрошенных утверждают, что такие события не оказывают на них влияния. Оставшиеся 31 % распределились между влиянием в некоторой степени (16 %), нейтральным отношением (10 %) и незначительным влиянием (4 %).

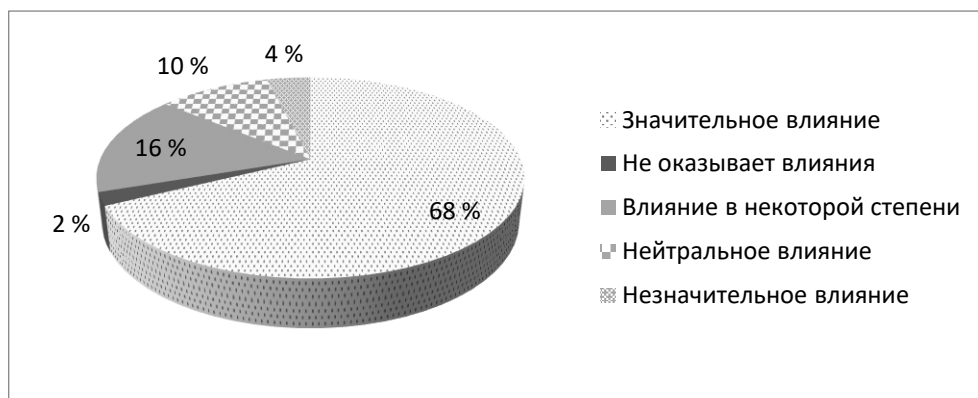

Рис. 3. Уровень влияния культурных и социальных событий на поведение и восприятие курсантами окружающего мира

При оценке значимости сохранения и продвижения культурных и традиционных ценностей (рис. 4) большинство респондентов (75 %) выразили высокую или среднюю значимость данного аспекта. Остальные ответы распределились следующим образом: нейтральное отношение (15 %), невысокая значимость (7 %), совсем не важно (3 %).

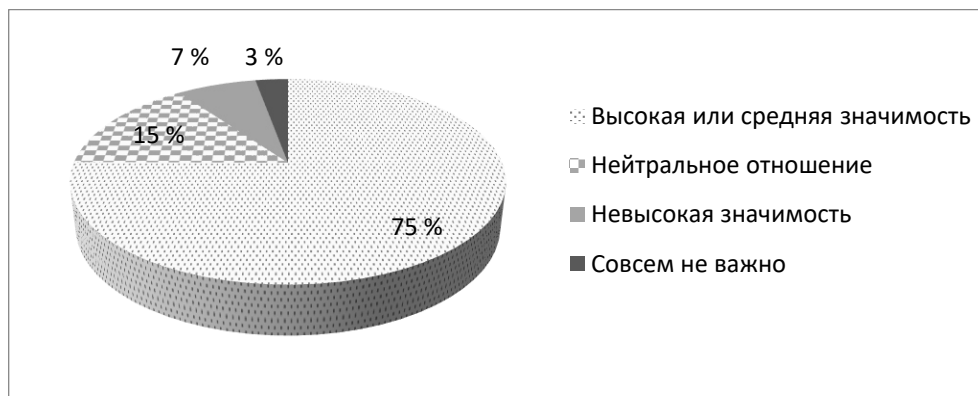

Рис. 4. Значимость сохранения и продвижения культурных и традиционных ценностей курсантов

При оценке чувства принадлежности к культурному сообществу образовательной организации (рис. 5) 71 % курсантов ответили, что чувствуют себя полностью или в значительной степени его частью. Остальные ответы распределились следующим образом: не уверены (13 %), не в значительной мере чувствуют себя частью (11 %), совсем не чувствуют себя его частью (4 %).

Рис. 5. Уровень принадлежности к культурному сообществу образовательной организации

При определении наличия у курсантов хобби культурной или художественной направленности (рис. 6) половина респондентов (50 %) дали положительный ответ, пояснив, что имеют более одного хобби, при этом часть опрошенных, давших отрицательный ответ (15 %) выразила желание начать заниматься такими хобби. Остальные ответы распределились следующим образом: совсем отсутствует — 10 %, хотели бы начать, но пока не занимаются — 25 %.

Рис. 6. Наличие у курсантов хобби культурной или художественной направленности

При оценке уровня участия курсантов в дискуссиях и мероприятиях, связанных с культурой и искусством (рис. 7) 73 % респондентов ответили, что принимают участие в подобных мероприятиях, причем чаще всего это происходит либо регулярно (35 %), либо иногда (38 %). Остальные ответы распределились следующим образом: редко — 15 %, совсем не участвуют — 10 %.

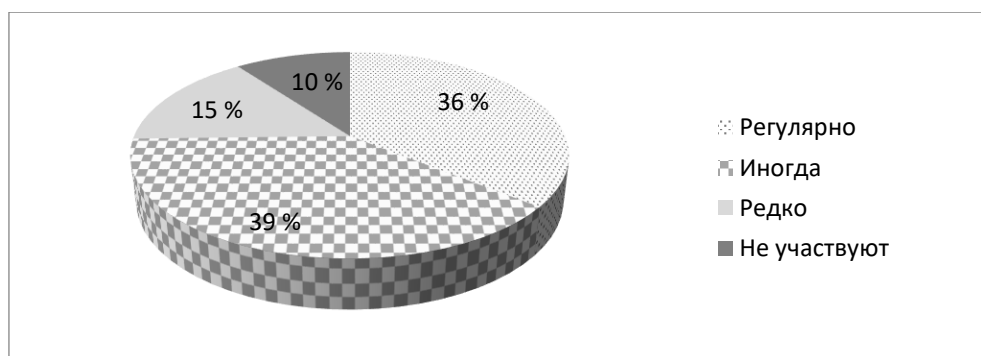

Рис. 7. Уровень участия курсантов в дискуссиях и мероприятиях, связанных с культурой и искусством

При оценке частоты посещения курсантами социокультурных мероприятий в целях укрепления межкультурного понимания (рис. 8) четверть курсантов (25 %) посещают подобные мероприятия часто, 30 % — иногда, 25 % — редко, а 20 % никогда не посещают их.

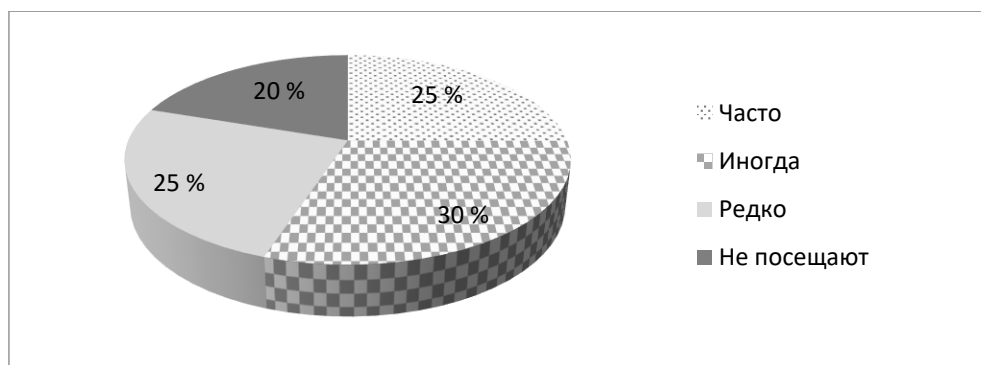

Рис. 8. Частота посещения курсантами социокультурных мероприятий в целях укрепления межкультурного понимания

Завершающим моментом первого этапа исследования выступило распределение респондентов по критериям показателей активности участия в социокультурной деятельности (рис. 9).

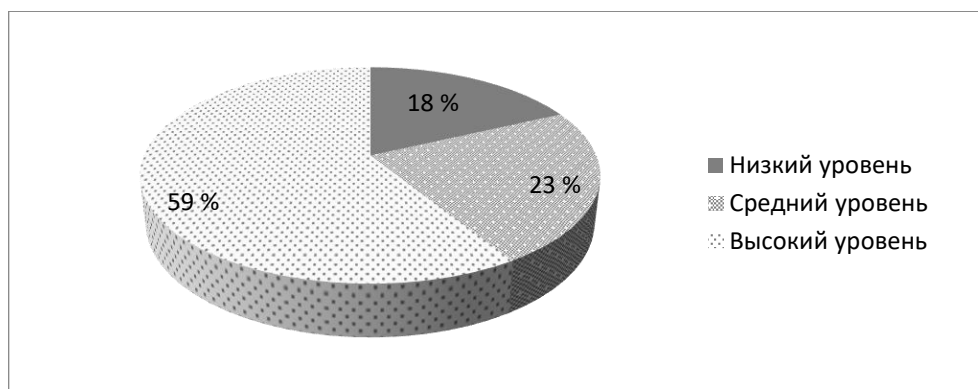

Рис. 9. Уровни активности участия курсантов в социокультурной деятельности

Исследование участия курсантов в социокультурной деятельности образовательной организации позволило выделить три уровня участия.

Низкий уровень участия: курсанты с низким уровнем участия в социокультурной деятельности образовательной организации (18 %) характеризуются отсутствием или минимальным вовлечением в мероприятия, связанные с культурой и социумом. Данный фактор может указывать на ограниченный интерес или доступ к таким мероприятиям, а также на недостаточную мотивацию или осознание значимости проводимых мероприятий.

Средний уровень участия: курсанты, обладающие средним уровнем участия (23 %), проявляют интерес к социокультурным мероприятиям, однако их участие может быть несистематичным или случайным. Это может быть связано с занятостью другими обязанностями или недостаточной информированностью об имеющихся возможностях участия.

Высокий уровень участия: курсанты с высоким уровнем участия (59 %) активно участвуют в различных социокультурных мероприятиях, демонстрируя значительный интерес и вовлеченность к данной деятельности. Курсанты этой группы могут регулярно посещать мероприятия, участвовать в дискуссиях и инициативно принимать участие в планировании и организации их проведения.

Подводя итоги первого этапа эксперимента, резюмируем, что высокий уровень участия курсантов в социокультурной деятельности может свидетельствовать об их активном взаимодействии с образовательной и социальной средой, развитии у обучающихся социальных навыков и сформированности культурной компетенции. Средний и низкий уровни участия указывают на необходимость принятия дополнительных мер по стимулированию и поддержке интереса курсантов к социокультурной деятельности.

Следующим этапом эксперимента стало определение уровней сформированности у обучающихся профессионального самоопределения и профессиональной самоидентичности. В целях определения сформированности указанных компонентов курсантов нами были использованы методика анализа мотивов выбора профессии, разработанная Р. В. Овчаровой, позволяющая выявить основной доминирующий тип мотивации курсантов при выборе профессии (Мирошников, 2022, с. 251) и методика изучения статусов профессиональной идентичности, разработанная А. А. Азбель при участии А. Г. Грецова, направленная на оценку уровня выраженности статусов профессиональной идентичности у обучающихся (Пашкин, Лисовская, 2002, с. 26–27).

Результаты по методике Р. В. Овчаровой «Ведущий мотив». С целью получения эмпирических данных, позволяющих определить уровень сформированности мотивационно-ценностного компонента курсантов, нами была использована методика «Мотивы выбора профессии», разработанная Р. В. Овчаровой. Респондентам предлагалось оценить 20 утверждений по пятибалльной шкале. Каждое из предлагаемых утверждений курсанты рассматривали применительно к своей личности при выборе профессии, оценивая степень влияния на ее выбор.

После обработки полученных результатов выяснилось, что ведущим типом мотивации большей части курсантов (75 %), обладающих высоким и средним уровнями активности участия в социокультурной деятельности, при выборе своей профессии являются внутренние индивиду-

альные (39 %) и внутренние социальные мотивы (36 %). Превалирующую роль в выборе будущей профессии у данной категории курсантов занимают такие внутренние мотивы, как общественная и личная значимость уголовно-исполнительной системы, удовлетворение, которое будет принести будущая служебная деятельность, возможность взаимодействия и коммуникации с другими участниками служебной деятельности, а также возможность получать удовлетворение от реализации своей профессиональной деятельности. Мотивы выбора профессии у данной категории курсантов строятся на основе потребностей самих обучающихся, что может свидетельствовать о более продуктивной деятельности при выполнении своих профессиональных обязанностей, не требующей внешнего стимулирования и давления.

Оставшаяся часть респондентов данной выборки при выборе своей профессии руководствуются внешней положительной мотивацией (25 %). Для данной категории опрошенных ведущими мотивами при выборе профессии выступают материальное благополучие, возможность карьерного роста и престижность избранной профессии.

Важно отметить, что курсанты, обладающие высоким и средним уровнями активности участия в социокультурной деятельности, при выборе профессии не руководствуются внешними отрицательными мотивами, такими как страх возможных неудач в карьере, возможное давление со стороны руководства и осужденных, а также прочих запретов, присутствующих в служебной деятельности.

Проводя анализ результатов, полученных у курсантов, обладающих низким уровнем активности участия в социокультурной деятельности, следует отметить, что у большей части опрошенных (59 %) доминирующими мотивами выбора своей будущей профессии были внешние положительные мотивы. Внутренние индивидуально значимые и социально значимые мотивы находятся на втором и третьем местах и составляют 19 и 17 % соответственно. Следует также отметить, что у 5 % курсантов, обладающих низким уровнем вовлеченности в социокультурную деятельность, при выборе профессии имеются внешние отрицательные мотивы.

Таким образом, у курсантов, обладающих высоким и средним уровнями активности участия в социокультурной деятельности, доминирующей при выборе профессии является внутренняя мотивация, что может свидетельствовать о возможности выполнения данной категорией обучающихся своих профессиональных обязанностей без наличия внешнего давления. Если рассматривать курсантов, обладающих низким уровнем активности участия в социокультурной деятельности, то следует отметить, что у данной категории респондентов имеется стремление к приобретению необходимых компетенций, которые требует избранная профессия, а также есть стремление к творческой работе, однако материальное благополучие и престижность занимаемой должности занимают превалирующее значение.

Выводы. Исследование влияния социокультурной деятельности на профессиональную самоидентификацию и мотивацию курсантов образовательных организаций ФСИН России выявило значимые взаимосвязи, подчеркивающие важность интеграции социальных и культурных аспектов в учебно-воспитательный процесс.

Курсанты, активно участвующие в социокультурной деятельности, демонстрируют высокую степень взаимодействия с образовательной и социальной средой образовательной организации, что способствует развитию социальных навыков и формированию культурных компетенций. Эти курсанты обладают высоким потенциалом для выполнения профессиональных обязанностей без необходимости внешнего давления, что обусловлено их высокой и средней степенью активности в социокультурной деятельности и внутренней мотивацией при выборе профессии.

Вместе с тем курсанты, обладающие низким уровнем социокультурной активности, чаще переживают кризис профессиональной идентичности, в меньшей степени уверены в правильности выбранной профессии и своем профессиональном будущем. Их профессиональная идентичность находится на уровне ниже среднего или вообще не сформирована. Данные курсанты демонстрируют материальную мотивацию и избирают более престижные профессии, что указывает на необходимость детального понимания и осознания ими профессиональных ценностей и задач.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает значимость социокультурной деятельности в профессиональной самоидентификации и мотивации курсантов. Активное участие в таких мероприятиях способствует более осознанному выбору профессии, повышению внутренней мотивации и укреплению профессиональной идентичности, что в конечном итоге положительно влияет на успешность их будущей профессиональной деятельности. Как следствие, необходимо усилить поддержку и развитие социокультурных инициатив в образовательных организациях ФСИН России для формирования гармонично развитых профессионалов.

Список источников

1. Беляева Л. А., Беляева М. А. Социально-культурная деятельность: структурно-функциональная модель // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2013. — № 1 (33). — С. 68–74.
2. Богуславский М. В., Куликова С. В., Романов А. А. Потенциал историко-педагогического познания проблем воспитания и социализации молодежи в контексте вызовов современности // Психолого-педагогический поиск. — 2018. — № 4 (48). — С. 28–39.
3. Бочкарников С. Н. Профессиональная самоидентификация в сфере предпринимательства студентов вузов: социологическое исследование // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 4 (259). — С. 148–153.
4. Бушмакин А. С. Организация социокультурной деятельности курсантов в учебно-воспитательном процессе образовательной организации Федеральной службы исполнения наказаний // Векторы психолого-педагогических исследований. — 2024. — № 1 (2). — С. 52–62.
5. Врублевская М. М., Зыкова О. В. Профорориентационная работа в школе : метод. рекоменд. — Магнитогорск : Магнитогор. гос. ун-т, 2004. — 80 с.
6. Лукашенко Д. В. Особенности управления качеством образования в образовательных организациях ФСИН России // Естественные и технические науки. — 2024. — № 3 (190). — С. 180–182.
7. Мирошников И. И. Выявление ведущих профессиональных мотивов как одно из условий успешного самоопределения обучающихся кадетского корпуса при выборе профессии // Научно-методические и практические аспекты интеграционных процессов в науке и технике : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. — Уфа : Аэтерна, 2022. — С. 248–253.
8. Пашкин С. Б., Лисовская Н. Б. Особенности психологической готовности к профессиональной деятельности у студентов на разных этапах обучения в вузе // Образовательный вестник «Сознание». — 2022. — Т. 24, № 12. — С. 17–28. — DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-12-17-28.
9. Сергеева М. Г. Профессиональная самоидентификация при подготовке современного специалиста // Проблемы современного педагогического образования. — 2020. — № 66-2. — С. 293–296.
10. Соболев Н. Г. К вопросу о профессиональной мотивации курсантов образовательных организаций ФСИН России // Мир науки. Педагогика и психология. — 2023. — Т. 11, № 4. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN423.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).
11. Суровицкая Ю. Ю., Мадимухаметов М. Н. Понятие о мотивации в психологии // Наука и реальность. — 2023. — № 1 (13). — С. 36–40.
12. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность. — 2-е изд. — М., 2001. — 256 с.
13. Ярошенко Н. Н. Педагогические парадигмы теории социальнокультурной деятельности : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — М., 2000. — 48 с.

References

1. Belyaeva L. A., Belyaeva M. A. Socio-cultural activity: a structural and functional model. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv*. [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. 2013, iss. 1 (33), pp. 68–74. (In Russian).
2. Boguslavsky M. V., Kulikova S. V., Romanov A. A. The potential of historical and pedagogical cognition of the problems of education and socialization of youth in the context of the challenges of modernity. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk*. [Psychological and Pedagogical Search]. 2018, iss. 4 (48), pp. 28–39. (In Russian).
3. Bochkarnikov S. N. Professional self-identification in the field of entrepreneurship of university students: a sociological study. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Chelyabinsk State University Publ.]. 2012, iss. 4 (259), pp. 148–153. (In Russian).
4. Bushmakina A. S. Organization of socio-cultural activities of cadets in the educational organization of the Federal Penitentiary Service. *Vektory psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy*. [Vectors of psychological and pedagogical research]. 2024, iss. 1 (2), pp. 52–62. (In Russian).
5. Vrublevskaya M. M., Zyikova O. V. *Proforiyentatsionnaya rabota v shkole: metod. rekomend.* [Career guidance at secondary school: methodological recommendations]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University Publ., 2004, 80 p. (In Russian).
6. Lukashenko D. V. Features of education quality management in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Natural and technical sciences*. 2024, no. 3 (190), pp. 180–182. (In Russian).
7. Miroshnikov I. I. Identification of leading professional motives as one of the conditions for successful self-determination of cadet students when choosing a profession. *Nauchno-metodicheskiye i prakticheskiye aspekty integratsionnykh protsessov v nauke i tekhnike: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Scientific, methodological and practical aspects of integration processes in science and technology: collection of articles of the International scientific and practical conference]. Ufa, Aeterna, 2022, pp. 248–253. (In Russian).

8. Pashkin S. B., Lisovskaya N. B. Features of psychological readiness for professional activity among students at different stages of study at university. *Obrazovatelnyy vestnik "Soznaniye"*. [Educational Bulletin "Consciousness"]. 2022, vol. 24, iss. 12, pp. 17–28. DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-12-17-28. (In Russian).

9. Sergeeva M. G. Professional self-identification in the training of a modern specialist. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. [Problems of modern pedagogical education]. 2020, iss. 66-2, pp. 293–296. (In Russian).

10. Sobolev N. G. About professional motivation of cadets of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. [World of Science. Pedagogy and Psychology]. 2023, vol. 11, iss. 4. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN423.pdf> (accessed: 10.06.2024). (In Russian).

11. Surovitskaya Yu. Yu., Madimukhametov M. N. The concept of motivation in psychology. *Nauka i realnost*. [Science and reality]. 2023, iss. 1 (13), pp. 36–40. (In Russian).

12. Schneider L. B. *Professionalnaya identichnost*. [Professional identity]. Moscow, 2001, 256 p. (In Russian).

13. Yaroshenko N. N. *Pedagogicheskiye paradigmy teorii sotsialnokulturnoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk*. [Pedagogical paradigms of the theory of socio-cultural activity: abstract of dissertation ... of Doctor of Pedagogy]. Moscow, 2000, 48 p. (In Russian).

Информация об авторе

Бушмакин Антон Сергеевич — старший преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the author

Bushmakin Anton Sergeevich — a Senior Lecturer of the Department of Organization of Regime, Security and Convoying at the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Научная статья

УДК 796.015:796.881

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.008

Технологии физической и психологической подготовки спортсменов, занимающихся гиревым спортом на этапе совершенствования спортивного мастерства

Кулаков Иван Иванович

Рязанский институт (филиал) Московского политехнического университета

Россия, Рязань

kulakov.2014@yandex.ru

Левин Павел Викторович

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Россия, Рязань

p.levin@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы физической и психологической подготовки спортсменов, занимающихся гиревым спортом на этапе совершенствования спортивного мастерства. Теоретическая часть статьи содержит результаты обзора научно-методической литературы, посвященного выявлению ключевых физических и функциональных показателей, объективно отражающих уровень физической подготовленности спортсменов-гиревиков, а также технологию психологической подготовки перед ответственными стартами.

В практической части статьи приводится технология применения подготовительных, специально-подготовительных и соревновательных упражнений, направленных на повышение уровня специальной физической подготовленности спортсменов-гиревиков на этапе совершенствования спортивного мастерства. Особое место занимает описание технологии практического применения различных методов и методических приемов, направленных на повышение уровня психологической подготовленности спортсменов-гиревиков 17–18-летнего возраста к демонстрации максимально возможного соревновательного результата.

В статье приводятся результаты контрольного тестирования спортсменов-гиревиков на этапе совершенствования спортивного мастерства, проведенного с учетом утвержденных Федеральным стандартом по виду спорта «гиревой спорт» должных нормативных требований, а также итоги выполнения функциональных проб, отражающих текущее физическое состояние организма занимающихся и степень их готовности к демонстрации максимальных спортивных результатов. Фактические данные приведенного в статье педагогического исследования подтверждаются результатами анализа соревновательной практики спортсменов-гиревиков на этапе совершенствования спортивного мастерства.

Ключевые слова: гиревой спорт, физическая подготовка, силовая подготовка, психологическая подготовка, совершенствование спортивного мастерства, технология подготовки спортсменов-гиревиков.

Для цитирования: Кулаков И. И., Левин П. В. Технологии физической и психологической подготовки спортсменов, занимающихся гиревым спортом на этапе совершенствования спортивного мастерства // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 66–73. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.008.

Original article

Techniques of physical and psychological training in kettlebell lifting at advanced stages

Ivan Ivanovich Kulakov

Ryazan Institute (branch) of Moscow Polytechnic University

Ryazan, Russia

kulakov.2014@yandex.ru

Pavel Viktorovich Levin

Ryazan State University named for S. A. Esenin

Ryazan, Russia

p.levin@365.rsu.edu.ru

Abstract: The article deals with the issues of physical and psychological preparation of athletes engaged in kettlebell lifting at the stage of improving their mastery. The theoretical part of the article contains the results of the review of scientific and methodological literature, devoted to the identification of key physical and functional indicators, objectively reflecting the level of physical fitness of kettlebell lifters, as well as the technology of psychological preparation before major contests.

In the practical part of the article, the paper defines a technology of application of preparatory, special preparatory and contest activities, aimed at increasing the level of special physical fitness of athletes at the stage of improving their results. It focuses on the description of the technology of practical application of various methods and techniques aimed at increasing the level of psychological preparedness of 17-18-year-old kettlebell lifters to demonstrate the maximum possible result.

The article presents the results of control testing of kettlebell lifting athletes at the stage of advanced sportsmanship, conducted in accordance with the approved by the Federal Standard of regulatory requirements for *kettlebell lifting*, as well as the results of functional tests, reflecting the current physical condition of the body of athletes and the degree of their readiness to demonstrate maximum performance. The actual data of the pedagogical research presented in the article are confirmed by the results of analyzing the competitive practice of kettlebell lifters at the stage of improving their sportsmanship.

Keywords: kettlebell lifting, physical training, strength training, psychological training, improvement of sportsmanship, technology of training of kettlebell lifters.

For citation: Kulakov I. I., Levin P. V. Techniques of physical and psychological training in kettlebell lifting at advanced stages // *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 66–73. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.008.

Введение. Гиревой спорт — вид физической деятельности, напрямую связанный с выполнением продолжительной циклической работы. Для достижения высоких спортивных результатов занимающимся гиревым спортом необходимо иметь высокий уровень общей и специальной физической подготовленности. В первую очередь, это касается уровня развития такого физического качества, как силовая выносливость. При недостаточном уровне специальной физической и функциональной подготовленности достижение высоких спортивных результатов в гиревом спорте не представляется возможным (Евсеев, 2014).

Проведенный обзор научно-методической литературы позволил проанализировать и выявить большое количество показателей для оценки текущего физического состояния спортсменов-гиревиков 17–18-летнего возраста на учебно-тренировочных занятиях в гиревом спорте на этапе совершенствования спортивного мастерства. Исходя из этого нами был выбран ряд ключевых показателей, объективно характеризующих состояние спортсменов-гиревиков. Данное положение сделало целесообразным конкретизацию показателей, по которым в дальнейшем проводился контроль физического и функционального состояния спортсменов-гиревиков 17–18-летнего возраста, которые были классифицированы в две группы.

Группа показателей уровня физической подготовленности была предопределена Федеральным стандартом спортивной подготовки по виду спорта «гиревой спорт». По данным показателям можно оценивать уровень общей и специальной физической подготовленности спортсменов-гиревиков: бег на 3000 м, прыжок в длину с места, подтягивание в висе на перекладине, удержание двух гирь весом 24 кг у груди в исходном положении перед выталкиванием вверх.

Группа показателей функционального состояния спортсменов-гиревиков включала результаты проб Штанге, Генчи и Мартине, с помощью которых можно выявить функциональные особенности и отклонения, скрытые патологические состояния гиревиков. Данные пробы активно используются для проведения оценки функционального состояния спортсменов-гиревиков 17–18 лет, они доступны и не требуют особых условий для проведения или наличия специальной аппаратуры. Оценивание показателей занимающихся осуществлялось в соответствии с требованиями, предъявляемыми нормативными документами.

Целью статьи является обсуждение применения комплексов специально-подготовительных упражнений, направленных на повышение уровня физической и психологической подготовленности и оптимизацию функциональных возможностей организма спортсменов-гиревиков 17–18-летнего возраста, занимающихся на этапе совершенствования спортивного мастерства.

В качестве *гипотезы* исследования выступило предположение о том, что применение специальной технологии мысленного разбития соревновательного упражнения на этапы при использовании повторного метода тренировки позволит достичь спортсменами-гиревиками 17–18-летнего возраста должного уровня физической и психологической подготовленности.

Методы исследования. В исследовании использовались такие методы, как контрольное тестирование участников учебно-тренировочного процесса (спортсменов-гиревиков 17–18-летнего возраста), педагогический эксперимент, а также анализ динамики результативности соревновательной деятельности.

Обсуждение полученных результатов. Экспериментальная работа выполнялась в Рязанском институте (филиал) Московского политехнического университета. Первым этапом исследования была констатация текущего состояния физических (кондиционных) и функциональных показателей спортсменов-гиревиков на учебно-тренировочных занятиях (сентябрь 2023 года). В исследовании приняли участие спортсмены-гиревики, имеющие квалификационный разряд КМС и МС. На втором этапе тренировочного процесса проводился формирующий педагогический эксперимент (октябрь 2023 года — апрель 2024 года).

Технология развития силовых показателей спортсменов-гиревиков 17–18 лет включала в себя использование интервального, повторного, соревновательного методов в учебно-тренировочном процессе. Применение данной технологии способствовало увеличению силовых возможностей организма спортсменов-гиревиков на этапе совершенствования спортивного мастерства. Выполнение специально подготовительных упражнений интервальным методом заключалось в том, что они выполнялись серийно в высоком темпе с продолжительностью 1–3 минуты. Промежутки между сериями чередовались строго регламентированными интервалами отдыха. Например, 4 серии по 10–15 подъемов гирь по 24 кг за одну минуту чередовались с минутными интервалами отдыха. Время для отдыха между подходами у спортсменов было индивидуально, но не превышало одной минуты, в соответствии с индивидуальными возможностями спортсменов (Солодов, Шванев, Маркиянов [и др.], 2009).

В результате анализа работы Е. Б. Мякинченко и В. Н. Силуянова был применен повторный метод, учитывающий соответствующие рекомендации авторов. Повторный метод представляет собой многократное выполнение упражнений со строго дозированными нагрузками и отдыхом, достаточным для полного восстановления. В нашем исследовании применение повторного метода заключалось в том, что, во-первых, упражнения были максимальной мощности, продолжительность короткая — менее минуты. Силовые упражнения повторялись 1–4 раза, интервал отдыха 5 мин, число серий от 10 и более (до 40); скоростно-силовые упражнения выполнялись до 10 раз, отдых 2–3 мин, количество серий — 10 и более; скоростные упражнения выполнялись 5–10 с, отдых до 1 мин, количество подходов 10–40. Эти упражнения способствовали наращиванию мышечной массы. Во-вторых, были упражнения субмаксимальной мощности, продолжительностью 1–5 мин. Силовые упражнения выполнялись от 15 и более повторениями в серии, скоростно-силовые — более 18 раз. Интервал отдыха в силовых упражнениях больше 5 мин, 3–4 серии; в скоростно-силовых — до 2–4 мин, 3–4 серии. Выполнялись до первых признаков утомления и увеличивались интервалы отдыха до полного восстановления, так как эти тренировки вызывали значительное психологическое напряжение. В третьих, были упражнения высокой мощности, продолжительность выполнения достигала 20–50 с; силовые упражнения повторялись 6–12 и более раз, интервал отдыха 5 мин, 3–4 серии; скоростно-силовые упражнения повторялись 10–20 раз, отдых 2–4 мин, 3–4 серии; скоростные 10–50 с, интервал отдыха до 9 мин, 3–4 серии.

Применение соревновательного метода заключалось в выполнении «прикидок» с регулярностью один раз в две-три недели с целью определения своего максимального на данный момент результата при выполнении упражнений с гирями соревновательного веса (в соответствии с соревновательной программой).

Большое внимание у спортсменов-гиревиков было отведено упражнениям с гирями. Использовались подготовительные, специально-подготовительные и соревновательные упражнения.

В тренировках гиревиков есть высокий темп выполнения упражнений со снарядами различного веса в течение определенного промежутка времени. Поэтому в тренировочный процесс с целью повышения функциональной выносливости спортсменов был включен бег на средние и длинные дистанции. Частота сердечных сокращений при кардиотренировке составляла до

200 уд./мин, беговые дистанции были — от 8 до 15 км. Применялись кроссовые упражнения с переменной частотой, бег в гору, бег с утяжелителями. Также бег способствовал укреплению сердечно-сосудистой и дыхательной систем, что являлось очень важным фактором для успешного выступления спортсменов (Кулаков, Орлова, 2021).

Для того чтобы спортсмены-гиревики быстрее восстанавливались после интенсивных нагрузок, в тренировочную деятельность была включена растяжка. Особое внимание уделялось подвижности плечевых, локтевых и тазобедренных суставов (Тихонов, Суховей, Леонов, 2009).

Развитие подвижности в суставах и гибкости осуществлялось с помощью пассивных, активно-пассивных и активных упражнений. В пассивных упражнениях максимальная амплитуда движения достигается за счет усилия, прилагаемого партнером. В активно-пассивных движениях за счет собственного веса тела (шпагат, растягивание в висе на перекладине, в положении выпада и т. п.). К активным упражнениям, направленным на развитие подвижности в суставах, относятся махи, медленные движения с максимальной амплитудой, статические напряжения с сохранением позы в исходном положении перед очередным выталкиванием гирь и в положении фиксации гирь вверху. Подвижность в плечевых суставах определяется по разнице между шириной плеч и шириной хвата при выкруте прямых рук за спину. Под интенсивными нагрузками мышцы начинают истощаться и терять свою эластичность. Растяжка в конце тренировки способствует улучшению кровообращения, тем самым процесс восстановления гиревика происходит значительно быстрее (Солодов, Шванев, Маркиянов [и др.], 2009).

Психологическая сторона подготовки спортсменов играет весомую роль в гиревом спорте. На этапе спортивной подготовки важнейшей задачей является развитие целеустремленности и настойчивости у гиревиков. Технология развития и формирования этих качеств у спортсмена дает возможность сознательно преодолевать возможные трудности, возникающие в процессе тренировочной и соревновательной деятельности (Баршай, Толопченко, 2018).

В ходе опроса у спортсменов-гиревиков были выявлены определенные психологические трудности, возникающие как в тренировочном процессе, так и при участии в соревнованиях. К таким трудностям можно отнести мотивационное отношение спортсмена к своей спортивной деятельности, переживание успеха или неудач, проявление негативных эмоций, таких как страх, неуверенность в своих силах, гиперответственность за свой результат, отрицательный опыт предстартовых соревнований или прикидок.

Психологическая подготовка гиревиков должна соответствовать индивидуальным особенностям спортсменов. В итоге это приведет к достижению стабильных результатов выступлений гиревиков. Тренер должен помогать спортсмену в постановке и коррекции соревновательных целей, а также в формировании мотивов, которые будут побуждать гиревиков стремиться к успеху. При всем этом очень важно учитывать индивидуально-психологические особенности каждого спортсмена.

К основным методам психологического воздействия на гиревиков можно отнести активную голосовую поддержку и жестикуляцию тренера и товарищей по команде (различного плана выкрикивания и возгласы «терпеть», «держаться», «давай» и т. п.), специально неправильное ведение счета количества подъемов гирь тренером, незасчитывание подъемов в высокоинтенсивных подходах и в прикидках (Гомонов, 2000).

Можно также мысленно разбить нужное количество подъемов во время выполнения упражнения на несколько частей (80 подъемов на 3 части по 20 подъемов, а последние 20 — еще на 4 части по 5 подъемов). Такой метод мысленного деления благоприятно отражается на спортивном результате, так как удержание в сознании больших чисел достаточно тяжелое испытание для психики, а способ достижения цели маленькими отрезками поможет снять психологическое напряжение спортсмена.

Использование на тренировках различного музыкального, шумового сопровождения помогает воспроизвести в тренировочном процессе атмосферу соревнований, что, безусловно, способствует формированию психологической адаптации спортсмена в условиях стрессовой ситуации.

Еще одним эффективным методом психологической подготовки спортсмена является изменение веса гирь без предупреждения об этом спортсмена путем засыпания внутрь песка. Мотивационная и доверительная беседа спортсмена с тренером поможет поставить цель и убедить гиревика в том, что поставленная задача выполнима, и ему по силам с ней справиться.

На психическое состояние гиревиков влияют уровень и значимость соревнования, а также связанные с ним мысли или переживания, опыт соревновательной деятельности, поведение и действия тренера. Для формирования правильного и адекватного психического состояния спортсменами применяются приемы самоконтроля и саморегуляции. К таким приемам можно отнести воссоздание и удержание в сознании сюжета прошлого, которое связано с внутренним спокойствием и уверенностью в себе и своих возможностях. Также эффективными являются самовнушение с использованием прослушивания музыки, отвлечение внимания, самоубеждение и разминка.

Для определения эффективности технологии развития силовых показателей на тренировочных занятиях применялся контроль и анализ показателей у спортсменов-гиревиков. На основе полученных данных тренер-преподаватель принимал конкретное решение в отношении коррекции внедряемых средств и методов развития силы у гиревиков.

На основе материалов, приведенных в таблице 1, можно констатировать, что к началу соревновательного периода заметен достоверный прирост показателей физической подготовленности при $p < 0,01$.

В силовом тесте подтягивания из виса на перекладине средний прирост результатов у спортсменов-гиревиков составил 5,2 раза при $p < 0,01$.

В скоростно-силовом тесте прыжок в длину с места средний результат увеличился на 8 см при $p < 0,01$.

Анализ тестирования на выносливость также показал средний прирост результатов у гиревиков на 28 с на дистанции 3000 м при $p < 0,01$.

Таблица 1

Изменение показателей физической подготовленности спортсменов-гиревиков в подготовительном и соревновательном периодах тренировочного процесса

Показатели		Спортсмены n = 30	Достоверность различий	
		$\bar{X} \pm \sigma$	t	p
Подтягивание из виса на высокой перекладине (количество раз)	Подготовительный период	23,0±3,2	2,57	<0,01
	Соревновательный период	28,2±2,8		
	Различие (Δ)	5,2		
Прыжок в длину с места (см)	Подготовительный период	243,0±10,0	2,24	<0,01
	Соревновательный период	251,0±12,0		
	Различие (Δ)	8		
Бег на 3000 м (мин, с)	Подготовительный период	12.02±0,5	2,38	<0,01
	Соревновательный период	11.34± 0,4		
	Различие (Δ)	0.28		
Удерживание двух гирь весом 24 кг у груди в исходном положении перед выталкиванием вверх (мин, с)	Подготовительный период	13.23±1,4	2,41	<0,01
	Соревновательный период	19.36±2,1		
	Различие (Δ)	6.13		

Примечание: \bar{X} — среднее значение, F — критерий Фишера, p — достоверность различий.

Отмечены и изменения результатов в специальной физической подготовленности: удерживание двух гирь весом 24 кг у груди в исходном положении перед выталкиванием вверх (не менее 3 мин), прирост показателей увеличился на 6 мин 13 с при $p < 0,01$.

Полученные результаты показали, что за прошедший подготовительный период физическая подготовленность гиревиков улучшилась. Это подтверждает эффективность применения выбранной методики развития силы и формирования мотивации у гиревиков-спортсменов на тренировочных занятиях по программе длинного цикла (табл. 2).

Таблица 2

Изменение показателей функциональных проб спортсменов-гиревиков
в подготовительном и соревновательном периодах тренировочного процесса

Показатели		Норма	Спортсмены, n = 30	Достоверность различий	
			$\bar{X} \pm \sigma$	t	p
Проба Штанге, с	Подготовительный период	50 и более	73,4±3,9	2,96	<0,01
	Соревновательный период		80,1±3,4		
	Различие (Δ)		6,7		
Проба Генчи, с	Подготовительный период	40 и более	60,5±5,6	2,89	<0,01
	Соревновательный период		69,7±6,2		
	Различие (Δ)		9,2		
Проба Мартине, уд./мин	Подготовительный период	60–70	67,4±1,5	2,98	<0,01
	Соревновательный период		64,6±1,8		
	Различие (Δ)		2,8		

Примечание: \bar{X} — среднее значение, F — критерий Фишера, p — достоверность различий.

Полученные результаты показали, что за прошедший подготовительный период функциональное состояние гиревиков улучшилось, что подтверждает эффективность применения выбранной методики подготовки гиревиков на тренировочных занятиях по программе длинного цикла. Установлен средний прирост результатов испытуемых по следующим пробам: Штанге — на 6,7 с, Генчи — на 9,2 с, Мартине — на 2,8 уд./мин при $p < 0,01$.

Выводы и перспективы исследований. Данные, полученные в результате проведенного нами исследования, направленного на применение специальной технологии мысленного разбития соревновательного упражнения на этапы при использовании повторного метода тренировки, демонстрируют повышение уровня физической подготовленности и оптимизации функциональных показателей спортсменов-гиревиков на фоне формирования их психологической готовности. Предложенная нами технология повышает эффективность тренировочного процесса спортсменов-гиревиков 17–18-летнего возраста.

Согласно результатам, полученным в ходе педагогического эксперимента, было установлено, что спортсмены-гиревики 17–18 лет имеют высокий уровень физической подготовленности в тестах, которые оценивают уровень развития силовых способностей, соответствующий должным требованиям Федерального стандарта по гиревому спорту. Анализ результатов проведенных функциональных проб показывает, что выбранная технология психологической подготовки и развития силы у спортсменов-гиревиков на тренировочных занятиях по программе длинного цикла положительно повлияла на изменение функционального состояния спортсменов. На основе анализа полученных данных можно констатировать, что показатели функционального состояния спортсменов по завершении педагогического эксперимента интерпретировались как «высокий уровень подготовленности».

Таким образом, с помощью примененной нами технологии мысленного разбития соревновательного упражнения на этапы при использовании повторного метода тренировки можно оптимизировать текущее физическое и психологическое состояние и повысить готовность спортсменов-гиревиков на подготовительном этапе годичного цикла подготовки.

Перспективы исследований связаны с выявлением корреляционной взаимосвязи физической и психологической подготовки спортсменов-гиревиков и оценки степени влияния психологической подготовленности на соревновательный результат.

Список источников

1. Баршай В. М., Толопченко В. Н. Современные тенденции теории и методики физической подготовки в гиревом спорте // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2018. — С. 205–210.
2. Всероссийская федерация гиревого спорта : офиц. сайт. — URL : <http://www.vfgs.ru/history> (дата обращения: 18.03.2024).
3. Гомонов В. Н. Индивидуализация технической и физической подготовки спортсменов-гиревиков различной квалификации : дис. ... канд. пед. наук. — Смоленск, 2000. — 165 с.
4. Евсеев Ю. И. Физическая культура : учеб. пособие. — 9-е изд. — Ростов-н/Д : Феникс, 2014. — 443 с. — URL : <https://e.lanbook.com/book/70303> (дата обращения: 27.04.2024).
5. Кулаков И. И., Орлова Л. Т. Анализ результатов соревнований спортсменов-гиревиков в Рязанской области // Тенденция развития науки и образования. — Самара : Иванов В. В., 2021. — № 71-5. — С. 115–117.
6. Мьякинченко Е. Б., Селуянов В. Н. Развитие локальной мышечной выносливости в циклических видах спорта. — М. : ТВТ Дивизион, 2005. — 338 с.
7. Солодов И. П., Шванев В. Б., Маркианов О. А. [и др.]. Гиревой спорт : пример. программа спорт. подг. для детско-юнош. спорт. школ, спец. детско-юнош. школ. олимп. резерва. — М. : Советский спорт, 2009. — 105 с.
8. Тихонов В. Ф., Суховой А. В., Леонов Д. В. Основы гиревого спорта: обучение двигательным действиям и методы тренировки. — М. : Советский спорт, 2009. — 222 с.
9. Федеральный стандарт спортивной подготовки по виду спорта «гиревой спорт». — URL : <https://docs.cntd.ru/document/420248192> (дата обращения: 18.03.2024).

References

1. Barshai V. M., Tolopchenko V. N. Modern trends in the theory and methods of physical training in kettlebell lifting. *Mir nauki, kultura, obrazovaniya*. [The world of science, culture, and education]. Gorno-Altaysk, 2018, pp. 205–210. (In Russian).
2. *Vserossiyskaya federatsiya girevogo sporta: ofits. sayt*. [All-Russian Kettlebell Sport Federation: official website]. Available at: <http://www.vfgs.ru/history> (accessed: 18.03.2024). (In Russian).
3. Gomonov V. N. *Individualizatsiya tekhnicheskoy i fizicheskoy podgotovki sportsmenov-girevikov razlichnoy kvalifikatsii: dis. ... kand. ped. nauk*. [Individualization of technical and physical training of kettlebell lifters of various qualifications: dissertation ... of Candidate of Pedagogy]. Smolensk, 2000, 165 p. (In Russian).
4. Evseev Yu. I. *Fizicheskaya kultura: ucheb. posobiye*. [Physical Education: a textbook]. Rostov-on-Don, Feniks, 2014, 443 p. Available at: <https://e.lanbook.com/book/70303> (accessed: 27.04.2024). (In Russian).
5. Kulakov I. I., Orlova L. T. Analysis of the results of kettlebell lifter competitions in the Ryazan Region. *Tendentsiya razvitiya nauki i obrazovaniya*. [Trends in development of science and education]. Samara, Ivanov V. V. Publ., 2021, iss. 71-5, pp. 115–117. (In Russian).
6. Myakinchenko E. B., Seluyanov V. N. *Razvitiye lokalnoy myshechnoy vynoslivosti v tsiklicheskih vidakh sporta*. [Development of local muscular endurance in cyclic sports]. Moscow, TVT Divizion, 2005, 338 p. (In Russian).
7. Solodov I. P., Shvanev V. B., Markiyarov O. A. et al. *Girevoy sport: Primernaya programma sportivnoy podgotovki dlya detsko-yunosheskikh sportivnykh shkol, spetsializirovannykh detsko-yunosheskikh shkol olimpiyskogo rezerva*. [Kettlebell sport: Sample program of sports training for children's and youth sports schools, specialized children's and youth schools of the Olympic reserve]. Moscow, Sovetsky Sport, 2009, 105 p. (In Russian).
8. Tikhonov V. F., Sukhovey A. V., Leonov D. V. *Osnovy girevogo sporta: obucheniye dvigatelnykh deystviyam i metody trenirovki*. [Basics of kettlebell lifting: teaching motor actions and training methods]. Moscow, Sovetsky Sport, 2009, 222 p. (In Russian).
9. *Federalnyy standart sportivnoy podgotovki po vidu sporta "girevoy sport."* [Federal Standard of Sports Training in "Kettlebell Sport"]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420248192> (accessed: 18.03.2024). (In Russian).

Информация об авторах

Кулаков Иван Иванович — доцент кафедры инженерного бизнеса и менеджмента Рязанского института (филиал) Московского политехнического университета, мастер спорта международного класса по гиревому спорту, чемпион России, Европы и мира по гиревому спорту.

Левин Павел Викторович — кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета физической культуры и спорта Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the authors

Kulakov Ivan Ivanovich — Associate Professor of the Department of Engineering Business and Management of the Ryazan Institute (branch) of the Moscow Polytechnic University, Master of Sports of International Class in kettlebell lifting, champion of Russia, Europe and the world in kettlebell lifting.

Levin Pavel Viktorovich — Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Dean of the Faculty of Physical Education and Sports of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 22.06.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 22.06.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Научная статья

УДК 378.147:81'243

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.009

К вопросу о формировании интереса к иностранному языку у студентов неязыкового вуза (из опыта работы Удмуртского государственного аграрного университета)

Сарафанова Татьяна Вячеславовна

Удмуртский государственный аграрный университет

Ижевск, Россия

notus58@list.ru

Литвинова Вера Михайловна

Удмуртский государственный аграрный университет

Ижевск, Россия

vlitvinova43@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования устойчивого интереса студентов неязыкового вуза к изучению иностранного языка. Отмечается значение иностранного языка в развитии профессиональной компетентности и конкурентоспособности будущих специалистов на рынке труда. Целью исследования является определение наиболее эффективных методов обучения студентов неязыкового вуза для повышения интереса к изучению иностранного языка. В качестве основополагающего принципа в обучении студентов авторами рассматривается деятельностный подход, в рамках которого предполагается совместная деятельность преподавателя и студента. В ходе эксперимента авторами были применены эффективные методики для формирования интереса к изучению иностранного языка у студентов, такие как диалоговые техники, составление ментальных карт. Применение ассоциативного метода при работе с профессионально ориентированной лексикой, а также выполнение проблемных творческих заданий в процессе обучения доказывает их эффективность в повышении интереса к изучению дисциплины. Практическая значимость использованных методов при преподавании иностранного языка у студентов неязыкового вуза подтверждается экспериментальной работой.

Ключевые слова: изучение иностранного языка, устойчивый интерес, профессиональная компетентность, конкурентоспособность, деятельностный подход, эффективные методики, проблемные задания, профессионально ориентированная лексика, ассоциативный метод.

Для цитирования: Сарафанова Т. В., Литвинова В. М. К вопросу о формировании интереса к иностранному языку у студентов неязыкового вуза (из опыта работы Удмуртского государственного аграрного университета) // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 74–80. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.009.

Original article

On formation of interest in a foreign language in students of a non-linguistic university (experience of Udmurt State Agrarian University)

Tatyana Vyacheslavovna Sarafanova

Udmurt State Agrarian University

Izhevsk, Russia

notus58@list.ru

Vera Mikhaylovna Litvinova

Udmurt State Agrarian University

Izhevsk, Russia

vlitvinova43@gmail.com

Abstract. The article deals with the formation of sustainable interest of students of non-language university in learning a foreign language. The paper states the importance of foreign languages in the development of professional competence and competitiveness of future specialists in the labor market. The aim of the study is to determine the most effective methods of teaching non-language university students in order to increase their interest in learning a foreign language. The authors consider the activity approach as a fundamental principle in teaching students, which involves joint activities of teachers and students. In the course of the experiment the authors applied effective methods for the formation of interest in learning a foreign language among students, such as dialog techniques and mind mapping. Application of the associative method when working with professionally oriented vocabulary, as well as performance of problem creative tasks in the learning process proves their effectiveness in increasing interest in the study of the discipline. The practical significance of the methods used in teaching a foreign language to students of a non-language university is confirmed by experimental work.

Keywords: foreign language learning, sustainable interest, professional competence, competitiveness, activity approach, effective methods, problem tasks, professionally oriented vocabulary, associative method.

For citation: Sarafanova T. V., Litvinova V. M. On formation of interest in a foreign language in students of a non-linguistic university (experience of Udmurt State Agrarian University) // *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 74–80. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.009.

Введение. Современному обществу требуются специалисты, имеющие качественную подготовку в избранной профессии. Сегодня парадигма современного общества предъявляет не только высокие требования к полученным профессиональным знаниям, но часто и необходимость знания иностранного языка. Существует неоспоримая потребность в молодых специалистах, обладающих как специальными профессиональными знаниями, навыками и умениями, так и знаниями иностранного языка в той или иной степени. Не вызывает сомнения, что иностранный язык является необходимым условием успешной профессиональной деятельности специалиста — выпускника современной высшей школы, способствует повышению его профессиональной компетентности и личностного развития. Кроме того, в условиях цифровизации общества владение иностранным языком играет важную роль. Однако практика показывает, что у студентов неязыкового вуза наблюдается снижение интереса к изучению иностранных языков. Формирование у студентов устойчивого интереса к их изучению очень важно и должно рассматриваться не только с позиции общей теории развития, но и как неотъемлемая часть профессионального становления.

Цель нашего исследования: поиск наиболее эффективных методов для повышения интереса к изучению иностранного языка.

Цель предполагает решение следующих **задач**:

- выбрать методические и дидактические средства обучения для повышения интереса к изучению иностранного языка у студентов неязыкового вуза;
- апробировать методические приемы для формирования интереса к изучению иностранного языка у студентов 1–2 курса неязыкового вуза в учебном процессе.

В качестве **гипотезы** исследования выступило предположение о том, что формирование интереса к изучению иностранного языка у студентов неязыкового вуза будет продуктивным, если использовать комплексные средства активного обучения в процессе преподавания.

Методы исследования: анализ научно-педагогической и методической литературы по проблеме формирования интереса к изучению иностранного языка, опрос, наблюдение за результатами деятельности студентов.

Обсуждение основных результатов. Проблеме и способам формирования интереса посвящены исследования классиков педагогической науки: Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. М. Матюшкина, Т.И. Шамовой и др. Следует отметить, что понятие «интерес» не имеет единой общепринятой версии в психолого-педагогической литературе. В частности, интерес понимается как деятельность и как следствие деятельности, то есть изучается с разных точек зрения. Мы рассмотрим данное понятие в педагогическом аспекте, как предмет педагогического взаимодействия. Образовательный процесс в высшей профессиональной школе, направленный на формирование интереса к изучению иностранного языка, включает в себя следующие условия:

- соответствие целевых, содержательных и процессуальных характеристик последовательности механизма формирования интереса к иностранному языку;
- моделирование процесса обучения как сферы самореализации участников обучения.

При формировании интереса к изучению иностранного языка в процессе обучения студентов Удмуртского государственного аграрного университета мы опирались на деятельностный подход, поскольку он предусмотрен в целях и компонентах преподавания иностранного языка в Федеральном государственном образовательном стандарте.

Целевой компонент формирования интереса к изучению иностранного языка предполагает учет личностных особенностей студентов и выявление проблем, возникающих в процессе обучения.

Содержательный компонент включает в себя деятельность профессорско-преподавательского состава и формирование стратегии обучения студентов иностранному языку.

Процессуальный компонент предполагает методы, используемые в преподавании искомой дисциплины, то есть предполагается вопрос: какие методы и подходы следует использовать — традиционные или инновационные, или их сочетание?

Деятельностный подход активизирует учащихся, помогая им развивать свои творческие способности. При таком подходе преподавателю не требуется излагать весь материал, он организует совместные занятия с учащимися, что позволяет им самостоятельно находить конкретную информацию. Мы согласны с исследователем М. В. Ольшевской в том, что этот подход обеспечивает умение общаться на иностранном языке в разных формах на разные темы, использовать иностранный язык как средство для получения информации из иноязычных источников в образовательных и самообразовательных целях (Ольшевская, 2010). Конечно, все студенты разные: одни легко усваивают материал, другие медленнее продвигаются в учебе. Н. Д. Гальскова утверждает, что овладение коммуникативной функцией иностранного языка предполагает учет индивидуальных особенностей, интересов учащихся, их способностей, склонностей и пожеланий (Гальскова, 2000).

Наше решение к исследованию формирования интереса студентов неязыкового вуза объясняется, прежде всего, тем, насколько изменение методики преподавания позволит выйти за пределы чисто прагматических задач (Литвинова, Сарафанова, 2022).

С целью определения уровня заинтересованности студентов Удмуртского государственного аграрного университета в изучении предмета «Иностранный язык» нами был проведен входной контроль. В результате опроса было выявлено, что многие студенты не имеют достаточной базовой подготовки по данной дисциплине, особенно это касается студентов из сельской местности. Кроме того, многие студенты (особенно первокурсники) довольно скептически оценивают возможности использования иностранного языка в своей профессиональной деятельности.

Следует отметить, что преподавание иностранного языка, в частности, в нашем вузе ведется по устоявшемуся стереотипу: чтение, перевод текстов и выполнение различных грамматических заданий. Также на изучение предмета «Иностранный язык» выделяется недостаточное количество часов. Загруженность студентов профильными дисциплинами не оставляет свободно-го времени для полноценного изучения этого предмета.

Чтобы решить проблему обучения студентов умениям и навыкам в области иностранного языка за ограниченное время с целью применения их в своей будущей деятельности, мы провели исследование по формированию интереса к его изучению с сочетанием традиционных и активных методов работы. Под методом обучения иностранному языку мы будем понимать способы совместной деятельности преподавателя и студента, направленные на достижение поставленных образовательных целей (Хуторской, 2017).

Эксперимент проводился в два этапа среди студентов 1-го курса бакалавриата экономического (экспериментальная группа) и инженерного (контрольная группа) факультетов Удмуртского государственного аграрного университета в течение трех семестров.

Основной целью констатирующего эксперимента было выявление личностного потенциала каждого студента к изучению иностранного языка. В связи с этим были поставлены следующие задачи:

- определение уровня заинтересованности студентов в изучении иностранного языка,
- осознание важности иностранного языка в дальнейшей жизни,
- определение базового уровня владения иностранным языком.

На этом этапе были использованы методы собеседования, опроса и диагностики. В частности, опрос показал, что основными причинами низкой заинтересованности к изучению иностранного языка у первокурсников стал недостаточный уровень знаний из-за нерегулярного его изучения, а также были высказаны сомнения по поводу использования их в своей будущей жизни и деятельности: 60 % студентов экономического факультета и 80 % инженерного считают эти противоречия неразрешимыми. Кроме того, на этапе констатирующего эксперимента студентам было предложено написать эссе на тему «Роль и место иностранного языка в моей будущей профессии». Анализ работ студентов показал, что некоторые из них (67 % от общего числа испытуемых инженерного факультета и 42 % от общего числа экономического факультета) не смогли четко сформулировать свое мнение по данной теме. Другие студенты (36 % от общего числа студентов экономического факультета и 57 % студентов инженерного факультета) отказались выполнять задание, мотивируя это тем, что они не знают, о чем писать. Данные результаты свидетельствуют о том, что из-за недостатка знаний по предмету на уровне лексического, грамматического и смыслового дискурса отсутствует заинтересованность студентов в изучении иностранного языка.

В связи с этим нами было принято решение апробировать методические и дидактические приемы при изучении иностранного языка студентов Удмуртского государственного аграрного университета, предусматривающие активные формы обучения.

В рамках формирующего эксперимента были поставлены следующие задачи:

- отобрать материал, определить наиболее эффективные приемы работы с целью формирования интереса и мотивации к изучению иностранного языка;
- определить количественный состав групп;
- выявить эффективность активных форм и методов обучения с применением объективных и субъективных критериев оценки сформированности интереса и мотивации.

Целью формирующего эксперимента было подтвердить эффективность методов и форм работы выбранных нами активных методов обучения, не выходя за рамки основной программы. На данном этапе экспериментальной работы была сформулирована следующая задача: определение уровня мотивации, а следовательно, заинтересованности студентов в дальнейшем изучении иностранного языка. Для этого было выделено две группы студентов: контрольная из числа студентов инженерного факультета (2 группы в количестве 37 человек в возрасте 18–20 лет), которая занималась по традиционной схеме, и экспериментальная из числа студентов экономического факультета (2 группы в количестве 39 человек в возрасте 18–20 лет).

При работе со студентами экономического факультета в качестве экспериментальной группы наиболее эффективными оказались так называемые проблемные задания, направленные на развитие внимания, памяти, критического мышления, креативности и т. д. (Сафонова, 2000). С этой целью мы разработали задания на формирование умений анализа, смысловой интерпретации предлагаемых текстов на перевод. Например, при работе с профессионально ориентированными текстами студентам предлагались следующие задания:

- обсуждение в мини-группах (что вы знаете по предложенной проблеме и какие пути решения вы можете предложить?),
- составление логической цепочки из предложений по смыслу,
- поиск начала или конца незаконченной фразы по смыслу,
- определение после прочтения текста, в каком из абзацев текста отражены те или иные идеи.

Проблемные задания создают основу для свободного использования иностранного языка в профессиональных целях в речевом общении. Так, в рамках темы «Брендинг продукции» студенты должны были дать определение, что такое бренд, какие бренды им известны, способы продвижения бренда компании. Было предложено выступить с презентацией на тему «Основные функции маркетолога», а также принять участие в виртуальной международной конференции «Рекламная кампания вашего бренда». При этом использовался метод ментальных карт, который далеко не нов, но весьма эффективен (Козуляев, 2019, Шибанова-Роенко, Лялина, 2013).

На картах записывались ключевые слова по определенным темам. При решении проблемных задач такие карты помогают студентам извлекать ключевую информацию конкретной темы и систематизировать новый контент.

Приведем пример ментальной карты по теме «Маркетинг», предложенной студентам экспериментальной группы:

Мы также использовали широкий спектр упражнений для развития навыков анализа иноязычной лексики и поиска подходящих русских эквивалентов. Одним из эффективных методов оказались диалоговые техники, предполагающие рефлексивный подход, при котором происходит преобразование собственной мыслительной и практической деятельности через психологические механизмы рефлексии (Зеер, 2024). Данные методики предполагают составление диалогов и выражение своего отношения в формате предлагаемой тематики.

При обучении лексики в экспериментальной группе использовался ассоциативный метод, который редко, а то и вообще не используется при обучении иностранным языкам в неязыковых вузах. Этот метод особенно эффективен при обучении чтению и переводу текстов специального назначения, так как широкие обозначения денотата способствуют лучшему пониманию смысла, заложенного в слово специального назначения, и на основе ассоциативной связи происходит его усвоение (Сарафанова, Шурин, Литвинова, 2023). Например, часто встречаемая лексическая единица *safe*, ассоциируемая с русским словом «сейф, несгораемый шкаф», может иметь другое значение, выступать в качестве прилагательного *безопасный, находящийся в безопасности; не связанный с риском, гарантирующий безопасность, надежный, внушающий доверие (партнер)*. Слово *benefit* имеет значение *выгода, польза*, а глагол *to benefit* означает *извлекать выгоду, пользу*, ассоциируется с русским словом *бенефициар*, то есть *заинтересованное лицо, интересант, выгодополучатель*. Английское слово *private* (на русском *частный*) ассоциируется с чем-то *личным, недоступным для большинства людей*.

В процессе обучения использовалась и проектная деятельность, которая была подробно изучена и описана Е. Н. Солововой (Соловова, 2008).

В рамках нашего эксперимента студентам экономического факультета было предложено провести деловую игру на английском языке на тему «Транснациональные корпорации и страны третьего мира». Данное мероприятие проводилось в форме панельной дискуссии с использованием компьютера. Группа студентов была разделена на представителей транснациональных корпораций, а именно глав корпораций, которые выступали в защиту этих корпораций, которые якобы приносят значительный прогресс для стран третьего мира; критически настроенную аудиторию, опровергающую эти аргументы; независимого председателя, ответственного за проведение данной дискуссии, и менеджера студии, организующего дебаты в студии.

При обсуждении результатов работы после занятий студенты экспериментальной группы заявили, что у них все еще возникают трудности при выполнении некоторых заданий. Тем не менее 36 % от числа всех испытуемых экспериментальной группы заявили, что благодаря новому методу

изложения как грамматического, так и лексического материала они не испытывали тех затруднений, с которыми сталкивались раньше; 39 % отметили чувство внутреннего комфорта и удовлетворенности во время занятий; 25 % заявили о возможности высказать свою собственную точку зрения. Следует также отметить, что при работе с лексическим и грамматическим материалом было задействовано много страноведческого материала, который с интересом воспринимался студентами.

Говоря о повышении интереса к изучению иностранного языка, нельзя не упомянуть о важности студенческих конференций, которые ежегодно проходят в нашем университете. Любая научно-практическая конференция по специальности направлена на развитие у студентов навыков и умений поиска, отбора и анализа информации по конкретной теме для подготовки устного сообщения. На момент проведения такой конференции несколько студентов из числа экспериментальной группы выразили желание выступить на иностранном языке, оформив свое выступление в виде презентации. При совместной подготовке к выступлению на научно-практической конференции между преподавателем иностранных языков и студентом создавалась ситуация творческого общения. При этом студенты закрепили навыки самостоятельной работы по теме своего выступления, овладели приемами подведения итогов, умением сжимать объемный текст.

Участие студентов в конференциях подобного рода позволяет повысить свой уровень владения иноязычными речевыми навыками и умениями, овладеть искусством публичных выступлений. Авторы статьи, преподаватели кафедры иностранных языков, координировали деятельность студентов для участия в подобном мероприятии на иностранном языке. Проявленная инициатива со стороны студентов, вне всякого сомнения, свидетельствует о проявлении интереса к изучению иностранного языка и ощущении успеха при участии в таком роде деятельности у самих студентов.

Чтобы определить интерес к изучению иностранного языка, мы решили провести диагностику мотивации к дальнейшему изучению предмета. Диагностика мотивационного комплекса проводилась по окончании изучения предмета — в конце процесса обучения (3-й семестр) в контрольной и экспериментальной группах. В ходе эксперимента была применена методика К. Земфир — А. Реан, адаптированная нами для диагностики мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыкового вуза.

Для получения достоверных результатов мы прибегли к статистическому методу Манна — Уитни с использованием углового преобразования Фишера. Обобщив все результаты, определили, что в контрольной группе (37 человек) мотив к изучению иностранного языка был выявлен только у 15 % студентов, а в экспериментальной группе (39 человек) этот показатель составил 68 %. Таким образом, можно утверждать, что у студентов экспериментальной группы экономического факультета повысилась мотивация, а значит и интерес к изучению иностранного языка в целом.

Выводы. В результате мы пришли к выводу, что используемые нами формы и методы способствуют активизации учебной деятельности и предоставляют возможности студентам неязыкового вуза для развития интереса к изучению такого сложного предмета, как иностранный язык. Значимость экспериментального исследования заключается в том, что оно было подтверждено на практике, стимулировало интерес студентов к изучению иностранного языка и позволило им сохранить мотивацию на протяжении всего учебного процесса.

Список источников

1. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования : учеб. для вузов. — 2-изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2024. — 395 с.
2. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. — М., 2000. — 281 с.
3. Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык) : дис. ... канд. пед. наук. — М., 2019. — 234 с.
4. Литвинова В. М., Сарафанова Т. В. Обучение профессиональному переводу как часть образовательного процесса в вузе (на примере Ижевской ГСХА) // Научные разработки и инновации в решении стратегических задач агропромышленного комплекса : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Ижевск, 2022. — С. 255–258.
5. Ольшевская М. В. Деятельностный подход в коммуникативно-ориентированном обучении иностранному языку. — Мн. : Белорус. гос. ун-т, 2010. — 191 с.
6. Сарафанова Т. В., Шурин В. Ф., Литвинова В. М. Ассоциативные термины в текстах технической и музыкальной направленности // Язык. Культура. Коммуникация : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. им. проф. С. А. Борисовой, приуроч. к 35-летию Ульянов. гос. ун-та. — 2023. — С. 179–182.
7. Сафонова В. В. Проблема задания на уроке иностранного языка : учеб. пособие. — М., 2000. — 276 с.

8. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс : пособие для студентов пед. вузов и учителей. — М., 2008. — 272 с.
9. Хуторской А. В. Дидактика : учеб. для вузов. — СПб. : Питер, 2017. — 406 с.
10. Шибанова-Роевко Е. А., Лялина Т. Г. Интеллектуальные карты — как один из методов креативного обучения // Новые подходы в антикризисном управлении : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. — М. : РУДН, 2013. — URL : <http://econf.rae.ru/article/7410> (дата обращения: 13.04.2024).

References

1. Seer E. F. *Psikhologiya professionalnogo obrazovaniya: ucheb. dlya vuzov*. [Psychology of professional education: textbook for universities]. Moscow, Yurait, 2024, 395 p. (In Russian).
2. Galskova N. D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam*. [Modern methodology of teaching foreign languages]. Moscow, 2000, 281 p. (In Russian).
3. Kozulyaev A. V. *Integrativnaya model obucheniya audiovizualnomu perevodu (angliyskiy yazyk): dis. ... kand. ped. nauk*. [Integrative model of teaching audiovisual translation (the English language): dissertation ... of Candidate of Pedagogy]. Moscow, 2019, 234 p. (In Russian).
4. Litvinova V. Moscow, Sarafanova T. V. Teaching professional translation as part of the educational process at university (experience of Izhevsk State Agricultural Academy). *Nauchnyye razrabotki i innovatsii v reshenii strategicheskikh zadach agropromyshlennogo kompleksa: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Research developments and innovations in solving strategic problems of the agro-industrial complex: proceedings of International scientific-practical conference]. Izhevsk, 2022, pp. 255–258. (In Russian).
5. Olshevskaya M. V. *Deyatelnostnyy podkhod v kommunikativno-oriyentirovannom obuchenii inostrannomu yazyku*. [Activity-based approach in communicative-oriented teaching of a foreign language]. Minsk, Belorussian State University Publ., 2010, 191 p. (In Russian).
6. Sarafanova T. V., Shurin V. F., Litvinova V. M. Associative terms in technical and musical texts. *Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya: materialy XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. im. prof. S. A. Borisovoy, priuroch. k 35-letiyu Ulyanov. gos. un-ta*. [Language. Culture. Communication: materials of the XVI Int. scientific-practical conf named after prof. S. A. Borisova, dedicated to the 35th anniversary of Ulyanovsk State University]. 2023, pp. 179–182. (In Russian).
7. Safonova V. V. *Problema zadaniya na uroke inostrannogo yazyka: ucheb. posobiye*. [Problem-solving tasks in a foreign language class: study guide]. Moscow, 2000, 276 p. (In Russian).
8. Solovova E. N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: prodvinutyy kurs: posobiye dlya studentov ped. vuzov i uchiteley*. [Methods of teaching foreign languages: an advanced course: a study guide for students of pedagogical universities and teachers]. Moscow, 2008, 272 p. (In Russian).
9. Khutorskoy A. V. *Didaktika: ucheb. dlya vuzov*. [Didactics: a textbook for universities]. St. Petersburg, Piter, 2017, 406 p. (In Russian).
10. Shibanova-Roenko E. A., Lyalina T. G. Mind mapping as a method of creative learning. *Novyye podkhody v antikrizisnom upravlenii: materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [New approaches to crisis management: materials of the I International scientific-practical conference]. Moscow, RUDN, 2013. Available at: <http://econf.rae.ru/article/7410> (accessed: 13.04.2024). (In Russian).

Информация об авторах

Сарафанова Татьяна Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Удмуртского государственного аграрного университета.

Литвинова Вера Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Удмуртского государственного аграрного университета.

Information about the authors

Sarafanova Tatyana Vyacheslavovna — Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Udmurt State Agrarian University.

Litvinova Vera Mikhaylovna — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Udmurt State Agrarian University.

Статья поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 12.07.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 81–87.

Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal. 2024, no. 3 (71), pp. 81–87.

Научная статья

УДК 004.85:378.147

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.010

Подготовка будущих педагогов к применению дистанционных образовательных технологий: результаты онлайн-опроса

Фулин Владимир Андреевич

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязань, Россия

v.fulin@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Формирование готовности будущих педагогов к применению дистанционных образовательных технологий является необходимым условием для удовлетворения потребностей цифровой экономики в кадрах. Целью исследования является изучение и анализ взглядов студентов, обучающихся по педагогическим направлениям, на потенциал дистанционных образовательных технологий в учебном процессе. Исследование основано на теоретических (анализ, систематизация, обобщение положений научной литературы по теме исследования) и эмпирических методах (анализ результатов опроса студентов). Сделан вывод, что в условиях цифровой трансформации образования у будущего педагога необходимо сформировать ИКТ-компетенции, связанные с применением дистанционных образовательных технологий, созданием интерактивного контента, организацией и проведением вебинаров, размещением лекционного материала, осуществлением коммуникации между участниками учебного процесса в цифровой образовательной среде. Перспективы исследований могут быть связаны с анализом влияния некоторых групп сквозных технологий на учебный процесс с элементами дистанционных образовательных технологий и подготовкой студентов к их использованию в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: дистанционные образовательные технологии, цифровая трансформация образования, цифровая образовательная среда, цифровая экономика, будущие педагоги, сквозные технологии.

Для цитирования: Фулин В. А. Подготовка будущих педагогов к применению дистанционных образовательных технологий: результаты онлайн-опроса // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 81–87. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.010.

Original article

Preparing future teachers to use distance education technologies: results of an online survey

Vladimir Andreyevich Fulin

Ryazan State University named for S. A. Yesenin,

Ryazan, Russia

v.fulin@365.rsu.edu.ru

Abstract. The formation of future teachers' readiness to use distance education technologies is a necessary condition for meeting the needs of the digital economy in professionals. The purpose of the research is to study and analyze the views of students trained for educational careers concerning the potential of distance learning technologies in the educational process. The study is based on theoretical (analysis, systematization, review of research literature on the topic) and empirical methods (analysis of student survey results). It is concluded that in the conditions of digital transformation of education in the future teacher it is necessary to form ICT competencies related to using distance learning technologies, creation of interactive content, organization and conduct of webinars, uploading of lecture materials, organizing communication between participants of the educational

process in the digital environment. Further prospects for this research can be related to the analysis of the impact of some groups of end-to-end technologies on the educational process with elements of distance education technologies and training students to employ them in professional activities.

Keywords: distance education technologies, digital transformation of education, digital educational environment, digital economy, future teachers, end-to-end technologies.

For citation: Fulin V. A. Preparing future teachers to use distance education technologies: results of an online survey // Psikhologo-pedagogicheskiy poisk [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 81–87. (In Russian). DOI: 10.37724/RU.2024.71.3.010.

Введение. Согласно указу Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», цифровая трансформация является одной из ключевых национальных целей, направленных на устойчивое экономическое и социальное развитие России. Особое внимание при этом уделяется повышению эффективности здравоохранения и образования (О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, 2024). Под термином «цифровизация образования» будем понимать переход от традиционного образования к цифровому (Стариченко, 2020), при котором основной акцент делается на форме представления информации в образовательном процессе. При этом в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» отмечается, что «...численность подготовки кадров и соответствие образовательных программ нуждам цифровой экономики недостаточны» (Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации», 2017, с. 6). Данное противоречие обусловило проблему подготовки будущих педагогов к применению цифровых технологий в условиях трансформации современного образования.

Цель исследования — выявить мнение студентов, обучающихся по УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки», о перспективах использования дистанционных образовательных технологий в учебном процессе.

Для проведения исследования выполнены следующие задачи:

- 1) сформирован набор вопросов для проведения онлайн-опроса и создана анкета в сервисе Yandex Forms;
- 2) проведен онлайн-опрос обучающихся по УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки»;
- 3) проанализированы полученные результаты;
- 4) сделаны выводы об особенностях применения дистанционных образовательных технологий в учебном процессе и путях совершенствования подготовки будущих педагогов в соответствии с нуждами цифровой экономики.

Гипотеза исследования: изучение методики применения цифровых технологий, в частности дистанционного образования, способствует формированию современного педагога в условиях цифровизации.

Методы исследования. Теоретические методы включали анализ, систематизацию и обобщение положений научной литературы по проблеме подготовки будущих педагогов к применению дистанционных образовательных технологий. Проанализированы официальные документы: указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», постановление Правительства Российской Федерации от 11 октября 2023 года № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ», распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р. «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”», ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки). Эмпирическая база исследования включает результаты опроса 72 обучающихся по УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки» Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. Для проведения анализа опроса был использован метод интерпретации результатов на основе подсчетов. Интерпретация предполагает построение содержательных выводов на базе стандартизированных баллов по отдельным шкалам и их сочетаниям.

Обсуждение основных результатов. По результатам анализа исследований и публикаций выявлен ряд аспектов подготовки будущих педагогов к применению дистанционных образовательных технологий. Формированию категории «цифровое образование», ее содержательной трактовке (процесс организации взаимодействия между обучающимися и обучающимся при движении от цели к результату в цифровой образовательной среде, основными средствами которой являются цифровые технологии, цифровые инструменты и цифровые следы как результаты учебной и профессиональной деятельности в цифровом формате), сущности (образование как процесс, образование как результат), составляющим компонентам (цифровые технологии, цифровые инструменты, цифровые следы) и структуре (цифровая образовательная среда, цифровые процессы организации учебного процесса, цифровые процессы проверки знаний, цифровые технологии организации обучения, цифровой контент и др.) посвящены работы И. В. Роберт, М. Е. Вайндорф-Сысоевой, Б. Е. Стариченко, В. Н. Погодина. Развитие понятий «электронная информационная образовательная среда» и «цифровая образовательная среда» (как специальным образом организованные ресурсы для целей образования) отражено в публикациях М. Э. Кушнира, А. В. Морозова. Вопросы, связанные с проблемой формирования готовности к профессиональной деятельности у студентов педагогических вузов, в том числе с цифровыми компетенциями при использовании дистанционных образовательных технологий, освещены в статьях Н. А. Глузман, Л. И. Мироновой. Н. А. Глузман указывает, что «для преподавателя, который действует в рамках дистанционного образования, необходим более высокий уровень ИКТ-компетентности, без которой эффективное использование нового инструментария невозможно» (Глузман, 2018, с. 54). Многие авторы отмечают, что происходящие в сфере высшего образования изменения требуют существенного пересмотра процесса формирования компетенций современного преподавателя (Миронова, 2019).

Проведенное анкетирование позволило определить мнение будущих педагогов по вопросам, связанным с применением дистанционных образовательных технологий.

Половозрастной анализ респондентов показал наличие 37 % (27 человек) обучающихся в возрасте 18 лет, 42 % (30 человек) обучающихся в возрасте 19 лет, 17 % (12 человек) — 20 лет и 4 % (3 человека) — 22 лет. Таким образом, анализ в основном охватывает студентов младших курсов. Из них 71 % девушек и 29 % юношей, что характерно для обучающихся на УГСН 44.00.00. Большинство (92 %) из опрошенных планирует использовать дистанционные технологии в учебном процессе.

В связи с этим закономерным кажется ответ на вопрос о влиянии использования дистанционных технологий на нагрузку преподавателя: 46 % опрошиваемых ответили, что нагрузка на преподавателя уменьшается, 33 % — что не влияет и только 21 % студентов считают, что нагрузка увеличится. При этом основной трудностью для преподавателя 46 % опрошенных видят слабое знание технических аспектов работы с дистанционными образовательными технологиями; слабое знание методики организации дистанционного взаимодействия отмечают 38 %, а сложности с работой конкретной образовательной платформой указали лишь 16 % обучающихся (рис. 1).

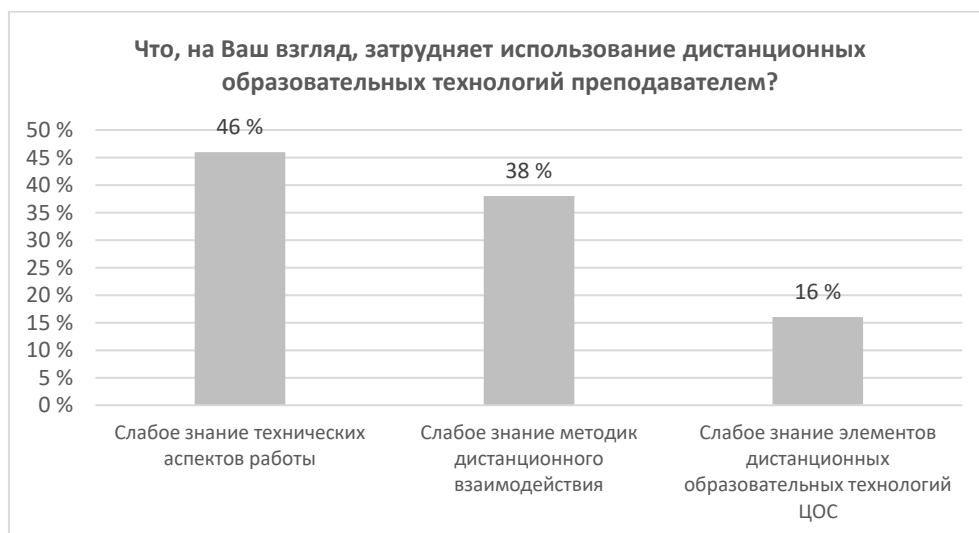

Рис. 1. Опрос «Что, на Ваш взгляд, затрудняет использование дистанционных образовательных технологий преподавателем?»

Особенностью проведения онлайн-занятий является отсутствие физического контакта с аудиторией, что частично решается проведением онлайн-лекций в различных форматах, которые также имеют существенные технические и физические ограничения. Например, такой форме занятий свойственна утрата сосредоточенности и внимания слушателей. В связи с этим показательным результатом опроса (рис. 2) является отсутствие голосов за размещение лекционного материала в виде видеозаписей без возможности задавать вопросы преподавателю. Ответы на остальные предложенные варианты распределились следующим образом: «размещение текста лекций» — 42 %, «вебинары с возможностью живого общения» — 33 %, «онлайн-лекции с возможностью задавать вопросы текстом» — 25 %.

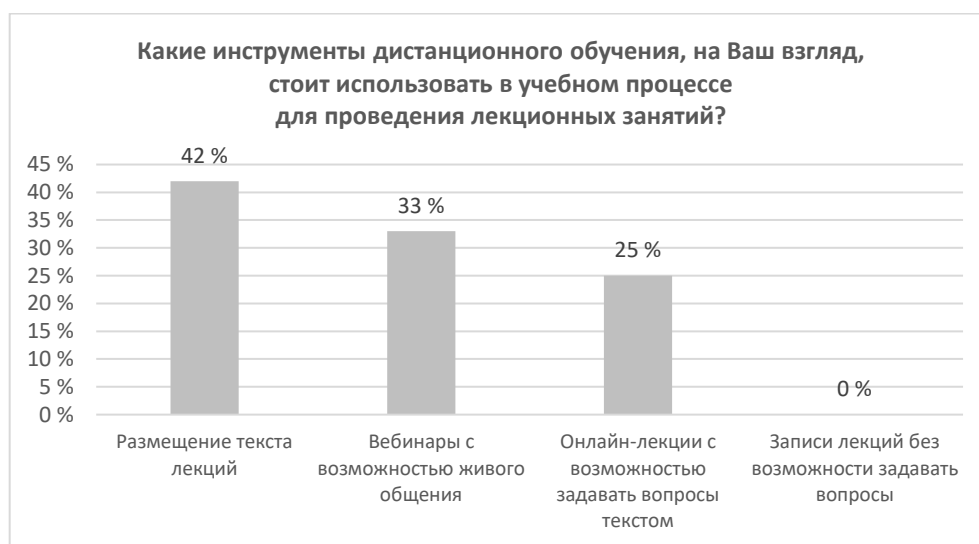

Рис. 2. Опрос «Какие инструменты дистанционного обучения, на Ваш взгляд, стоит использовать в учебном процессе для проведения лекционных занятий?»

Использование инструментов коммуникации в рамках дистанционного обучения играет важную роль при формировании современного учителя в условиях цифровой трансформации образования. При этом взаимодействие в цифровой образовательной среде (ЦОС) накладывает свои особенности на формат этой коммуникации (Вайндорф-Сысоева, Панькина, 2021). Наличие разнообразных средств коммуникаций, а также требований ФГОС ВО о том, что ЦОС образовательной организации должна обеспечивать «взаимодействие между участниками образовательного процесса, в том числе синхронное и (или) асинхронное взаимодействие посредством сети Интернет» (Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), 2018, с. 10) не может существенно повлиять на эту ситуацию, так как цифровые инструменты коммуникации в рамках ЦОС часто не известны педагогам. На помощь в этом случае приходят сторонние интернет-мессенджеры. Эта гипотеза подтверждается результатами опроса (рис. 3): для дистанционного взаимодействия 40 % респондентов планирует использование мессенджеров, 36 % — средства ЦОС, а 24 % — возможности социальных сетей.

Преподавателем будущего станет компетентный, креативный, мотивированный и открытый новому специалист, который способен использовать цифровые технологии для повышения качества образования и подготовки обучающихся к жизни в цифровом мире. Формирование у будущих преподавателей ИКТ-компетенций в области применения средств дистанционных образовательных технологий является сложной и комплексной задачей.

Цифровые компетенции педагога — его способность эффективно использовать средства и методы информатики и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для решения профессиональных задач. Он должен уметь собирать, обрабатывать, передавать и хранить информацию, создавать информационные материалы для автоматизации учебного процесса, а также организовывать информационное взаимодействие между участниками образовательного процесса с помощью ИКТ. При этом многообразие таких средств еще более усложняет проблему.

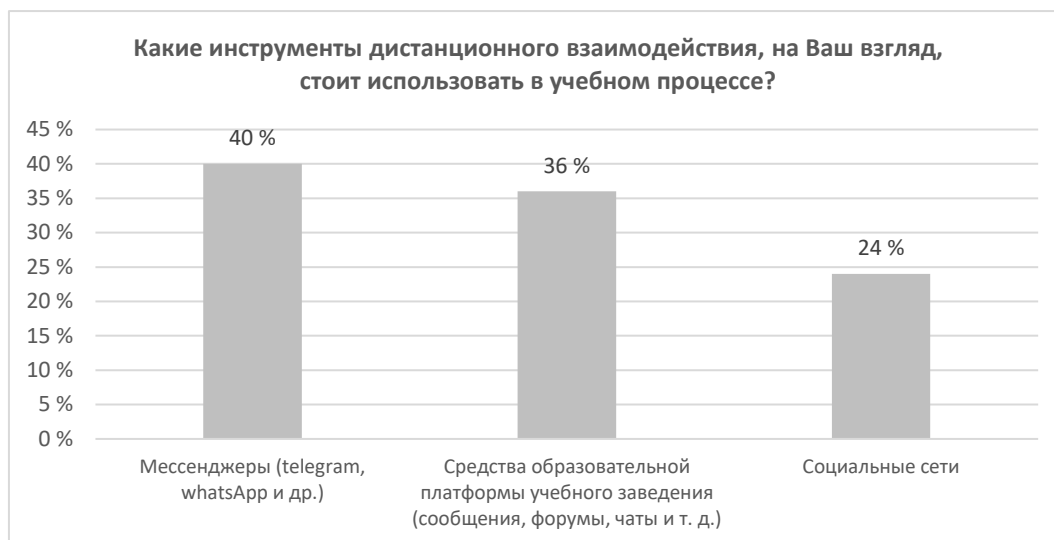

Рис. 3. Опрос «Какие инструменты дистанционного взаимодействия, на Ваш взгляд, стоит использовать в учебном процессе?»

Следовательно, важным вопросом является выбор этих средств. По результатам опроса 23 % респондентов хотели бы научиться создавать интерактивные задания, 21 % опрошенных — тесты, 21 % интересна организация и проведение вебинаров, 19 % — программирование и 16 % — создание презентаций (рис. 4).

Рис. 4. Опрос «Какие навыки для работы с дистанционными образовательными технологиями Вы бы хотели получить в университете?»

Следует отметить, что на современном этапе цифровой трансформации образования отмечается активное внедрение в учебный процесс сквозных цифровых технологий (Ручкин, Асаев, Фулин, Ручкина, 2024) в том числе в дистанционной форме. К перспективным с этой точки зрения направлениям, по нашему мнению, можно отнести технологии искусственного интеллекта и технологии виртуальной и дополненной реальности. Однако анализ необходимых компетенций, требующихся будущим педагогам для использования, выходит за границы статьи.

Выводы и перспективы исследований. Таким образом, в статье проанализированы мнения и оценки обучающихся по УГСН 44.00.00 и сделан вывод о том, что для подготовки современного педагога в условиях цифровизации необходимо сформировать ИКТ-компетенции для применения технологий дистанционного образования (методических, программных, аппарат-

ных). Кроме того, актуальными являются вопросы формирования навыков создания интерактивного контента, организации и проведения вебинаров, размещения лекционного материала, осуществления коммуникации между участниками учебного процесса.

Вместе с тем в связи с внедрением в образовательный процесс сквозных цифровых технологий специфика формирования у будущих педагогов ИКТ-компетенций, связанных с дистанционными образовательными технологиями, по-прежнему остается перспективной и требует продолжения исследований.

Список источников

1. Вайндорф-Сысоева М. Е., Панькина Е. В. Специфика учебно-педагогического взаимодействия в цифровой образовательной среде // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2021. — № 2 (42). — С. 92–100.
2. Вайндорф-Сысоева М. Е., Субочева М. Л. «Цифровое образование» как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Педагогика». — 2018. — № 3. — С. 25–36. — DOI: 10.18384/2310-7219-2018-3-25-36.
3. Глузман Н. А. Высшая школа и система компетенций педагога // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2018. — № 3 (47). — С. 91–96.
4. Кушнир М. Э. Цифровая образовательная среда. Директория. — URL : <https://medium.com/direktoria-online/the-digital-learning-environment-f1255d06942a> (дата обращения: 02.07.2024).
5. Миронова М. И., Игошев Б. М., Шамало Т. Н. Педагогическое образование в России. — 2019. — № 9. — С. 142–149. — DOI: 10.26170/po19-09-1.
6. Морозов А. В., Небродовская-Мазур Е. Ю., Матвеева И. П. Цифровая образовательная среда в период пандемии COVID-19: реалии и перспективы // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2022. — № 1. — С. 25–31. — DOI: 10.24412/1994-3776-2022-1-25-31.
7. О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // НЦР РФ. — URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 01.07.2024).
8. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение П-ва РФ от 28.07.2017 № 1632-р. // ЦЭ РФ. — URL : <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).
9. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) : приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 № 125 (ред. от 27.02.2023) (зарег. в Минюсте России 15.03.2018 № 50358) // ФГОС ВО. — URL : <https://base.garant.ru/71897864/> (дата обращения: 20.06.2024).
10. Погибельская Н. Б., Погибельский А. П. Организация проведения лекционных занятий в системе технического образования в условиях дистанционной формы обучения // Современное педагогическое образование. — 2024. — № 4. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-provedeniya-lektsionnyh-zanyatiy-v-sisteme-tehnicheskogo-obrazovaniya-v-usloviyah-distantsionnoy-formy-obucheniya> (дата обращения: 02.07.2024).
11. Привалов А. Н., Богатырева Ю. И., Романов В. А. Инжиниринговый центр как инновационный компонент профессиональной подготовки бакалавров IT-направлений // Образование и наука. — 2019. — Т. 21, № 7. — С. 90–112. — DOI: 10.17853/1994-5639-2019-7-90-112.
12. Ручкин В. Н., Асаев А. С., Фулин В. А., Ручкина Е. В. Сквозные технологии / под ред. В. Н. Ручкина. — М. : Курс, 2024. — 140 с.
13. Стариченко Б. Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. — 2020. — № 3. — С. 49–58. — DOI: 10.26170/po20-03-05.

References

1. Weindorf-Sysoeva M. E., Pankina E. V. Specificity of teaching interaction in a digital educational environment. *Professionalnoye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom*. [Professional Education in Russia and abroad]. 2021, iss. 2 (42), pp. 92–100. (In Russian).
2. Weindorf-Sysoeva M. E., Subocheva M. L. “Digital education” as a system-forming category: approaches to its definition. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. “Pedagogika”*. [Bulletin of Moscow State Regional University. Series “Pedagogy”]. 2018, iss. 3, pp. 25–36. DOI: 10.18384/2310-7219-2018-3-25-36. (In Russian).
3. Gluzman N. A. Higher school and the system of teacher competencies. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scholarly notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 2018, iss. 3 (47), pp. 91–96. (In Russian).

4. Kushnir M. E. Digital educational environment. *Direktoriya*. [Directory]. Available at: <https://medium.com/direktoria-online/the-digital-learning-environment-f1255d06942a> (accessed: 02.07.2024). (In Russian).
5. Mironova M. I., Igoshev B. M., Shamalo T. N. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. [Pedagogical education in Russia]. 2019, iss. 9, pp. 142–149. DOI: 10.26170/po19-09-1. (In Russian).
6. Morozov A. V., Nebrodovskaya-Mazur E. Yu., Matveeva I. P. [Digital educational environment during the COVID-19 pandemic: realities and prospects. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. [Telescope: journal of sociological and marketing research]. 2022, iss. 1, pp. 25–31. DOI: 10.24412/1994-3776-2022-1-25-31. (In Russian).
7. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309. *NCR RF*. [NCR RF]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (accessed: 01.07.2024). (In Russian).
8. On approval of the program “Digital Economy of the Russian Federation”: order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r. *TsE RF*. [TsE RF]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (accessed: 01.07.2024).
9. On approval of the federal state educational standard of higher education – bachelor’s degree in the field of training 44.03.05 “Pedagogical education” (with two training profiles): order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 22.02.2018 No. 125 (as amended on 22.02.2023) (registered in the Ministry of Justice of Russia on 15.03.2018 No. 50358). *FGOS VO*. [FSES VO]. Available at: <https://base.garant.ru/71897864/> (accessed: 20.06.2024). (In Russian).
10. Pogibelskaya N. B., Pogibelsky A. P. Organization of lecture classes in technical education in the context of distance learning. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye*. [Modern pedagogical education]. 2024, iss. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-provedeniya-lektsionnyh-zanyatiy-v-sisteme-tehnicheskogo-obrazovaniya-v-usloviyah-distantsionnoy-formy-obucheniya> (accessed: 02.07.2024). (In Russian).
11. Privalov A. N., Bogatyreva Yu. I., Romanov V. A. Engineering Center as an Innovative Component of Professional Training of Bachelors in IT. *Obrazovaniye i nauka*. [Education and Science]. 2019, vol. 21, iss. 7, pp. 90–112. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-7-90-112. (In Russian).
12. Ruchkin V. N., Asaev A. S., Fulin V. A., Ruchkina E. V. *Skvoznyye tekhnologii. Pod red. V. N. Ruchkina*. [End-to-end technologies. Ed. by V. N. Ruchkin]. Moscow, Kurs, 2024, 140 p. (In Russian).
13. Starichenko B. E. Digitalization of education: illusions and expectations. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. [Pedagogical education in Russia]. 2020, iss. 3, pp. 49–58. DOI: 10.26170/po20-03-05. (In Russian).

Информация об авторах

Фулин Владимир Андреевич — начальник отдела дистанционных образовательных проектов управления информационных технологий Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Fulin Vladimir Andreyevich — Head of the Department of Distance Educational Projects of the Information Technology Department of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 22.06.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 20.06.2024; approved after reviewing 22.06.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Актуальные проблемы психологии личности и индивидуальности

Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 88–96.

Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal. 2024, no. 3 (71), pp. 88–96.

Научная статья

УДК 159.922.8

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.011

Система жизненных смыслов у современных подростков и юношества

Башкирева Анастасия Викторовна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязань, Россия

a.bashkireva@365.rsu.edu.ru

Кнель Анна Станиславовна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязань, Россия

a.knel2310@stud.rsu.edu.ru

Назарова Юлия Валентиновна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, школа № 10

Рязань, Россия

yu.nazarova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Статья представляет собой результаты исследования, направленного на изучение системы жизненных смыслов у подростков и юношества. В ней приводятся аргументы, которыми обосновывается важность изучаемой проблемы: во-первых, подростковый и юношеский возраст является сензитивным для определения индивидуального смысла жизни. Во-вторых, современная нестабильность морально-нравственных ориентиров создает для подрастающего поколения дополнительные сложности в определении собственной системы ценностей. В-третьих, психолого-педагогическая общественность понимает и все более проявляет ответственность за будущее, которое напрямую зависит от выработанных подростками и юношеством ценностных ориентаций.

Особую значимость данная проблема приобретает для студентов педагогических направлений подготовки (респондентов юношеского возраста), проходящих педагогическую практику в среднем звене школы (с учащимися подросткового возраста).

В статье предлагается современное наполнение понятия «смысл жизни» как полноценной гармоничной жизни человека здесь и сейчас при успешном решении им всех возникающих проблем с позиции высокой нравственности, что осознается человеком как высокоценная идея, направляющая его во всех аспектах жизнедеятельности.

Полученные результаты в ходе дальнейшего изучения проблемы могут быть направлены на практическое создание и использование комплекса психолого-педагогических мероприятий для активизации становления оптимальной системы жизненных смыслов, а также на усиление влияния такой системы на психологическое благополучие и нравственное развитие личности обучающихся подростков и юношества.

Ключевые слова: поиск смысла жизни, смысложизненные ориентации, система жизненных смыслов, ценностные ориентации, экзистенциальная психология, подростки и юношество, возрастная психология, методика В. Ю. Котлякова «Система жизненных смыслов».

Для цитирования: Башкирева А. В., Кнель А. С., Назарова Ю. В. Система жизненных смыслов у современных подростков и юношества // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 88–96. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.011.

Original article

Systems of life goals in modern adolescents and young adults

Anastasia Viktorovna Bashkireva

Ryazan State University named for S. A. Yesenin
Ryazan, Russia
a.bashkireva@365.rsu.edu.ru

Anna Stanislavovna Knel

Ryazan State University named for S. A. Yesenin
Ryazan, Russia
a.knel2310@stud.rsu.edu.ru

Yulia Valentinovna Nazarova

Ryazan State University named for S. A. Yesenin
School № 10
Ryazan, Russia
yu.nazarova@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article presents the results of a research aimed at studying the system of life meanings in adolescents and young people. It substantiates the importance of the problem under study: firstly, adolescence and young adulthood is a sensitive age for determining individual life goals. Secondly, the obvious modern instability of moral and ethical guidelines creates additional difficulties for the younger generation in determining their personal systems of values. Thirdly, the psychological and pedagogical community understands and increasingly shows responsibility for the future, which directly depends on the value orientations developed by adolescents and young adults.

This problem is especially relevant for college students in teacher training (young adult respondents) who undergo pedagogical practice in secondary school (teaching adolescent students).

The article proposes a modern understanding of the concept of “life purpose” as a full-fledged harmonious life of a person here and now, successfully coping with arising problems from the standpoint of high morality, which is realized by a person as a highly valuable idea that guides them in all aspects of life activity.

The results obtained in the course of further study of the problem can focus on the development creation and use of a set of psychological and pedagogical measures to activate the formation of an optimal system of life values, as well as to strengthen the influence of such a system on the psychological well-being and moral development of the personality of adolescents and young people.

Keywords: search for the meaning of life, life orientations, system of life goals, value orientations, existential psychology, adolescents and young people, age psychology, V. Y. Kotlyakov’s methodology “System of Life Goals.”

For citation: Bashkireva A. V., Knel A. S., Nazarova Yu. V. Systems of life goals in modern adolescents and young adults // Psikhologo-pedagogicheskiy poisk [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 88–96. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.011.

Введение. Достигнув определенного уровня психофизического и личностного развития, каждый подросток и юноша начинает задумываться о смысле жизни.

Подростковый и юношеский возраст — это время принятия ответственных решений, морального выбора ориентиров для выстраивания своей жизненной траектории. Если эти моральные поиски приведут к адекватному пониманию ориентиров (смыслов, целей, жизненных задач), то человек получает весомый импульс для социализации и дальнейшего развития. Однако в настоящее время подростки сталкиваются с рядом вызовов и проблем, которые могут оказать негативное влияние на их систему жизненных смыслов. Отсутствие ясности и недостаточное осоз-

знание собственных ценностей могут привести подростков к решениям, которые не соответствуют их будущему благополучию. А непонимание жизненных ориентиров, усвоение ложных представлений о смысле жизни может просто «сломать» жизнь молодого человека, привести к трагедии непонимания жизненных смыслов, конфликтам с окружающими, к отчуждению от них, заикливанию на нерешенных проблемах, уходу в нерациональные виды поведения (Давлетгаряева, 2012). Эти обстоятельства обостряют ответственность психолого-педагогического сообщества, родителей подростков и юношества за качество и эффективность подготовки к самостоятельной жизни в период их поисков, моральных размышлений о смыслах, задачах и цели жизни.

Цель исследования — определение специфики системы жизненных смыслов в подростковом и юношеском возрасте.

Нами была определена **гипотеза исследования**, заключающаяся в предположении, что существует связь между возрастом и системой жизненных смыслов у подростков и юношей: подростки склонны к формированию обширных, зачастую отвлеченных и разнообразных жизненных смыслов, в то время как у юношей будет наблюдаться уточнение и углубление этих смысловых ориентаций.

Методики исследования: анализ и обобщение научных и открытых интернет-источников по экзистенциальной проблеме, а также тестирование школьников-подростков и студентов 2-го курса педагогических направлений подготовки Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (РГУ имени С. А. Есенина) с помощью методики В. Ю. Котлякова «Система жизненных смыслов».

В исследовании приняли участие 27 учеников 7Б класса СОШ № 11 г. Рязани в возрасте 14–15 лет: 14 мальчиков-подростков и 13 девочек-подростков. Исследование также проводилось среди студентов очной формы обучения РГУ имени С. А. Есенина факультета русской филологии и национальной культуры (ФРФНК), факультета физической культуры и спорта (ФФКС) (профиль подготовки «Педагогическое образование» — 27 человек в возрасте 20–21 года. Из них 15 девушек и 12 юношей).

Обсуждение основных результатов. Проблемы поиска, определения, объяснения жизненных смыслов волновали человечество с доисторических времен, сначала — в бытовом, обыденном плане, основанном на донаучных попытках объяснения человеческого поведения через здравый смысл. Потом предпринимались попытки связать смысл жизни с религиозными представлениями о необходимости следования заповедям Божиим. Лишь затем появилась философская научная интерпретация экзистенциальной проблемы.

С развитием психологии как науки с XX века объяснения понятий жизненных смыслов перешли в плоскость научного изучения в рамках данной отрасли в теоретических и эмпирических исследованиях.

В зарубежной психологии первым, кто рассматривал понятие смыслов для объяснения поведенческих проявлений, считается австрийский психолог Зигмунд Фрейд. Он утверждал, что смысл симптомов содержится в бессознательных процессах, осознание которых приводит к их исчезновению (Федичев, 2018). Несмотря на то что теоретические положения З. Фрейда о подчинении психики человека асоциальным инстинктивным влечениям опровергнуты современной наукой, у него было немало сторонников и последователей.

Среди ученых, отошедших от классического фрейдизма, были такие известные личности, как Карл Густав Юнг, основоположник «глубинной» аналитической психологии, и Альфред Адлер, который разработал теорию превосходства, компенсирующего вытесняемое чувство неполноценности. Последний рассматривает смысл жизни в целом неразрывно со смыслом действий, связывая их с образом и стилем жизни, планированием дальнейшего и ответом себе на вопрос «Зачем это надо?». А. Адлер размышляет о роли целеполагания в индивидуальной деятельности. Он считает такую деятельность не наполненной смыслом, если ее цель не осознается человеком. А затем добавляет: «Понимание индивидуального смысла жизни ведет к пониманию всей личности в целом» (цит. по: Зотин, 2014, с. 55).

Созвучны этим представлениям выводы К. Г. Юнга. По его мнению, на определенном жизненном этапе перед людьми встает задача сформулировать для себя смыслы жизни, благодаря которым они смогут жить, однако вся трудность заключается в создании смыслов. Сам смысл жизни связан с определением человеком культурных и духовных целей и является важным условием обретения душевного здоровья, а реализация и нахождение смысла жизни — одна из потребностей и задач каждого человека (Чудновский, 2006).

Представители зарубежной гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс) подчеркивают важность самоактуализации и поиска собственного смысла жизни. Экзистенциальная психология (С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр) акцентирует внимание на осознании человеком своей свободы и ответственности за свою жизнь как основы жизненных смыслов (Коган, 1984).

Наиболее полно концепция жизненных смыслов в зарубежной психологии представлена в работах австрийского психолога и психиатра, основателя логотерапии Виктора Франкла (1905–1997), полагающего, что желание установить, осознать и реализовать жизненные смыслы становится ведущим фактором, обуславливающим поведение человека, а совесть помогает найти эти смыслы.

Смыслы, по В. Франклу, воплощаются в трех группах ценностей, в которых обобщен опыт предыдущих поколений (Анцыферова, 1998). Во-первых, это деятельность, предусматривающая включение креативного, оригинального компонента, будь то выполнение профессиональных обязанностей либо связанная с каким-либо увлечением. Во-вторых, чувства и переживания. В-третьих, это ценности отношений как осознанной позиции в типичных жизненных ситуациях, требующих выбора.

Реализация смысла сопровождается душевным подъемом, ощущением радости и счастья. Чем гармоничнее индивидуальная система смыслов жизнедеятельности человека, тем уникальнее его личность и он эффективнее в преодолении трудностей и невзгод. К такому выводу В. Франкл пришел на основе своего опыта заточения в фашистском концлагере, где не только выживали, но и сохраняли человеческий облик узники, не потерявшие смысл жизни, продолжавшие борьбу и приближающие будущую победу над «чумой» XX века.

Тем не менее экзистенциальный вакуум (как потеря жизненного смысла) предопределяет беспомощность человека перед вызовами времени, становится основой его невротизации, депрессивности, ухода в психосматику, замену смысла достижений гедонистическими эрзац-смыслами через эгоистические удовольствия, в том числе получаемые с помощью психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков, токсических веществ). Это в конечном счете приводит к ощущению безвыходности, усталости от бесцельного существования, саморазрушению и физическому уходу из жизни.

В отечественной психологии проблема жизненных смыслов изучалась многими учеными: Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, Л. И. Божович, И. С. Коном, Д. А. Леонтьевым, Л. И. Анцыферовой, Н. В. Федичевым, В. Ю. Котляковым и др. (Леонтьев, 1990, 1999, 2002).

Отечественная наука сегодня опирается на концепцию смысловой сферы личности, разработанную А. Н. Леонтьевым и его последователями. Эта концепция рассматривает систему жизненных смыслов как то, что определяет нашу жизнь, формирует нашу личность и влияет на наше поведение. Ученый подчеркивает, что каждый человек имеет свою уникальную систему жизненных ценностей, которая определяется его воспитанием, культурой, жизненным опытом и субъективными предпочтениями. Система жизненных смыслов подвержена постоянным изменениям и развитию на протяжении всей жизни человека.

Одним из ключевых выводов исследований А. Н. Леонтьева является его указание на то, что осознание собственной системы жизненных смыслов и работа над ее развитием способны помочь человеку определить смысл и цель в жизни. Ученый подчеркивает важность социокультурного контекста при изучении системы жизненных смыслов. Он отмечает, что наши ценности и смыслы в значительной мере формируются взаимодействием с окружающим миром и другими людьми (Леонтьев, 1977).

Научные исследования проблемы смысла жизни продолжились и в XXI веке. В последние годы были сделаны значительные успехи в теоретических исследованиях в области определения понятия «смысл жизни». Были предприняты попытки определить его современное содержание как полноценной гармоничной жизни человека здесь и сейчас, при успешном решении им всех возникающих проблем с позиции высокой нравственности.

В настоящее время его определяют как «идею, содержащую в себе цель жизни человека, которая им самим “присвоена” и стала для него очень высокой ценностью» (Серый, 2004, с. 9).

Справедливость теоретических положений необходимо подтверждать результатами эмпирических исследований, выявляющих особенности формирования и демонстрации жизненных смыслов у современников.

Было выявлено, что, помимо теоретических исследований, также необходимы и экспериментальные, направленные на выявление особенностей становления и проявления смысла жизни человека в современном обществе. Особый интерес представляет изучение представлений о смысле жизни разных возрастных групп, в частности подростков и молодежи, так как именно в этом возрасте человек начинает активно формировать свою позицию в жизни.

Для нас наибольший интерес представляет собой изучение мыслей о смысле жизни подростков и молодежи, поскольку в этом возрасте (по Жан Жаку Руссо) происходит личностное рождение человека, определяется система ценностей, его жизненная позиция.

Недостаточное изучение проблемы создает некоторые трудности при взаимодействии с подростками и молодыми людьми и ухудшает качество их жизни. Данное обстоятельство проявляется и во время педагогической практики, которую проходят юноши и девушки — студенты педагогических направлений подготовки в среднем звене общеобразовательных школ, то есть со школьниками подросткового возраста. Также следует учитывать, что система жизненных смыслов является динамической и может меняться в течение жизни человека под влиянием обстоятельств и собственного развития. Это также создает сложности при изучении темы и обобщении результатов исследований.

Подростничество — переходный от детства ко взрослости возраст с широкой вариабельностью границ — обычно ограничивается периодом с 11–13 до 17–18 лет. Именно тогда благодаря активной физической и гормональной перестройке происходят заметные перемены в эмоциональном, психологическом и социальном статусе ребенка.

Одной из главных особенностей подросткового возраста является интенсивное развитие личности, формирование собственного «Я», поиск своего места в мире. Возрастает способность к целеполаганию, самоконтроль при достижении поставленных целей и самокритичность (Рымкевич, Жуков, 1984).

Формирование жизненных смыслов у подростков происходит под влиянием множества факторов, включая семью, школу, друзей, культуру и личные интересы. Подростки начинают задумываться над вопросами о своем месте в мире, о своих целях и о том, что для них действительно важно в жизни. Они могут испытывать сомнения и неуверенность в своих убеждениях и ценностях, что может привести к поиску новых смыслов и целей. Важно, чтобы взрослые поддерживали этот процесс и помогали подросткам находить свои собственные ответы на эти вопросы (Кузьмина, 2014, с. 25).

Становление личности продолжается и в следующем (юношеском) возрастном периоде (от 17 до 25 лет). Юноши и девушки стремятся к самоопределению, к формированию конкретных жизненных ценностей и установок, выбирают и апробируют себя в профессии. Они продолжают определять свои жизненные перспективы, думают о будущем, выбирают свои жизненные смыслы, цели и приоритеты.

Напряженная рефлексивная деятельность юношества, когда вопросов больше, чем ответов на них, часто сопровождается дистимичным настроением, ощущением одиночества, отверженности, экзистенциального вакуума, потребностью заполнить чем-нибудь внутреннюю пустоту, избавившись таким образом от беспокойства и тревоги. Такую особенность юношества в ряде зарубежных исследований считают субъективным маркером данного возраста (Анцыферова, 1998, с. 11). Негативные переживания, юношества учеными объясняются маргинальностью (промежуточностью) положения юношей и девушек. Отсюда всем известное синонимическое понятие «переходный» возраст, подчеркивающее специфичность и значимость окончательного перехода человека из детства во взрослость.

В противовес «смутному беспокойству» ученые выявили взаимозависимость между сформированностью у человека адекватных жизненных смыслов и его положительным эмоциональным состоянием, которое сопровождается:

- осознанием своего места в жизни, своей миссии, целей и целеустремленностью в их достижении;
- адекватной самооценкой и пониманием своей значимости для других людей;
- высокими коммуникативными компетенциями и искренней заинтересованностью в общении с другими людьми;
- объективным восприятием достоинств и недостатков окружающего мира и принятием существующего миропорядка.

Изучив имеющуюся по проблеме нашего исследования научную литературу, мы выявили приоритеты жизненных смыслов у обучающихся подросткового и юношеского возраста, используя методику В. Ю. Котлякова (Котляков, 2003, 2013). Согласно этой методике, респонденты на анонимных бланках отмечали порядковые номера жизненных смыслов в зависимости от личных

предпочтений, а затем суммировали их по восьми категориям, отражающим направления смыслов. Обобщив показатели экспериментальных групп, мы представили средние арифметические баллов и места смыслов по ответам респондентов в таблице и на рисунке.

Таблица

Выбор жизненных смыслов группами подростков и юношества

Жизненные смыслы	СОШ № 11 г. Рязани, 7Б класс	ФРФНК, гр. 2109 и ФФКС, гр. 7231
Альтруистические	16,6	14,4
Экзистенциальные	12,7	13,2
Гедонистические	13,9	12,9
Самореализации	14,3	10,3
Статусные	13,22	11,2
Коммуникативные	15,3	13,5
Семейные	12,15	13,83
Когнитивные	14,1	17,2

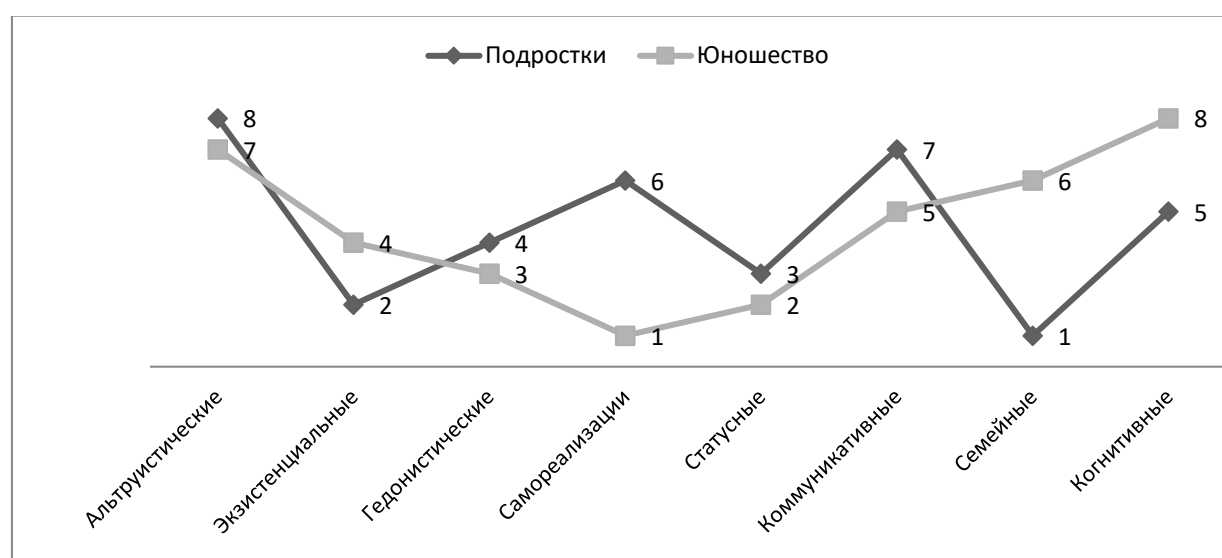

Рис. Ранжирование жизненных смыслов респондентами экспериментальных групп

Сравнение обобщенных в ходе исследования результатов групп (по тесту В. Ю. Котлякова) позволяет констатировать, что у школьников-подростков (группа № 1) с показателем в 12,18 балла семейные ценности берут верх над всеми остальными, а нижнюю позицию занимают альтруистические ценности со значением в 16,59 балла.

У подростков семейные ценности занимают особое место по ряду причин. В семейной среде у человека на протяжении всего детства складывается представление о себе и окружающих, происходит личностное становление, определяются ценностные установки и структурируется целостное мировоззрение. Семейные ценности являются основой, на которой строятся идеалы и моральные нормы подростка. Семья обеспечивает подростка чувством безопасности и уверенности через упорядоченность и традиции в быту, стабильность и неизменность семейного уклада. Подросток, растущий в гармоничной, любящей и поддерживающей семье, обретает уверенность в своих силах и способностях, что способствует его успешной адаптации в обществе.

Семейные ценности занимают главную позицию в жизни подростков также из-за их существенного влияния на развитие и формирование человека в этом возрастном периоде. Через семейные ценности подросток учится строить гармоничные отношения с самим собой и окружающими людьми, развивает уверенность в собственных силах, формирует свое мировоззрение и смысло-жизненные ориентации. Семейные ценности являются фундаментом, на котором строится личность подростка, их значимость трудно переоценить (Назарова, 2016).

Подростковый возраст — период жизни, когда человек сталкивается со множеством новых задач и проблем, как физических, так и эмоциональных: с подъемом и падением самооценки, отстаиванием своего места в коллективе сверстников и установлением личных границ. Значительные трудности у подростка возникают в связи с тем, что в современном обществе ценности, связанные с успехом, материальным благополучием и индивидуальными достижениями, особенно акцентируются и популяризируются. Социальные медиа создают иллюзию, что личное счастье напрямую зависит от числа подписчиков и лайков на размещенных в соцсетях фотографиях. В такой атмосфере подростки могут быть склонны сосредоточиваться на эгоистических материальных потребностях и желаниях, игнорируя потребности и желания других людей. На наш взгляд, эти обстоятельства привели к тому, что у многих подростков-респондентов альтруистические ценности находятся на последней позиции. Однако с подходящей поддержкой и воспитанием эти подростки могут со временем осознать важность альтруизма и внести свой вклад в создание лучшего и более справедливого мира.

Если рассматривать ответы второй группы респондентов (студентов), то мы увидим, что на вершине их ценностей — самореализация (со средним значением в 10,26 балла), а нижнюю позицию занимают когнитивные ценности (17,2 балла). Такое отношение юношества к этим жизненным ценностям, связанным с возможностью реализовать себя и совершенствоваться, не случайно. В юности человек сталкивается с различными вызовами, ищет свое место в обществе и пытается осознать себя. Из-за неопределенности своего будущего и неуверенности в своих силах юношество постоянно стремится к самореализации как к процессу самовыражения и раскрытия своих потенциалов в реальной жизни. В юности мы начинаем лучше понимать себя, открывать свои таланты и интересы. Это время, когда юноши и девушки исследуют мир и находят свое призвание. В этот период они стремятся к самоутверждению и поиску своих смыслов в жизни (Лисовский, 2016).

Самореализация важна в юности также потому, что это время возможностей и выбора. В этом возрасте люди имеют гораздо больше свободного времени и энергии для воплощения своих мечтаний в реальность. Они еще не обременены обязанностями взрослой жизни, какими могут быть семья или карьера, что позволяет уделить больше внимания себе и своим стремлениям.

Возникает вопрос, почему же низкую позицию занимают когнитивные ценности. Молодые люди этого периода сталкиваются со множеством перемен и проблем, благодаря чему у них формируются новые приоритеты и ценности в жизни. Когнитивные ценности, занимающие высокую позицию в детские годы, в период юношества отходят на второй план, как они сами признаются «тогда мне было не до учебы».

Молодые люди больше склонны обращать внимание на свои эмоции и инстинкты. Юношеские годы — время, когда развиваются чувства самоидентификации и самовыражения. Из-за этого когнитивные аспекты, даже такие, как логика и аналитическое мышление, могут казаться менее важными, и когнитивный жизненный смысл остается на последнем, восьмом, месте среди всех смысложизненных ориентаций.

Необходимо отметить, что низкая оценка когнитивных ценностей в период юношества не является окончательной. С возрастом и опытом жизни молодые люди начинают осмысливать важность когнитивного развития и активно стремиться к повышению уровня образованности и расширению своих познаний. Они осознают, что аналитическое, критическое мышление и способность к рефлексии играют важную роль в их личностном и профессиональном росте.

Отметим и общее в оценке жизненных смыслов у двух групп респондентов. Показатели статуса и у подростков, и у юношества оказались по значимости на средней позиции. Авторитетность школьники-подростки оценили в 13,22 балла, а студенты юношеского возраста — в 11,2 балла. Ожидаемы и достаточно высокие данные по такому важному показателю, как место в групповой иерархии. На этом жизненном этапе молодежь стремится определить себя в обществе и установить свое место в иерархической структуре. Именно поэтому статусная ценность имеет столь значимый уровень среди всех остальных ценностей.

На основе полученных результатов мы провели сравнение показателей жизненных смыслов экспериментальных групп по параметрическому t-критерию Стьюдента и смогли выявить наличие достоверно значимых различий в следующих категориях жизненных смыслов:

- 1) самореализация ($14.33 - 10.26 = 4.07$ — различаются на 1%-ном уровне значимости);
- 2) альтруистические ($16.59 - 14.4 = 2.19$ — различаются на 5%-ном уровне значимости);
- 3) семейные ($13.83 - 12.15 = 1.68$ — различаются на 5%-ном уровне значимости).

Остальные же категории не имеют достоверно значимых различий, разница показателей находится в границах допустимой вариабельности.

Таким образом, подростки, находясь на стадии активного формирования своей личности, склонны к созданию более широких и разнообразных систем жизненных смыслов. Их мировоззрение и жизненные смыслы только начинают структурироваться, и они активно экспериментируют с различными, иногда отвлеченными или недостаточно продуманными, вариантами осмысления мира. В то же время юношество уже более четко и осознанно определяет свои смыслы, уточняет свои цели и задачи. У них наблюдается углубление и детализация этих смысложизненных ориентаций.

Выводы и перспективы исследования. Анализируя полученные результаты, мы находим подтверждение нашей гипотезы о том, что имеется взаимосвязь и взаимообусловленность системы жизненных смыслов и возрастных особенностей подростков и юношества. Эти выводы могут иметь важное практическое значение для организации работы с молодежью, основанной на более глубоком понимании внутреннего мира и помощи подросткам и молодежи успешнее адаптироваться в социуме.

Экспериментальное исследование системы жизненных смыслов у подростков и юношества дает ценную информацию для разработки программ психологического сопровождения и поддержки дальнейшего формирования смысложизненных ориентаций у респондентов этих возрастных групп.

В перспективе исследование проблемы планируется направить в практическое русло поиска и апробации наиболее эффективных средств и методов коррекционно-развивающей работы во всех формах урочной / аудиторной и внеурочной деятельности обучающихся, что поможет им успешно преодолевать возрастные кризисы, формировать устойчивые жизненные стратегии и достигать благополучия в будущем.

Список источников

1. Анцыферова Л. И. Психологическое учение о человеке: теория Б. Г. Ананьева, зарубежные концепции, актуальные проблемы // Психологический журнал. — 1998. — Т. 19, № 1. — С. 3–15.
2. Давлетгаряева Р. Г. О смысле жизни // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 35 (289). — С. 6–9.
3. Зотин Н. Н. Жизненные смыслы подростков и молодежи как актуальная проблема современной психологии // Российский педагогический вестник. — 2014. — № 1 (27). — С. 55–61.
4. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. — М.: Мысль, 1984. — С. 233.
5. Котляков В. Ю. Методика «Система жизненных смыслов» // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 2 (54). — С. 148–153.
6. Котляков В. Ю. Методика исследования системы жизненных смыслов // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. — Вып. 2. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. — С. 18–21.
7. Кузьмина Н. В. Смысл жизни социализированного подростка // Психология и психотехнологии. — 2014. — № 5 (21). — С. 25–32.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1977. — 306 с.
9. Леонтьев Д. А. Потребности, мотивы и смыслы: обстановкометрический анализ // Практическая психология. — 1990. — № 2. — С. 48–58.
10. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 1999. — 487 с.
11. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). — М., 2002. — С. 334.
12. Лисовский В. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. — СПб.: Питер, 2016. — 174 с.
13. Назарова Ю. В. Ценностные ориентации современных студентов // Модернизация образования: материалы XXIII Рязан. пед. чт. — Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2016. — С. 90–94.
14. Рымкевич Е. А., Жуков В. В. Подросток и его окружение: системная деятельность и смысл // Вопросы психологии. — 1984. — № 5. — С. 67–76.
15. Серый А. В. Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов // Сибирская психология сегодня. — Кемерово, 2004. — Вып. 2. — С. 9.
16. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. — М.: Республика, 1994. — С. 5–7.
17. Чудновский В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни: избр. тр. — М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006. — 768 с.

References

1. Antsyferova L. I. Psychological Doctrine of Man: B. G. Ananyev's theory, foreign concepts, and current issues. *Psikhologicheskii zhurnal*. [Psychological Journal]. 1998, vol. 19, iss. 1, pp. 3–15. (In Russian).
2. Davletgaryaeva R. G. On the Meaning of Life. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2012, iss. 35 (289), pp. 6–9. (In Russian).

3. Zotin N. N. Life meanings of adolescents and young people as an important issue in modern psychology. *Rossiyskiy pedagogicheskiy vestnik*. [Russian Pedagogical Bulletin]. 2014, iss. 1 (27), pp. 55–61. (In Russian).
4. Kogan L. N. *Tsel i smysl zhizni cheloveka*. [The purpose and meaning of human life]. Moscow, Mysl, 1984, pp. 233. (In Russian).
5. Kotlyakov V. Yu. “System of Life Meanings” Methodology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2013, iss. 2 (54), pp. 148–153. (In Russian).
6. Kotlyakov V. Yu. Methodology for studying the system of life meanings. *Sibirskaya psikhologiya segodnya: sb. nauch. tr.* [Siberian Psychology Today: collection of scientific papers]. Iss. 2. Kemerovo, Kuzbassvuzdat, 2003, pp. 18–21. (In Russian).
7. Kuzmina N. V. The meaning of life of a socialized teenager. *Psikhologiya i psikhotehnologii*. [Psychology and psychotechnologies]. 2014, iss. 5 (21), pp. 25–32. (In Russian).
8. Leontiev A. N. *Deyatel'nost. Soznaniye. Lichnost*. [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat, 1977, 306 p. (In Russian).
9. Leontiev D. A. *Test smyslozhiznennykh oriyentatsiy (SZhO)*. [Test of Life-Meaning Orientations (LMO)]. Moscow, 2002, p. 334.
10. Leontiev D. A. Needs, motives and meanings: situation-metric analysis. *Prakticheskaya psikhologiya*. [Practical Psychology]. 1990, iss. 2, pp. 48–58. (In Russian).
11. Leontiev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroeniye i dinamika smyslovoy realnosti*. [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Smysl, 1999, 487 p. (In Russian).
12. Lisovsky V. *Dukhovnyy mir i tsennostnyye oriyentatsii molodezhi Rossii*. [The spiritual world and value orientations of Russian youth]. SPb., Piter, 2016, 174 p. (In Russian).
13. Nazarova Yu. V. Value orientations of modern students. *Modernizatsiya obrazovaniya: materialy XXIII Ryazan. ped. cht.* [Modernization of education: materials of the XXIII Ryazan pedagogical readings]. Ryazan, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 2016, pp. 90–94. (In Russian).
14. Rymkevich E. A., Zhukov V. V. Adolescent and his environment: systemic activity and meaning. *Voprosy psikhologii*. [Issues of psychology]. 1984, iss. 5, pp. 67–76. (In Russian).
15. Seryy A. V. Structural and Substantive Characteristics of a system of personal meanings. *Sibirskaya psikhologiya segodnya*. [Siberian Psychology Today]. Kemerovo, 2004, iss. 2, pp. 9. (In Russian).
16. Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni*. [The meaning of life]. Moscow, Respublika, 1994, pp. 5–7. (In Russian).
17. Chudnovsky V. E. *Stanovleniye lichnosti i problema smysla zhizni: izbr. tr.* [Formation of personality and the issue of life purpose: selected works]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., 2006, 768 p.

Информация об авторах

Башкирева Анастасия Викторовна — кандидат биологических наук, доцент, доцент акмеологии и психологии развития, кафедра медико-биологических и психологических основ физического воспитания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Кнель Анна Станиславовна — студентка 4-го курса факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Назарова Юлия Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент, доцент психологии, кафедра общей психологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, учитель-логопед высшей квалификационной категории Школы № 10 г. Рязани.

Information about the authors

Bashkireva Anastasia Viktorovna — Associate Professor, Candidate of Biology, Associate Professor of Acmeology and Developmental Psychology, Department of Medical, Biological and Psychological Foundations of Physical Education, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Knel Anna Stanislavovna — 4th year student of the Department of Russian Philology and National Culture, S Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Nazarova Yulia Valentinovna — Associate Professor, Candidate of Psychology, Associate Professor of Psychology, Department of General Psychology, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, teacher-speech therapist of the highest qualification category School N 10 of Ryazan.

Статья поступила в редакцию 21.05.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 21.05.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 97–104.
Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal. 2024, no. 3 (71), pp. 97–104.

Научная статья
УДК 159.922.1
DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.012

Проявление стремления к раскрытию личностного потенциала женщин

Беспалова Татьяна Михайловна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Рязань, Россия
barbos070276@yandex.ru

Теняева Ольга Васильевна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Рязань, Россия
o.tenyaeva@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния рефлексии на самоактуализацию женщин зрелого возраста.

Рефлексия как основа саморазвития и самоактуализации индивида, носителя субъектности, способствует преодолению кризиса зрелости, в особенности у женщин, поскольку развитая рефлексивность обеспечивает возможность объективной оценки и переосмысления психологических и социальных результатов, которые были достигнуты, согласование этих результатов с происходящими изменениями, активное использование собственного потенциала для достижения личностной гармонии в новых реалиях, улучшения качества жизни, создания условий для самореализации и самоактуализации.

Представленные результаты эмпирического исследования показывают, что большинство женщин среднего возраста не обладает уровнем рефлексивности, который мог бы способствовать их самоактуализации, при том что эффективность самоактуализации напрямую зависит от выраженности рефлексивных умений.

Результаты проведенного эмпирического исследования могут быть использованы при планировании и осуществлении психотерапевтической работы с женщинами зрелого возраста по преодолению кризисов, повышению активности, развитию самоактуализации.

Ключевые слова: рефлексия, зрелый возраст, женщины зрелого возраста, самоактуализация.

Для цитирования: Беспалова Т. М., Теняева О. В. Проявление стремления к раскрытию личностного потенциала женщин // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 97–104. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.012.

Original article

Demonstration of women's willingness to reveal their personal potential

Tatyana Mikhaylovna Bepalova

Ryazan State University named for S. A. Yesenin,
Ryazan, Russia
barbos070276@yandex.ru

Olga Vasilyevna Tenyaeva

Ryazan State University named for S. A. Yesenin,
Ryazan, Russia
o.tenyaeva@mail.ru

Abstract: The article presents the results of an empirical study of the influence of reflection on self-actualization of mature women.

Reflection as self-awareness forms the basis for self-development and self-actualization of an active individual, possessing personal agency. It also helps to overcome midlife crisis, especially in women, since a high level of reflexivity provides the opportunity for an objective assessment and analysis of psychological and social achievements, the coordination of these results with the changes that are taking place, active use of one's own potential to achieve personal harmony in new conditions, improve life quality, and create conditions for self-realization and self-actualization.

The results presented in this empirical study show that the majority of middle-aged women do not have a level of reflexivity that could contribute to their self-actualization, despite the fact that the effectiveness of self-actualization directly depends on the expression of reflexive skills.

The results of the empirical study can be used in planning and implementing psychotherapeutic work with mature women to overcome life crises, increase their activity, and develop self-actualization.

Keywords: reflection, mature age, mature women, self-actualization.

For citation: Bepalova T. M., Tenyaeva O. V. Demonstration of women's willingness to reveal their personal potential // Psikhologo-pedagogicheskiy poisk [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 97–104. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.012.

Введение. Исследования в области самосознания и личностного развития женщин зрелого возраста в последние годы все чаще становятся предметом научного дискурса, что обеспечивает поиск направлений для поддержания психического здоровья и возможностей личностного развития женщин в период их наибольшей социальной продуктивности. Одной из ключевых составляющих этого процесса является личностная рефлексия — способность человека осознавать и анализировать свои мысли, чувства и действия (Степанов, 2020).

Как междисциплинарное понятие, рефлексия представляет собой привлечение внимания человека к самому себе (Snyder, 1974), осознание продуктов собственной деятельности на основании учета ценностей, интересов, мотивов (Леонтьев, Аверина, 2021), мышления и другие факторов, различающихся в зависимости от типа личности (Рубинштейн, 2010). Личностная рефлексия обусловлена социокультурным контекстом интеллектуальной деятельности, обеспечивающей самопознание (Васильев, 2016). Она возникает в процессе совместной деятельности с другими субъектами посредством коммуникации, межличностного и социального взаимодействия как особая психическая реальность, которая синтезирует в себе основные черты всех базовых компонентов психики: рефлексия как процесс (организация и регуляция активности поведения и деятельности); рефлексия как состояние (осознание содержания субъективного мира личности); рефлексия как свойство (интегральное психическое качество человека, направленное на осознание своих действий) (Деркач, Семенов, Балаева, 2015).

Личностная рефлексия стимулирует процессы самосознания, обогащает Я-концепцию женщин в период зрелости, является важнейшим фактором личностного и профессионального самосовершенствования. Важную роль при этом играет рефлексия прошлого опыта взаимодействия, позволяющая предпринимать шаги по изменению правил и планов, привычек и соглашений, регулирующих социальную жизнь. Важное значение личностная рефлексия оказывает и на самоактуализацию женщин, помогая им понять себя, свои нужды и стремления, осознать свои личностные предпочтения и приступить к их реализации, способствует преодолению личностных кризисов (Сухобская, 2002).

Исследование самореализации и самоактуализации женщин на этапе зрелости обусловлено в первую очередь тем, что данный возрастной период является периодом наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей человека. Знание закономерностей, механизмов, условий и факторов, содействующих прогрессивному развитию зрелой личности женщины и ее высоким личностно-профессиональным достижениям, позволит более существенно оказывать помощь в достижении вершин в физическом, духовно-нравственном и профессиональном развитии.

Цель исследования — определить личностные умения женщин зрелого возраста для реализации рефлексии как самоактуализационного фактора.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что большинство женщин среднего возраста не обладает уровнем рефлексивности, который мог бы способствовать их самоактуализации, при том что эффективность самоактуализации напрямую зависит от выраженности рефлексивных умений.

Методики исследования. Для проведения эмпирического исследования были использованы следующие методики: методика А. В. Карпова, В. В. Пономаревой на определение уровня рефлексивности; методика самооценки рефлексивных умений и навыков Е. И. Рогова; модифицированный вариант «Самоактуализационного теста» (САТ).

В исследовании принимали участие 64 женщины в возрасте от 40 до 45 лет.

Обсуждение основных результатов. Методика А. В. Карпова, В. В. Пономаревой позволила на начальном этапе исследования определить уровень рефлексивности женщин, рассматривая рефлексивность по параметру временной направленности (рис. 1, 2). Согласно методике, результаты более семи стенов свидетельствуют о высоком уровне рефлексивности, показатели в интервале от четырех до семи — среднем уровне, ниже четырех стенов указывают на низкий уровень рефлексивности.

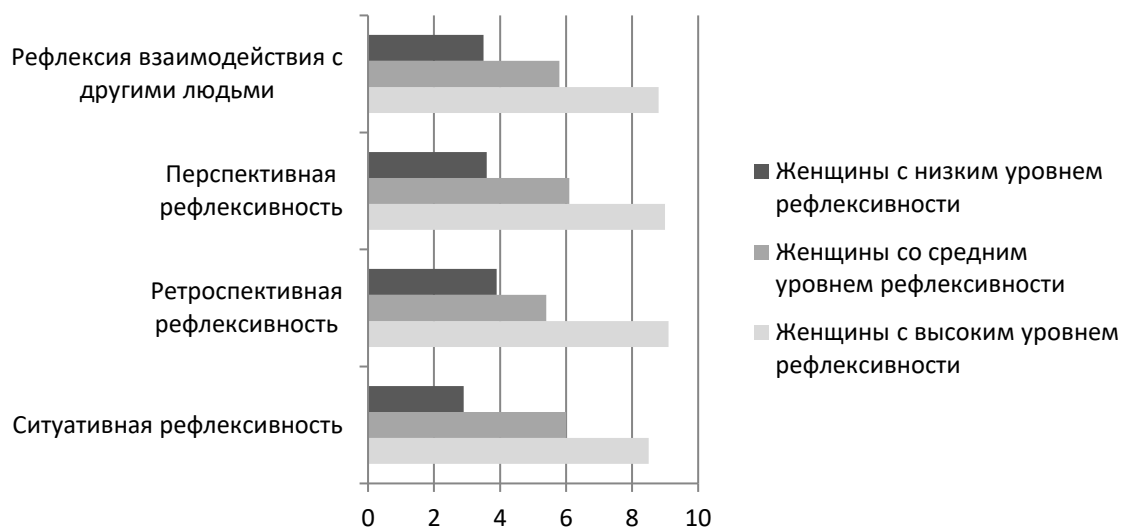

Рис. 1. Выраженность видов рефлексивности во временной перспективе и взаимодействии с другими людьми, стенов

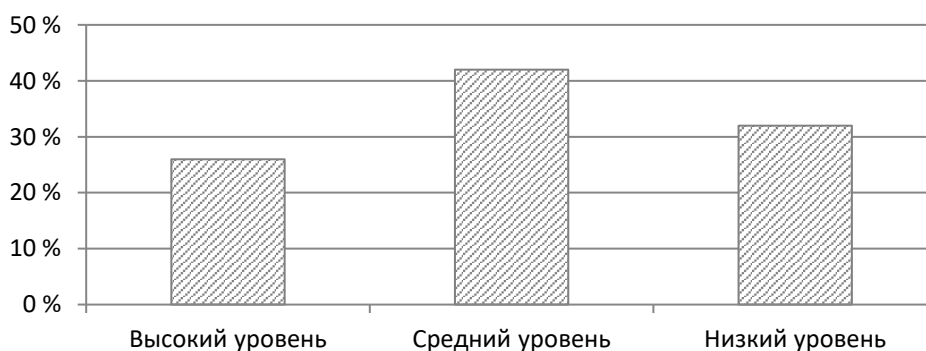

Рис. 2. Выраженность уровней рефлексивности женщин зрелого возраста, %

Исследование показывает, что 26 % женщин имеют высокий уровень рефлексивности (среднее значение 8,8 стенов). Это указывает на стремление женщин находить причинно-следственные связи между событиями прошлого и настоящего, обдумывать свои действия, планировать и прогнозировать ее последствия и результаты.

42 % женщин имеют средний уровень рефлексивности (среднее значение 5,8 стенов). Женщины со средним уровнем рефлексивности испытывают некоторые затруднения в анализе поведения и действий как собственных, так и других людей. Они обдумывают свои действия, но при этом не очень тщательно планируют и прогнозируют все возможные последствия.

32 % женщин имеют низкий уровень рефлексивности (среднее значение 3,5 стенов). Они испытывают трудности при регуляции собственных действий, не прогнозируя их последствия, не проявляют интереса к анализу своей жизненной ситуации.

Исследование самооценки рефлексивных умений показало, что количество женщин, которые осознают необходимость и стремятся к развитию своих рефлексивных умений, составляет 16 %. При этом 42 % женщин при развитии своих рефлексивных умений ориентированы на внешние условия: для совершенствования собственной рефлексивности им необходим внешний контроль и помощь «со стороны». Для еще 42 % женщин характерно состояние остановившегося развития рефлексивных умений, что может быть связано с низким уровнем общей склонности к саморазвитию.

Методика САТ позволяет выявить уровень самоактуализации личности через призму осознания индивидом целостности жизни во времени и пространстве (шкала компетентности по времени) и независимости субъекта самоактуализации (шкала поддержки) (рис. 3).

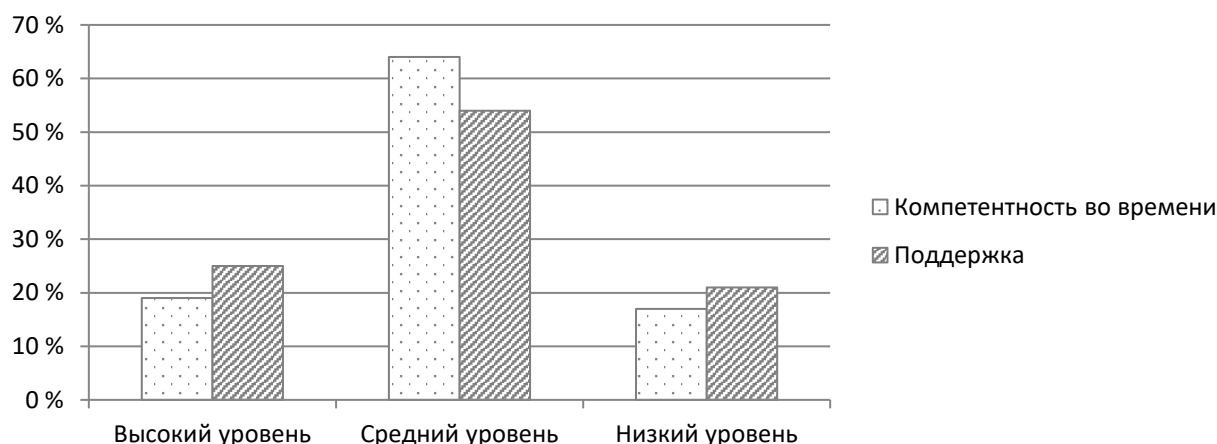

Рис. 3. Уровень выраженности базовых характеристик самоактуализации женщин зрелого возраста, %

Высокий уровень компетентности во времени наблюдается у 19 % женщин. Они организованы, умеют добиваться поставленных целей, эффективно распределять свою активность в настоящем без заикливания на прошлом или будущем. Средний уровень компетентности во времени (психическая норма) есть у 64 % женщин: большинство способны управлять своим временем, однако проблемы в планировании и эффективности их действий связаны с прошлыми неудачами или ожиданиями. Низкие значения выраженности компетентности во времени наблюдаются у 17 % женщин, что указывает на их трудности в осознании целостности жизни, вызванной заикленностью на прошлом или подготовкой к «будущей жизни» (так называемый синдром отложенной жизни).

Высокий уровень поддержки 25 % женщин зрелого возраста указывает на независимость и самостоятельность собственных действий, ориентацию на личные убеждения и принципы, готовность брать ответственность за свою жизнь, не перекладывая ее на других людей. 54 % женщин, которые имеют нормативный уровень по данной шкале, при достаточной самостоятельности в определенных ситуациях требуют поддержки, могут следовать советам и рекомендациям окружающих. Низкий уровень выраженности поддержки 21 % женщин указывает на их несамостоятельность, приверженность внешнему локусу контроля.

Таким образом, пятую часть женщин зрелого возраста можно отнести к категории личностей, «направляемых извне». Они привержены прошлому или ожиданиям будущего, зависимы и несамостоятельны в принятии решений, что указывает на отсутствие четкой системы личностно значимых ценностей и убеждений. Также пятая часть женщин относится к «изнутри направляемым» личностям: они самостоятельны, активны в настоящем, не отрицают при этом событий прошлого и ориентируются на перспективы будущего.

Анализ выраженности шкал методики САТ позволяет оценить особенности самоактуализации женщин, выявить количественное соотношение женщин зрелого возраста, имеющих высокий и низкий уровни выраженности параметров самоактуализации их личности (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность параметров самоактуализации женщин зрелого возраста, %

Параметры	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Ценностные ориентации	15	68	17
Гибкость поведения	36	42	22
Сензитивность в себе	23	56	21
Спонтанность	15	54	31
Самоуважение	35	48	17
Самопринятие	11	53	36
Представление о природе человека	7	61	32
Синергия	12	51	37
Принятие агрессии	30	38	32
Контактность	41	41	18
Познавательные потребности	31	58	11
Креативность	27	55	18

Более чем у 30 % женщин зрелого возраста отмечается высокий уровень выраженности таких параметров, как «гибкость поведения», «самоуважение», «принятие агрессии», контактность, познавательные потребности, креативность. Женщины проявляют способность быстро подстраиваться под сложившуюся ситуацию, адекватно реагировать на ее изменения, находить выход в соответствии со своими ценностями и убеждениями. При этом высокий уровень по шкале «ценностные ориентации» как показатель склонности разделять ценности самоактуализирующейся личности присущ только 15 % женщин.

Высокий уровень самоуважения свойственен 35 % женщин. Они обладают чувством собственного достоинства, могут объективно оценивать свои положительные качества. Но при этом только 11 % женщин принимают себя такими, какие они есть, даже вопреки наличию у них недостатков.

30 % женщин принимают свои негативные эмоции как норму, признавая за собой право проявлять их в соответствующих ситуациях. В то же время 31 % стараются сдерживать свои негативные эмоции, расценивая их как нежелательные и мешающие налаживанию контактов, что, в свою очередь, приводит к негативным тенденциям в сфере психологического и физического здоровья (шкала «Принятие агрессии»).

41 % имеют склонность к установлению тесных субъект-субъектных отношений (шкала «Контактность»).

37 % женщин на высоком уровне способны проявлять творческую в жизни и профессиональной деятельности (шкала «Креативность»).

При этом 36 % женщин отмечают у себя различные недостатки, не склонны принимать себя такими, какие они есть.

32 % относятся к окружающим людям настороженно, отмечают противостояние в женской и мужской природе (шкала «Представления о природе человека»).

37 % испытывают затруднения в разделении различных сфер жизни человека, не связывают в единое телесное и духовное (шкала «Синергия»).

С целью выявления факторов, влияющих на самоактуализацию женщин зрелого возраста, был осуществлен корреляционный анализ результатов проведенной диагностики с применением коэффициента корреляции Спирмена (табл. 2).

Результаты корреляционного анализа рефлексивности, рефлексивных умений и самоактуализации личности женщин зрелого возраста

Параметры самоактуализации	Рефлексивность	Самооценка рефлексивных умений
Компетентность во времени	0,232	0,114
Поддержка	-,625**	-,478**
Ценностные ориентации	0,195	0,152
Гибкость поведения	0,163	-0,241
Сензитивность в себе	,625**	0,213
Спонтанность	,525**	,477**
Самоуважение	,458*	,248*
Самопринятие	,471*	0,121
Представление о природе человека	-0,096	-0,158
Синергия	-0,142	-0,147
Принятие агрессии	0,195	0,197
Контактность	-,593**	-,522**
Познавательные потребности	0,197	0,157
Креативность	-0,183	-0,105
** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)		
* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)		

Примечание. Значимость различий отмечена цветом и полужирным шрифтом.

Рефлексивность и рефлексивные умения имеют отрицательную корреляцию с такими параметрами, как «поддержка» и «контактность». Это указывает на то, что для повышения уровня рефлексивности женщинам зрелого возраста необходимо отказаться от ориентации на мнение других людей, сформировать собственные убеждения и принципы и следовать им в принятии решений в отношении своей жизни, а также уменьшать количество людей, которые стремятся регулировать их жизнь, отдавая предпочтение устойчивым эмоционально глубоким контактам с теми, кто не заинтересован в контроле над их поведением и жизнью.

Положительные корреляционные связи рефлексивности и таких параметров самоактуализации, как «сензитивность в себе», «спонтанность», «самоуважение» и «самопринятие», указывают, что развитию самоактуализации будут способствовать формирование умения осознавать собственные потребности и переживание, выражать их, принимать все свои недостатки как должное, не испытывая при этом чувства вины и неполноценности. Развитие способности вести себя естественно, демонстрировать окружающим свои эмоции повысит уровень рефлексивных умений, обеспечивая независимость женщин от чужого мнения, страха несоответствия, желания «быть хорошей» для всех.

Остальные параметры самоактуализации не имеют значимых корреляционных связей с рефлексивностью и рефлексивными умениями.

Выводы и перспективы исследования. Зрелость как возрастной период характеризуется кризисными явлениями, обусловленными необходимостью перехода к новому этапу жизни, связанному с началом изменений в физиологии и статусно-ролевой структуре личности, с переоценкой смысловой сферы. Рефлексия, представляя собой способность осознания самого себя, является определяющим фактором самоактуализации женщин в период зрелости. Проведенное исследование показывает, что рефлексивность только четвертой части женщин находится на высоком уровне, что позволяет им объективно оценивать себя и свои действия. Третья часть женщин находится в состоянии остановившегося развития своих рефлексивных умений, что может быть связано с низким уровнем склонности к саморазвитию. Пятую часть женщин зрелого возраста можно отнести к категории личностей, «направляемых извне»: они несамостоятельны в принятии решений,

что указывает на отсутствие у них четкой системы личностно значимых ценностей и убеждений. При этом пятая часть женщин относится к «изнутри направляемым» личностям: они активны в настоящем, не отрицают событий прошлого и ориентируются на будущее.

Высокий уровень рефлексивности способствует развитию таких параметров самоактуализации, как принятие себя, уверенность в себе, спонтанность в выражении эмоций. Повышение уверенности в себе, принятие себя, развитие готовности брать на себя ответственность за собственную жизнь будет способствовать формированию внутренней направляемости личности, ответственности за свои поступки, переживания и убеждения как основы поиска женщинами направлений собственной самоактуализации.

Таким образом, результаты эмпирического исследования показали влияние рефлексии на самоактуализацию женщин среднего возраста, определив параметры самоактуализации, которые напрямую зависят от уровня рефлексивности и сформированности рефлексивных умений. Перспектива исследования проблемы связи рефлексивности и самоактуализации женщин среднего возраста состоит в поиске оптимальных путей консультативной и психокоррекционной работы, способствующей гармонизации личности женщин среднего возраста.

Список источников

1. Василев В. К. Рефлексия как прикладная проблема психологии // Культурно-историческая психология. — 2016. — Т. 12, № 3. — С. 208–225. — DOI:10.17759/chp.2016120311.
2. Деркач А. А., Семенов И. Н., Балаева А. В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А. А. Деркача. — М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2005. — 197 с.
3. Жигулин А. А., Плаксина Н. И., Рябышева Е. Н. Феномен рефлексии как психологическая проблема // Территория науки. — 2015. — № 2. — URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-refleksii-kak-psihologicheskaya-problema> (дата обращения: 11.06.2024).
4. Леонтьев Д. А., Аверина А. Ж. Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции. — 2021. — URL : <http://www.psystudy.ru/index.php/forauthors/463-leontiev-averina16.html> (дата обращения: 11.06.2024).
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии — СПб.: Питер, 2010. — 712 с.
6. Степанов С. Ю. Рефлексивная практика творческого развития человека и организаций. — М.: Наука, 2020. — 174 с.
7. Семенов И. Н., Сиротина Е. А., Зарецкий В. К. Исследование рефлексивного аспекта принятия решения как фактора оптимизации мышления // Исследование процессов принятия решения. — М., 2017. — С. 110–133.
8. Семенов И. Н. Системодетальная методология и рефлексивная психология мышления: моногр. — М.: Ин-т развития им. Г. П. Щедровицкого, 2014. — 280 с.
9. Слободчиков В. И. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе. — М.: Школьная пресса, 2020. — 416 с.
10. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. — М.: Высшая школа, 2020. — 384 с.
11. Солодовников В. В., Солодовникова И. В. «Средний возраст» и жизненный путь личности. — М.: Рос. гос. гуманитар. ин-т, 2018. — 459 с.
12. Сухобская Г. С. Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики // Новые знания. — 2002. — № 4. — С. 17–20.
13. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior // Journal of Personality and Social Psychology. — 1974. — Vol. 30. — Pp. 526–537.

References

1. Vasilev V. K. Reflection as an applied problem in psychology. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*. [Cultural-historical psychology]. 2016, vol. 12, iss. 3, pp. 208–225. DOI: 10.17759/chp.2016120311. (In Russian).
2. Derkach A. A., Semenov I. N., Balaeva A. V. *Refleksivnaya akmeologiya tvorcheskoy individualnosti: uchebno-metod. posobiye*. [Reflexive acmeology of creative individuality: study guide]. Moscow, RAGS, 2005, 197 p. (In Russian).
3. Zhigulin A. A., Plaksina N. I., Ryabysheva E. N. The phenomenon of reflection as a psychological problem. *Territoriya nauki*. [Territory of science]. 2015, iss. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-refleksii-kak-psihologicheskaya-problema> (accessed: 11.06.2024). (In Russian).

4. Leontiev D. A., Averina A. Zh. *Fenomen refleksii v kontekste problemy samoregulyatsii*. [The phenomenon of reflection in the context of the problem of self-regulation]. 2021. Available at: <http://www.psystudy.ru/index.php/forauthors/463-leontiev-averina16.html> (accessed: 11.06.2024). (In Russian).
5. Rubinstein S. L. *Osnovy obshchey psikhologii*. [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2010, 712 p. (In Russian).
6. Stepanov S. Yu. *Refleksivnaya praktika tvorcheskogo razvitiya cheloveka i organizatsiy*. [Reflexive practice of creative development of people and organizations]. Moscow, Nauka, 2020, 174 p.
7. Semenov I. N., Sirotina E. A., Zaretsky V. K. Study of the reflexive aspect of decision-making as a factor in optimizing thinking. *Issledovaniye protsessov prinyatiya resheniya*. [Study of decision-making processes]. Moscow, 2017, pp. 110–133. (In Russian).
8. Semenov I. N. *Sistemodeyatelnostnaya metodologiya i refleksivnaya psikhologiya myshleniya: monogr.* [System-activity methodology and reflexive psychology of thinking: monograph]. Moscow, G. P. Shchedrovitsky Development Institute Publ., 2014, 280 p. (In Russian).
9. Slobodchikov V. I. *Psikhologiya razvitiya cheloveka: razvitiye subyektivnoy realnosti v ontogeneze*. [Psychology of human development: development of subjective reality in ontogenesis]. Moscow, Shkolnaya pressa, 2020, 416 p. (In Russian).
10. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *Psikhologiya razvitiya cheloveka*. [Psychology of human development]. Moscow, Vysshaya shkola, 2020, 384 p. (In Russian).
11. Solodovnikov V. V., Solodovnikova I. V. *“Sredniy vozrast” i zhiznenny put lichnosti*. [“Midlife” and the life path of an individual]. Moscow, Russian State University for the Humanities Institute, 2018, 459 p. (In Russian).
12. Sukhobskaya G. S. The concept of “maturity of human socio-psychological development” in the context of andragogy. *Novyye znaniya*. [New knowledge]. 2002, iss. 4, pp. 17–20. (In Russian).
13. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974, vol. 30, pp. 526–537.

Информация об авторах

Беспалова Татьяна Михайловна — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Теняева Ольга Васильевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности, специальной психологии и коррекционной педагогики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the authors

Bespalova Tatyana Mikhailovna — Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Personality Psychology, Special Psychology and Correctional Pedagogics of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Tenyaeva Olga Vasilyevna — Candidate of Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Personality Psychology, Special Psychology and Correctional Pedagogics of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Современные социально-психологические исследования

Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 105–115.

Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal. 2024, no. 3 (71), pp. 105–115.

Научная статья

УДК 316.6:378.18

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.013

Многодетная семья в восприятии студентов

Киселёва Рената Николаевна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

г. Рязань, Россия

renatakis@yandex.ru

Аннотация. Демографические проблемы современной России определяются рядом факторов: снижением рождаемости, преобладанием однодетной семьи, ростом разводов и неполных семей, социальном сиротством, сокращением мужского населения в результате СВО. Несмотря на достижения социальной политики государства в отношении стимулирования рождаемости, прироста населения не наблюдается. Это определяет актуальность исследований в данной области и необходимость поиска средств воздействия на сознание молодежи, от которой и ожидается изменение демографической ситуации, увеличение рождаемости. Однако это невозможно реализовать без учета системы ценностей молодых людей и понимания того, какое место в ней занимают семья и дети. Сознание студенческой молодежи динамично, противоречиво, подвержено воздействию СМИ. Изменились духовно-нравственные ориентиры молодежи. С одной стороны, студенты демонстрируют поддержку традиционных ценностей, уважительное отношение к семье и детям, а с другой — отодвинулся возраст вступления в брак, преобладают ценности карьеры, потребления и досуга.

В статье предпринята попытка изучить отношение студентов к многодетным семьям, определить наиболее значимые связи их восприятия с демографическими характеристиками, предложить пути совершенствования демографической политики в отношении данной категории населения.

Ключевые слова: государственная политика, демография, молодежь, студенты, восприятие, образ, многодетная семья, ценности, факторы выбора, поддержка.

Для цитирования: Киселёва Р. Н. Многодетная семья в восприятии студентов // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 105–115. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.013.

Original article

Large families as perceived by college students

Renata Nikolaevna Kiseleva

Ryazan State University named for S. A. Esenin

Ryazan, Russia

renatakis@yandex.ru

Abstract. The demographic problems of modern Russia are determined by a number of factors: declining birth rates, prevalence of single-child families, increase in divorces and single-parent families, social orphanhood, and the reduction of the male population as a result of the special military operation. Despite the achievements of

the state's social policy in terms of stimulating the birth rate, there is no population growth yet. This determines the relevance of research in this area and the need to find means of influencing the consciousness of young people, who are expected to change the demographic situation and increase the birth rate. However, this cannot happen without taking into account the value systems of young people and their understanding of the place of family and children in it. The consciousness of student youth is dynamic, contradictory, and subject to influence of the mass media. The spiritual and moral guidelines of young people have changed. On the one hand, students demonstrate support for traditional values, respectful attitude to family and children, but on the other hand, the age of marrying has become higher, and the values of career, consumption and leisure prevail.

The article attempts to study college students' attitudes towards large families, to identify the most significant relations between their perception and demographic characteristics, and to propose ways to improve demographic policy in relation to this category of citizens.

Keywords: state policy, demography, youth, students, perception, image, large family, values, choice factors, support.

For citation: Kiseleva R. N. Large families as perceived by college students // *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 105–115. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.013.

Введение. Демографические изменения в нашей стране отражают проблемы современного постиндустриального общества, в котором глобальные процессы урбанизации, социальной мобильности, занятости женщин на производстве и в бизнесе сочетаются с разрушением традиционного уклада семьи, устоявшихся форм ролевого поведения супругов, отношения к семейным ценностям. К 2025 году ожидается значительный демографический спад, предотвратить который возможно только увеличением рождаемости. Как минимум половина молодых россиян должна стремиться создать многодетную семью. Однако молодежь не хочет этого. Это происходит в силу разных причин: изменение сознания молодежи и духовно-нравственных ориентиров, сформированное общественное мнение, пропаганда индивидуализма в СМИ и др.

Для формирования позитивного восприятия многодетной семьи молодежью необходима комплексная работа, направленная на внедрение в сознание представления о многодетности не как о сложности жизни, ограничениях, непосильности решения проблем, а как о достоинстве, важности, престижности и высочайшем богатстве, ведь именно молодежь выступает детерминантой процесса воспроизводства населения. Поэтому повышение значимости и престижа многодетных семей, воспитание молодежи в традиционных семейных ценностях, формирование позитивного общественного мнения о многодетной семье, подготовка к ответственному родителству становятся приоритетными направлениями и главными задачами современной социальной политики. Многодетная, крепкая и благополучная семья — залог стабильности и развития государства.

Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации дано право самостоятельно определять, какая семья является многодетной. Это позволяет учитывать этнический, культурный и религиозный аспект жизни каждого региона. Однако в большинстве регионов страны с 2004 года многодетной считается семья, которая имеет трех или более детей. Статус многодетной семьи сохраняется за ней до совершеннолетия последнего ребенка, а при условии его обучения в образовательном учреждении по очной форме обучения — до 23 лет (О мерах по социальной поддержке многодетных семей, 2023).

Цель исследования — изучить особенности восприятия молодежью многодетной семьи.

Методы и методики исследования: метод анализа литературы и статистических данных, опрос, корреляционный анализ. В опросник включены демографические данные и вопросы, касающиеся разных аспектов отношения к семье и количеству детей в ней. В общей сложности он состоит из 25 вопросов.

Обсуждение основных результатов. В настоящее время доля многодетных семей на территории России от общего числа семей весьма незначительна. Из всех семей с детьми 65,2 % составляют однодетные (70 % — в городах и 52,2 % — в сельской местности), а многодетные лишь 6,6 % (Шлемко, 2022) (рис. 1).

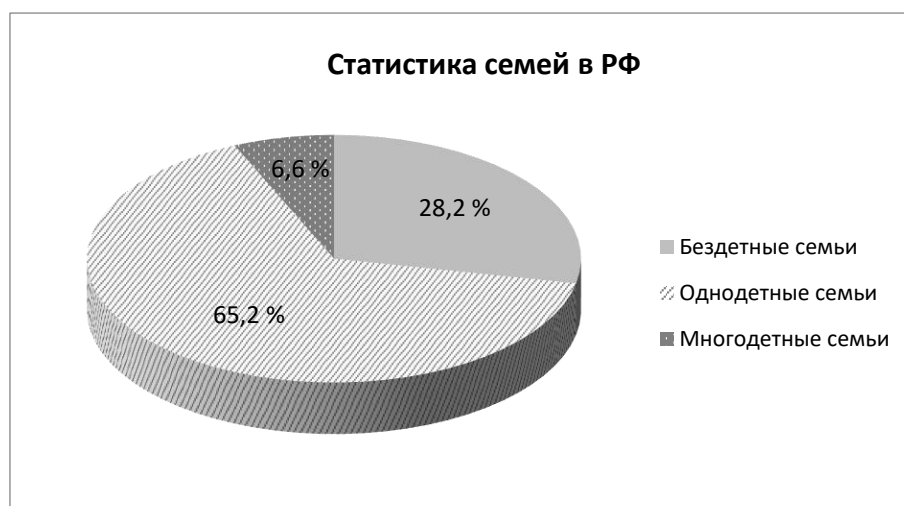

Рис. 1. Количество детей в российских семьях

Существуют различные подходы исследователей к классификации многодетных семей. По нашему мнению, все многодетные семьи могут быть разделены на четыре категории.

1. Традиционные семьи, в которых наличие нескольких детей связано с религиозными, национальными, культурными убеждениями, определенным идеологическим мировоззрением. Рождение нескольких детей заранее предполагается, но их рождение приносит немало трудностей таким семьям. Это проблемы с жильем, недостаток финансов, занятость матери делами по уходу за домом и детьми, ухудшение здоровья. У родителей в таких семьях имеется мотивация к воспитанию детей, они являются ценностью для родителей. Оба родителя делают все от них зависящее, чтобы их детям жилось хорошо, но не всегда это получается.

2. Семьи, образовавшиеся в результате повторных браков матери или отца, в которых рождаются новые дети в силу жизненных обстоятельств.

3. Семьи, в которых случайно родились близнецы (двойняшки или тройняшки); или родители не планировали иметь семью, а дети появились в результате невозможности прервать беременность по медицинским показаниям.

4. Неблагополучные многодетные семьи, образующиеся в результате безответственного поведения родителей на фоне низкого интеллектуально-психического уровня их развития, алкоголизма, асоциального образа жизни. Дети в таких семьях являются инструментом получения пособий и льгот, а также особенно часто нуждаются в помощи, реабилитации, страдают от болезней и недоразвития (Холостова, 2013).

По неофициальным данным, наиболее распространенной в России выступает именно четвертая категория многодетных семей. К сожалению, достаточно часто встречаются случаи, когда родители рожают большое количество детей вследствие своей безответственности, необразованности или желания получить легкий доход, так как государство оказывает финансовую поддержку в виде различных пособий, льгот и ежемесячных выплат на каждого ребенка (Павленок, Руднева, 2009). Например, в Москве и Московской области многодетным семьям легко получить комфортное жилье. Данная тенденция крайне губительно влияет на развитие достойного, здорового и образованного населения страны, поскольку дети в таких семьях, как правило, не получают любви, должного воспитания, образования и удовлетворения витальных потребностей хотя бы на минимальном уровне. Дети в данной ситуации играют роль легкого заработка для своих родителей (Шлемко, 2022). Общество в целом чаще воспринимает многодетные семьи как неблагополучные, малообеспеченные, испытывающие трудности и нуждающиеся в различных видах помощи. Такой образ многодетной семьи уже «укоренился» в сознании граждан и стал достаточно известным всем стереотипом (Алексеева, 1998). Отчасти это имеет место, так как многодетные семьи, несмотря на всесторонние меры социальной поддержки, действительно испытывают множественные проблемы. Несмотря на то что государство старается оказать поддержку многодетным семьям различными способами, гарантированных мер оказывается недостаточно (Дорофеева, 2019).

Исследователи выделяют различные проблемы, характерные для многодетных семей. Как показывает реальная практика, наиболее острой является материальная необеспеченность. Существует прямая связь между числом проживающих в семье детей и снижением доходов на каждого члена

семьи. Матери мало включены в производственную деятельность. Н. А. Казибекова выделяет проблему трудоустройства родителей. Как правило, многодетных родителей, особенно матерей, предпочитают не брать на работу. Работодатели ссылаются на то, что женщина постоянно будет находиться на больничном с детьми. Наличие нескольких детей обуславливает также и низкий образовательный потенциал родителей, отказ от повышения квалификации и снижение уровня их профессиональной активности (Казибекова, 2015). По мнению исследователей, особого разрешения требует жилищная проблема. Она является довольно актуальной в разных регионах. В провинции практически совсем не строят квартиры специально для многодетных семей (Павленок, Руднева, 2009).

Помимо отмеченных проблем можно выделить ухудшение состояния здоровья членов многодетных семей, меньше условий и возможностей для обучения и социализации детей, недоступность дополнительного образования, которое обычно является платным. Проблема воспитания в таких семьях становится ключевой. Главный акцент приобретает моральная и психологическая атмосфера семьи, уровень культуры и образованности родителей, их социальный статус, круг интересов. З. Е. Дорофеева указывает на проблемы правового и юридического характера. Некоторые многодетные семьи не знают о том, какие льготы, пособия, выплаты полагаются им по закону. А если и знают, то не представляют, какие документы им необходимо собрать и куда предоставить, чтобы получить помощь (Дорофеева, 2019).

Культурно-досуговая проблема проявляется в том, что в России нет бюджетных домов отдыха или санаториев для многодетных семей. Поездка к морю или в другие страны оказывается и вовсе недоступной. Путевки для детей в оздоровительные лагеря предусматривают отдых без родителей. Даже путевки от организаций не предполагают проживание с несколькими детьми. Это все может предоставляться только за определенную дополнительную плату (Азарова, 2014). М. Я. Руднева акцентирует проблему взаимоотношений (детей, детей и родителей, родителей между собой), которые характеризуются снижением доверительности и интимности (Павленок, Руднева, 2009).

В ходе исследования нами были опрошены студенты различных вузов города Рязани. Изучение брачно-семейных представлений молодежи, особенно в отношении многодетных семей, становится все более актуальным, так как именно молодежь выступает социальной детерминантой процесса воспроизводства населения. Студенческая молодежь является наиболее прогрессивной категорией и исследование именно ее паттернов восприятия наиболее перспективно в плане построения будущего страны.

В опросе приняли участие 117 студентов 8 вузов г. Рязани в возрасте от 18 до 23 лет, обучающиеся по различным специальностям — направлениям подготовки (рис. 2). Среди них 71 % составили представительницы женского пола и 29 % мужского.

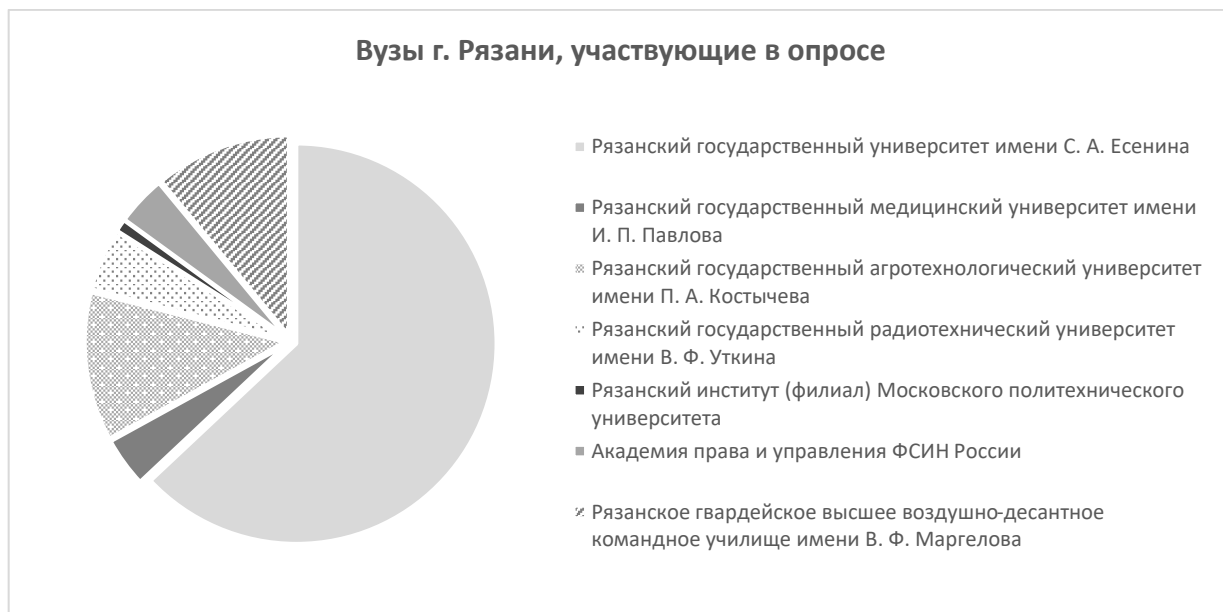

Рис. 2. Вузы, студенты которых приняли участие в опросе

Мы определили, что 20 % из испытуемых уже состоят в официальном браке, 28 % имеют незарегистрированные отношения, а 52 % не имеют постоянного партнера. Иными словами, практически половина респондентов уже имеют семью и выстраивают отношения в ней в соответствии со своими представлениями и принимают решения относительно числа детей в семье.

Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов, отражающих мнение по особенностям отношения к многодетным семьям. Сначала было определено, в какой семье воспитывался сам респондент и какие отношения были в этой семье, так как в большинстве случаев модель семьи, которую демонстрируют родители, может сыграть решающую роль в формировании мировоззрения и представлений молодежи о семье в целом.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что в семьях студентов преобладает количество детей, равное двум (51,4 %); 29 % являются единственными детьми. Самый низкий процент (19,6 %) составили молодые люди, которые воспитывались в многодетных семьях (рис. 3).

Рис. 3. Число детей в семьях родителей опрошенных

Половина опрошенных отметила теплые и доверительные отношения в семье родителей. Нормальными назвали отношения среди родителей еще четверть опрошенных. Однако оставшаяся четверть опрошенных назвали отношения родителей конфликтными или разорванными (родители находятся в разводе). Мы предполагаем, что особенности взаимоотношений в родительской семье играют важную роль при принятии решения о создании собственной семьи молодежью и решении иметь определенное количество детей. Те молодые люди, которые выросли в неполных семьях и испытывали различного рода трудности в удовлетворении своих потребностей, вряд ли захотят иметь много детей.

Далее было установлено, как в целом молодое поколение относится к многодетным семьям и сколько бы им самим хотелось иметь детей. Результаты представлены на диаграммах.

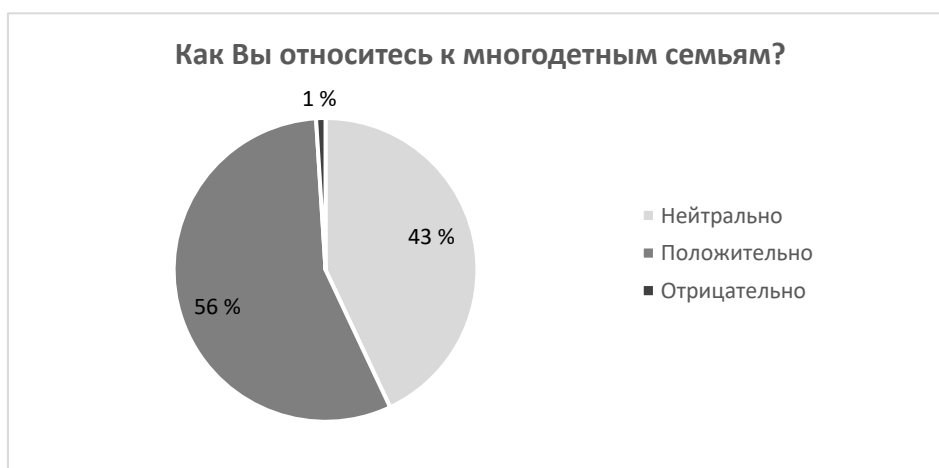

Рис. 4. Отношение к многодетным семьям

Данные показывают, что 57,9 % опрошенных положительно относятся к многодетным семьям, 41,1 % нейтрально, и лишь 0,9 % выразили свое негативное отношение к многодетности (рис. 4). Несмотря на высокий показатель положительного отношения к многодетным семьям, только 18,7 % готовы сами создать ее и воспитывать троих и более детей. Большинству (53,3 %) хотелось бы иметь двоих детей, 28 % желают иметь одного ребенка (рис. 5).

Рис. 5. Количество детей, которых хотелось бы иметь опрошенным

Именно поэтому важным в нашем исследовании было выяснить, почему молодое поколение не хочет создавать многодетные семьи, какие преграды и стереотипы они имеют в своем восприятии многодетности.

По результатам очевидно, что большинство испытуемых (89 %) не считают, что многодетные семьи — устаревшая модель семьи, не соответствующая современным реалиям жизни. Несмотря на это, более половины опрошиваемой молодежи (52,3 %) не видит для себя престижа в статусе многодетной семьи (рис. 6, 7). Это свидетельствует о том, что многодетные семьи в современном общественном сознании воспринимаются как малообеспеченные и неуспешные. Поэтому первоочередной задачей является поддержка не просто института семьи, а именно института многодетной семьи, содействие повышению ее престижа и статуса.

Рис. 6. Отношение к модели многодетной семьи

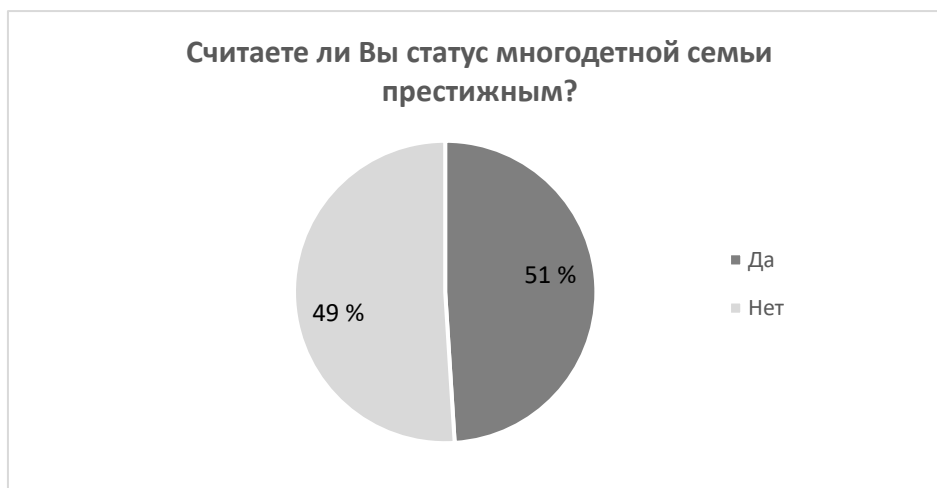

Рис. 7. Восприятие престижности многодетной семьи

Данные, указанные на рисунке 8, показывают, что основными трудностями при создании многодетной семьи у молодежи выступают финансовые проблемы — 78,5 %, отсутствие достойного жилья — 77,6 %, возможность для всех детей развиваться и получать образование — 65 %, наличие работы, позволяющей совмещать воспитание детей и трудовую деятельность — 57,9 %, дополнительная поддержка и льготы от государства — 40,2 %. Тем не менее ни при каких условиях не готовы создавать многодетную семью — 12,1 % опрошиваемых.

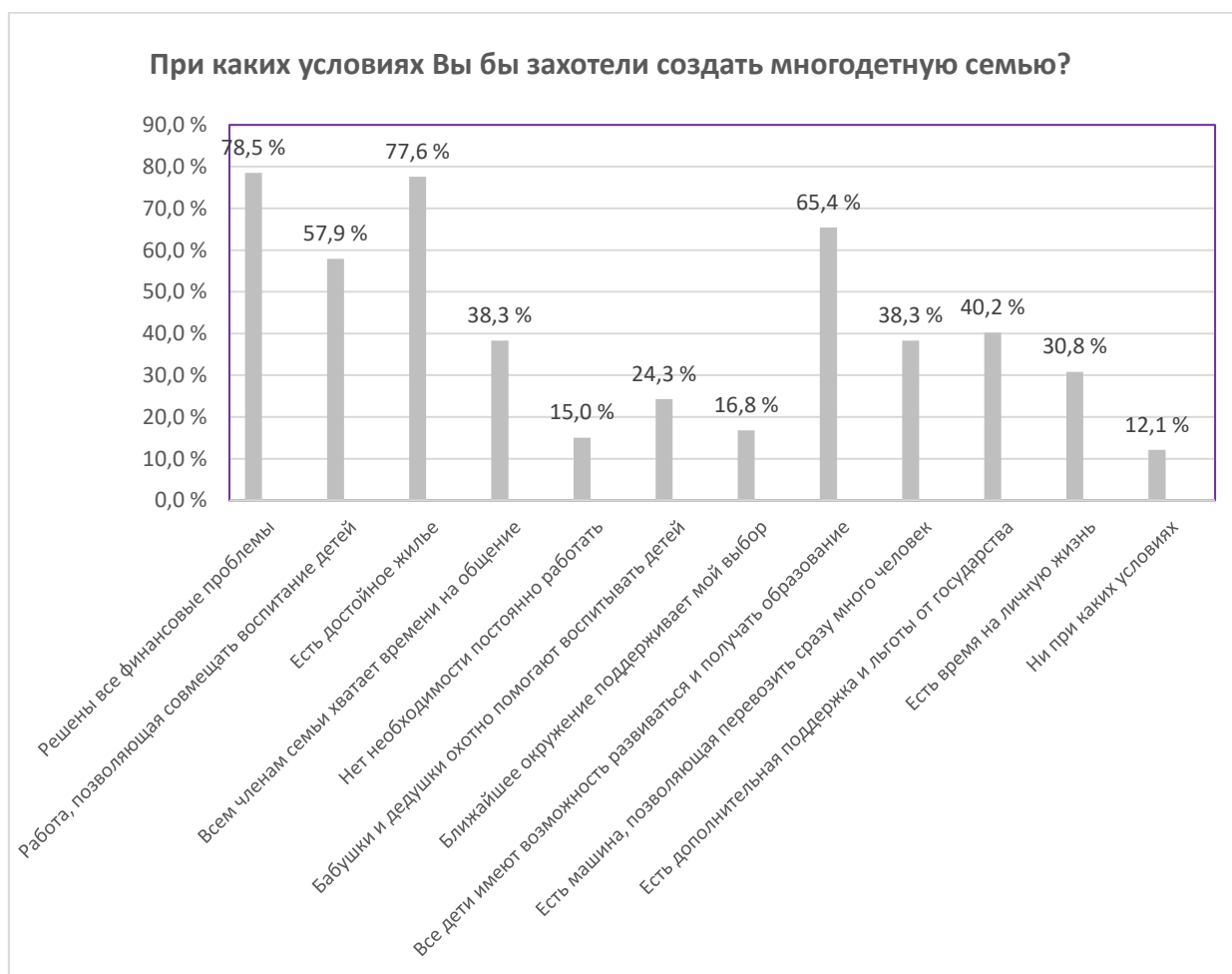

Рис. 8. Условия создания многодетной семьи респондентами

Существуют и другие трудности, характерные для многодетных семей и отражающие особенности восприятия этого института молодежью. Это неготовность посвятить себя семье, пожертвовать возможной карьерой; неготовность к отказу от собственных интересов и досуга в целях большего внимания к детям; несамостоятельность в воспитании детей; стремление минимизировать участие в воспитании и уходе за детьми посторонних лиц.

Несмотря на то что значительная часть опрошиваемых (44 %) готовы посвятить себя семье в ущерб своей карьере, четверть опрошенных не готова это сделать совсем (24 %), треть готова это сделать только в исключительных обстоятельствах (32 %), что говорит о чрезвычайности, а не о сознательном выборе в пользу семьи и детей.

Кроме того, большинство опрошиваемых (71 %) считает, что иметь много детей — значит отказаться от собственных интересов, хобби, досуга. С одной стороны, молодое поколение считает важным не забывать о собственных потребностях, что необходимо для самореализации и получения удовлетворения от жизни. С другой стороны, подобный эгоцентризм не только не способствует созданию многодетных семей, но и приводит к отказу от создания семьи в принципе, что отражает современные тенденции развитых стран. Поэтому, по нашему мнению, важно найти «золотую середину» в этом вопросе.

На вопрос, допускают ли респонденты участие других людей (нянь, гувернанток, репетиторов) в воспитании и развитии детей, большинство из них (53,3 %) ответили, что готовы прибегать к этой помощи в определенных обстоятельствах, четверть (23,4 %) допускает такую помощь, еще четверть (24,3 %) не допускает вмешательство других лиц в воспитательный процесс. А вот участие в воспитании детей собственных родителей ожидает подавляющее большинство опрошенных (90 %), что подтверждает высокую кооперацию между поколениями в отечественных семьях (рис. 9).

На поддержку государства при создании многодетной семьи рассчитывает 54 % опрошенных, 35,5 % сомневаются в ее эффективности, а 10,5 % молодых людей считает, что на помощь государства рассчитывать не приходится. Это высокий показатель того, что молодежь с недоверием относится к государственной поддержке, что может препятствовать их желанию иметь много детей.

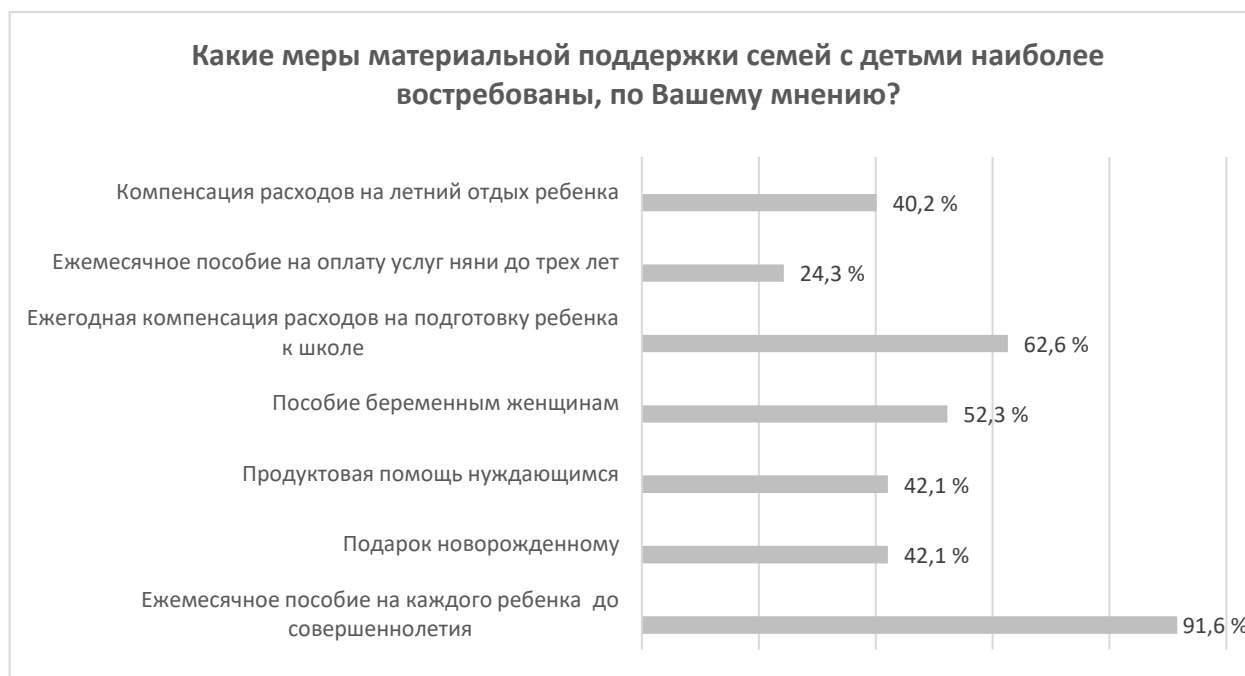

Рис. 9. Потребность в материальной поддержке

Среди мер материальной поддержки от государства молодые люди ожидают гарантированной материальной помощи в разных формах (рис. 10).

Рис. 10. Потребность в нематериальной поддержке

Среди нематериальных форм поддержки опрошенные ожидают от государства включение в трудовой стаж многодетной матери времени ухода за детьми до трех лет, создание личных кабинетов услуг на государственных порталах, упрощение системы адресных услуг и других видов поддержки, приобретение единого статуса на территории Российской Федерации.

В целом каждый вид социальной помощи — как материальной, так и нематериальной — является востребованным среди молодежи. Поэтому системная и стабильная государственная поддержка многодетных семей — очень важный фактор их создания и существования (Азарова, 2014).

Относительно знаний о месте получения помощи можно сказать, что большинство опрошенных (60 %) не имеет представления об организациях, занимающихся проблемами многодетных семей в нашем городе. Знают несколько таких организаций 38,3 % опрошенных, знают достаточно много о них всего 2,7 % респондентов. Эти данные свидетельствуют о том, что молодежь мало осведомлена об организациях и видах помощи, которые в них предоставляются многодетным семьям. Важно сформировать у молодого поколения представление о том, что, являясь многодетной семьей, они всегда смогут получить необходимую и квалифицированную помощь по всем возможным вопросам (Алексеева, 1998).

Для подтверждения взаимной связи восприятия студентами образа многодетной семьи и их демографическими данными мы применили корреляционный анализ по критерию К. Пирсона, который позволяет сравнивать независимые переменные. Наиболее сильная взаимосвязь ($> 0,9$) обнаружена между полом респондентов и их желанием иметь много детей. Юноши хотят иметь много детей чаще, чем девушки. Также обнаружена сильная взаимосвязь ($> 0,8$) моделей семьи, в которых воспитывались респонденты, и их отношения к многодетности. Хотят иметь много детей студенты, выросшие в полных двухдетных семьях. И обратная зависимость наблюдается ($< 0,8$) между религиозностью опрошенных и принятием решения о числе детей в семье. Несмотря на то что большинство опрошенных считают себя верующими людьми, решение о том, сколько детей будет в их семье, они оставляют за собой.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что восприятие многодетной семьи молодежью не обходится без представлений о трудностях, с которыми может столкнуться данный вид семей. Боязнь столкнуться с подобными проблемами приводит к сознательному ограничению репродуктивных установок молодежи, сокращению числа желаемых ими детей. Молодежный возраст харак-

теризуется несформированной окончательно системой ценностей, противоречивостью взглядов и суждений. Интересы студенческой молодежи сосредоточены в области самореализации, построения карьеры, достижения успеха, что также препятствует высокой репродуктивной активности.

Можно утверждать, что образ многодетной семьи в восприятии молодежи неоднозначный. При этом большинство опрошенных не считают модель многодетной семьи устаревшей и позитивно относятся к ней, однако наблюдается тенденция к уменьшению желания молодежи создавать многодетные семьи и воспитывать троих детей и более. Только 18 % опрошенных студентов хотели бы сами создать многодетные семьи. Это связано с полом опрошенных и моделью семьи, в которых воспитывались респонденты. Юноши хотят иметь многодетную семью чаще, чем девушки. Иметь трех и более детей хотят респонденты, воспитывающиеся в двухдетных семьях. Также можно утверждать, что решение о количестве детей, которые они планируют иметь, респонденты оставляют за собой.

Молодежь боится столкнуться с большим количеством незнакомых проблем в уходе и воспитании детей, отсутствием помощи со стороны близких, отказом от собственных потребностей и интересов. Существуют и другие трудности, характерные для многодетных семей, отражающих восприятие этого института молодежью: неготовность посвятить себя семье, пожертвовать возможной карьерой; неготовность к отказу от собственных интересов и досуга в целях большего внимания к детям; несамостоятельность в воспитании детей; стремление минимизировать участие в воспитании и уходе за детьми посторонних лиц.

На представления молодежи о многодетности влияет распространенный в нашем обществе имидж многодетных семей как неблагополучных, отсутствие позитивных примеров многодетных семей, которые бы пропагандировали СМИ.

Студенты плохо информированы о мерах материальной и нематериальной помощи, которые доступны многодетным семьям. Поэтому государство должно всесторонне поддерживать многодетные семьи, быть гарантированной помощью для них, формировать положительный имидж многодетной семьи у молодого поколения, пропагандировать позитивные примеры ответственного родительства через СМИ. Все это поможет преодолеть демографические сложности современной России.

Выводы и перспективы исследования. В современном российском обществе сложилась непростая демографическая ситуация. В России в течение последних десятилетий смертность превышает уровень рождаемости. Вместо желаемого прироста населения происходит его естественная убыль. Ученые-демографы считают: чтобы не допустить национального вымирания, среднестатистическая семья в России должна иметь не менее четырех детей. Президент России В. В. Путин сказал: «...нормой в России должна стать семья с тремя детьми. Однако этого показателя стоит еще достичь». Основной целью должно стать создание условий для формирования социально благополучной семьи, которая будет решать свои проблемы самостоятельно и эффективно выполнять свои семейные функции. К тому же необходимо решать проблемы многодетных семей, чтобы они стали прекрасным положительным примером, к которому стоит стремиться современной молодежи.

Несмотря на негативные тенденции в развитии современного института семьи, в российском обществе сохраняется позитивный потенциал, направленный на формирование традиционных семейных ценностей и установок. Молодежь в этом случае является определяющим фактором, от которого зависит развитие и функционирование общества в будущем. Для обеспечения роста числа детей в семьях необходимо понимать отношение молодежи к проблемам многодетности. Поэтому необходимо проводить разноплановую и комплексную работу по поддержке многодетных семей, по формированию положительного образа таких семей в общественном сознании, пропагандировать в СМИ примеры успешных родителей нескольких детей, что в конечном счете будет позитивно влиять на восприятие многодетной семьи молодежью.

Список источников

1. Алексеева Л. С. Работа с семьей в учреждениях социального обслуживания: социально-психологический аспект // Семья в России. — 1998. — № 3-4. — С. 15–19.
2. Азарова Е. Г. Многодетная семья и проблемы ее социального обеспечения // Журнал российского права. — 2014. — № 1. — URL : <http://of-law.ru/stati/mnogodetnaya-semya-i-problemy-ee-sotsialnogo-obespecheniya.html> (дата обращения: 15.03.2023).
3. Галай М. Ю., Пырикова М. С., Шевчук А. Ю. Семейные ценности современной молодежи и их использование в социальной работе : сб. материалов Междунар. науч. конф. «Молодые исследователи — регионам». — Вологда, 2023. — С. 926–928.
4. Дорофеева З. Е. Особенности жизненных практик многодетных семей // Социологические исследования. — 2019. — № 7. — С. 114–124.

5. Казибекова Н. А. Анализ проблем многодетных семей в современный период // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». — 2015. — № 3 (32). — С. 101–104.
6. О внесении изменений в Закон города Москвы от 3 ноября 2004 года № 67 «О ежемесячном пособии на ребенка»: зак. г. Москвы от 05.11.2008 № 56. — URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=96528#LEVuqYT0si8hRfhI1> (дата обращения: 15.09.2023).
7. О мерах по социальной поддержке многодетных семей : ук. Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 : с измен. и доп. на 25.02.2023. — URL : <http://base.garant.ru/10100845/#ixzz4OOk04fyx> (дата обращения: 15.09.2023)
8. Павленок П. Д., Руднева М. Я. Технологии социальной работы с различными группами населения. — М. : Инфра-М, 2009. — 272 с.
9. Холостова Е. И. Социальная работа с семьей. — М. : Дашков и К°, 2013. — 244 с.
10. Шлемко Н. В. Многодетная семья и особенности ее функционирования в современном обществе // Молодой ученый. — 2022. — № 16 (411). — С. 311–313. — URL : <https://moluch.ru/archive/411/90529/> (дата обращения: 04.10.2023).

References

1. Alekseeva L. S. Working with families in social service institutions: socio-psychological aspect. *Semya v Rossii*. [Russian family]. 1998, iss. 3-4, pp. 15–19. (In Russian).
2. Azarova E. G. Large family and problems of its social security. *Zhurnal rossiyskogo prava*. [Journal of Russian law]. 2014, iss. 1. Available at: <http://of-law.ru/stati/mnogodetnaya-semya-i-problemy-ee-sotsialnogo-obespecheniya.html> (accessed: 15.03.2023). (In Russian).
3. Galay M. Yu., Pyrikova M. S., Shevchuk A. Yu. Family values of modern youth and their use in social work. *Sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf. "Molodyye issledovateli — regionam"*. [Collection of materials of the International scientific conference "Young researchers – to the regions"]. Vologda, 2023, pp. 926–928. (In Russian).
4. Dorofeeva Z. E. Specifics of life practices of large families. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. [Sociological studies]. 2019, iss. 7, pp. 114–124. (In Russian).
5. Kazibekova N. A. Analysis of problems of large families in the modern period. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Obshchestvennyye i humanitarnyye nauki"*. [News of the Dagestan State Pedagogical University. Series "Social sciences and humanities"]. 2015, iss. 3 (32), pp. 101–104. (In Russian).
6. *O vnesenii izmeneniy v Zakon goroda Moskvy ot 3 noyabrya 2004 goda № 67 "O yezhemesyachnom posobii na rebenka"*: zak. g. Moskvy ot 05.11.2008 № 56. [On Amendments to the Law of the City of Moscow dated November 3, 2004, no. 67, "On Monthly Child Benefits": Law of the City of Moscow dated November 5, 2008 No. 56]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=96528#LEVuqYT0si8hRfhI1> (accessed: 15.09.2023). (In Russian).
7. *O merakh po sotsialnoy podderzhke mnogodetnykh semey: uk. Prezidenta RF ot 5 maya 1992 g. № 431: s izmen. i dop. na 25.02.2023*. [On measures of social support for large families: Decree of President of the Russian Federation of May 5, 1992 no. 431: as amended and supplemented on February 25, 2023]. Available at: <http://base.garant.ru/10100845/#ixzz4OOk04fyx> (accessed: 15.09.2023) (In Russian).
8. Pavlenok P. D., Rudneva M. Ya. *Tekhnologii sotsialnoy raboty s razlichnymi gruppami naseleniya*. [Technologies of social work with different groups of the population]. Moscow, Infra-M, 2009, 272 p. (In Russian).
9. Kholostova E. I. *Sotsialnaya rabota s semeyey*. [Social work with families]. Moscow, Dashkov i K° Publ., 2013, 244 p. (In Russian).
10. Shlemko N. V. A large family and the specifics of its functioning in modern society. *Molodoy uchenyy*. [Young scholar]. 2022, iss. 16 (411), pp. 311–313. Available at: <https://moluch.ru/archive/411/90529/> (accessed: 04.10.2023). (In Russian).

Информация об авторе

Киселёва Рената Николаевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социальной работы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Kiseleva Renata Nikolaevna — Candidate of Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Social Work of Ryazan State University named for S. A. Esenin.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Научная статья

УДК 378.147:81'243

DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.014

Ролевые игры в профессиональной языковой подготовке: предпочтения студентов медицинского вуза

Сиваков Максим Анатольевич

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Минздрава России,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязань, Россия

maxsivakov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме применения технологии ролевых игр в профессиональной языковой подготовке студентов медицинского вуза. В современных условиях межкультурного взаимодействия особое значение приобретает языковая подготовка, которая способствует интеграции будущих врачей в международное профессиональное сообщество и обеспечивает доступ к передовым научным достижениям.

Профессиональная языковая подготовка студентов медицинских вузов представляет собой важный и многосторонний процесс, включающий не только овладение медицинскими знаниями и навыками, но и развитие личностных качеств, таких как ответственность, эмпатия и этичность. Одной из эффективных педагогических технологий в процессе профессиональной языковой подготовки являются ролевые игры, позволяющие студентам развивать не только языковые навыки, но и коммуникативные, аналитические и социальные способности.

Новизна исследования заключалась в том, что представлена авторская классификация ролевых игр, реализуемых в процессе профессиональной языковой подготовки студентов медицинского вуза, а также было выявлено отношение студентов-медиков к применению ролевых игр в данном процессе. Практическая значимость заключалась в том, что проведенный опрос студентов медицинского вуза показал целесообразность и эффективность применения ролевых игр в процессе профессиональной языковой подготовки.

Автором осуществлен анализ применения ролевой игры отечественными исследователями, рассмотрены психолого-педагогические особенности использования современных ролевых игр в образовательном процессе медицинского вуза на занятиях по иностранному языку. Проведен онлайн-опрос студентов Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова Минздрава России, в результате которого было выявлено что большинство студентов положительно оценивают применение ролевых игр в учебном процессе, видят их целесообразными и эффективными для развития практических и коммуникативных навыков.

Ключевые слова: ролевая игра, профессиональная языковая подготовка, межкультурное взаимодействие, студенты медицинского вуза, онлайн-опрос.

Для цитирования: Сиваков М. А. Ролевые игры в профессиональной языковой подготовке: предпочтения студентов медицинского вуза // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 116–122. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.014.

Original article

Role-playing in professional language training: preferences of medical students

Maxim Anatolyevich Sivakov

Ryazan State Medical University named after Academician I. P. Pavlov of the Ministry of Health of Russia,
Ryazan State University named for S. A. Yesenin

Ryazan, Russia

maxsivakov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the currently relevant topic of role-playing technology application in professional language training of medical students. In modern conditions of intercultural interaction, language training has gained special importance. Foreign language proficiency contributes to the integration of future doctors into the international professional community and provides access to advanced scientific achievements.

Professional language training of medical students is an important and multifaceted process that includes not only acquisition of medical knowledge and skills, but also development of personal qualities such as responsibility, empathy, and ethical behavior. An effective pedagogical technology is role-playing games in professional language training. This tool allows students to develop not only language skills, but also communicative, analytical and social skills.

The novelty of the study consists in the author's classification of role-playing games employed to assist in professional language training of medical students. The paper also analyzes the attitude of medical students to role-plays in the classroom. The practical significance is also due to a conducted survey of medical students showing the expediency and effectiveness of role-playing games application in the process of professional language training.

The author analyzed Russian research of the use of role-playing games, considered the psychological and pedagogical features of the use of modern role-playing games in the educational process of medical university in foreign language classes. An online survey of students of the Ryazan State Medical University named after Academician I. P. Pavlov was conducted, which shows that the majority of students positively evaluate the use of role-play in the educational process, regard it as appropriate and effective for the development of practical and communicative skills.

Keywords: role play, professional language training, intercultural interaction, medical students, online survey.

For citation: Sivakov M. A. Role-playing in professional language training: preferences of medical students // *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 116–122. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.014.

Введение. В настоящее время знание иностранного языка играет особую роль в ситуациях межнационального общения во многих областях взаимодействия, особенно в сфере глобального здравоохранения. Профессиональная языковая подготовка в области медицины является важным фактором профессионального развития не только потому, что обеспечивает легкий доступ к информации, но и из-за возможностей расширения врачебной деятельности во многих направлениях.

Ролевые игры активно применяются в образовательной практике, и сегодня наблюдается рост интереса к геймификации обучения. Особенностью педагогической ролевой игры является наличие четко определенной цели и соответствующего педагогического результата в отличие от простых развлекательных игр. Теоретические основы и значение игры как педагогической технологии начали развиваться с 1960-х годов. В отечественной педагогической практике интерес к данной проблематике проявляется начиная с публикации классиков педагогики и психологии, таких как Л. С. Выготский и К. Д. Ушинский. Различные виды игр и их описание есть в работах таких отечественных ученых, как Т. А. Апинян (2003), Л. В. Бабурин (1995), Д. Б. Эльконин (1999), И. Г. Якимович (2016) и др. Среди зарубежных ученых, также внесших значительный вклад в это направление, можно выделить работы Ж. Пиаже (2002), Г. Спенсера (1997).

Не секрет, что языковая подготовка в медицинском вузе следует за специализированными медицинскими дисциплинами. Особенностью изучения специальной терминологии в медицинском вузе является большой объем новой лексики, отождествляемой с понятиями, неизвестными студентам на доклиническом этапе обучения (Ельцова, Илюшина 2021, с. 172). На основе знаний в области анатомии и физиологии будущие врачи изучают иностранный язык, учатся общаться и взаимодействовать с пациентами и зарубежными коллегами. Как верно отмечает Е. В. Воевода, «английскому языку как университетской дисциплине придан новый статус» (2017, с. 37). Межпредметные связи, интеграция идей, подходов и принципов обучения, безусловно, важны в данном процессе. Мы поддерживаем мнение А. В. Ельцова и Л. Ф. Ельцовой о том, что «организация обучения, должна осуществляться с использованием интегративного подхода» (2021, с. 32).

Кроме того, сформированные в процессе языковой подготовки навыки коммуникации облегчают общение с пациентами, не владеющими родным языком. Важной темой в процессе профессиональной языковой подготовки студента-медика является обучение пациент-ориентированным коммуникациям, что является актуальным для медицинского образования в международном масштабе (Gilligan, Powell, Lynagh [et al.], 2021).

Важное направление в медицинской практике — умение устанавливать доверительные отношения с больными. Студентам необходимо развивать навыки профессионального общения, а именно учиться слушать, задавать вопросы, чтобы точно понимать проблему пациента и ясно объяснять диагноз и план лечения. Традиционные методы обучения, такие как учебники и лекции, больше не являются единственными источниками знаний (Костикова, Сиваков, 2023). В связи с этим применение ролевых игр в процессе языковой подготовки является неотъемлемой частью образовательного процесса, позволяя развивать необходимые умения и навыки для медицинской практики на иностранном языке. Л. М. Царева справедливо отмечает: «Ролевые игры целесообразно применять на этапе тренировки при изучении любой темы, а также в качестве средства контроля» (2021, с. 76). Заслуживают внимания рассуждения И. Ю. Крутовой (2016), которая пишет о том, что оригинальность ролевой игры заключается в имитации реальной ситуации и проверки навыков студентов по работе с пациентами и проведению опроса пациента на английском языке.

Разнообразие культур, верований и ценностей влияет на то, как студенты медицинского вуза воспринимают пациентов, как они подходят к диагностике и лечению. Как отмечает А. В. Илюшина (2019), для того чтобы стать успешным медицинским специалистом, необходимо развивать межкультурную компетентность. Именно поэтому разработку способов ее формирования можно рассматривать как одну из наиболее важных целей в процессе развития общепрофессиональных компетенций на уроках иностранного языка в медицинском университете. Благодаря моделированию процесса взаимодействия с пациентами, будущие врачи могут осознавать свой уровень культурной компетентности, необходимый для работы с пациентами разных национальностей, а затем развивать его. Дж. Равен (2002) доказал, что высокий уровень культурной компетентности — залог формирования высокомотивированной личности с набором адекватных для данного общества убеждений.

Несмотря на то что вопрос применения ролевых игр в профессиональной подготовке студентов обсуждается в научной литературе широко, отношение студентов медицинского вуза к ролевым играм изучено недостаточно.

Цель исследования — выявить отношение студентов-медиков к применению ролевых игр в процессе профессиональной языковой подготовки.

Гипотеза исследования: использование ролевых игр в процессе профессиональной языковой подготовки находит позитивный отклик у большинства студентов медицинского вуза, поскольку способствует повышению эффективности их профессиональной подготовки.

Методы исследования: теоретический анализ и обобщение результатов исследований по проблеме. Эмпирическая база исследования включает результаты групповых опросов студентов Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова Минздрава России, включенное наблюдение, интерпретацию данных, метод представления данных с помощью графических организаторов информации (таблиц).

Обсуждение результатов исследования. Технология ролевой игры предоставляет широкий спектр возможностей, так как в процессе активного взаимодействия с преподавателем и курсниками студенты учатся слушать и слышать, обращают внимание на то, что каждая проблема имеет несколько вариантов разрешения, имеют возможность получить новый опыт не методом проб и ошибок, а путем анализа уже накопленных знаний. Помимо языковых навыков, ролевые игры способствуют развитию целого ряда других компетенций, которые включают в себя умение составлять отчеты, делиться диагностическими данными и координировать лечебные мероприятия. Все эти навыки крайне важны для успешной карьеры врача и позволяют студентам стать высококвалифицированными специалистами, способными эффективно работать в самых разных условиях.

В процессе профессиональной языковой подготовки для студентов медицинского вуза нами была разработана классификация ролевых игр по типу игры и учебным целям, представленная в таблице 1.

Ролевая имитационная игра «У врача» («At the Doctor's») позволяет студентам лучше подготовиться к будущей практике, так как они имеют возможность проработать различные сценарии и отработать свои навыки в безопасной учебной среде. Такая подготовка делает их более уверенными в своих силах и готовыми к реальным профессиональным вызовам. Студенты учатся эффективно общаться с пациентами, проявлять эмпатию и понимать их потребности. Это особенно важно в медицинской практике, где правильное взаимодействие с пациентом может существенно повлиять на результаты лечения.

Классификация ролевых игр по типу игры и учебным целям

Имитационные игры	Деловые игры	Кейсовые игры
<ul style="list-style-type: none"> – Коммуникативные навыки: прием пациента, сбор анамнеза – Профессиональная лексика: обсуждение симптомов, назначение лечения – Межличностное общение: взаимодействие с пациентом и коллегами – Критическое мышление: диагностические процедуры, принятие клинических решений 	<ul style="list-style-type: none"> – Коммуникативные навыки: обсуждение административных вопросов – Профессиональная лексика: терминология управления и ресурсов – Межличностное общение: работа в команде – Критическое мышление: решение управленческих задач 	<ul style="list-style-type: none"> – Коммуникативные навыки: обсуждение клинических случаев – Профессиональная лексика: медицинская документация – Межличностное общение: консультации с коллегами – Критическое мышление: анализ и решение кейсов

Особо стоит отметить роль международного сотрудничества и мобильности в обучении иностранному языку будущих медицинских специалистов. Современная медицинская практика постоянно эволюционирует под воздействием новых технологий, научных исследований, изменений в законодательстве и потребностей пациентов. Студенты-медики сталкиваются с необходимостью вести диалог в рамках международных медицинских конференций и семинаров. «Развитие мобильности способствует росту конкурентоспособности вуза, повышает качество образования, улучшает взаимодействие в международном информационном сообществе» (Дубинина, 2012, с. 87).

Участие медицинских специалистов в международных программах, таких как «Врачи без границ» и Международный комитет Красного Креста, требует не только профессиональной языковой подготовки, но и широкого понимания медицинских стандартов протоколов, а также знаний о международных правилах и регуляциях в области здравоохранения, что играет решающую роль, поскольку разные страны имеют разные нормативы и требования к медицинской практике. Участие в таких программах помимо медицинских навыков требует умения работать в многонациональных и многокультурных средах, адаптироваться к разнообразным условиям и ситуациям, а также демонстрировать эффективное взаимодействие с пациентами и другими членами команды как правило, на иностранном языке. Ролевая деловая игра «На встрече» (*“At the Meeting”*) ставит своей целью создание коммуникативной ситуации в похожих ситуациях, ограничивая студентов рамками профессионального взаимодействия в конкретной ситуации.

Ролевая кейсовая игра «В больнице» (*“At the Hospital”*) предлагает будущим врачам разыграть диалог между двумя врачами одной специальности или врачами разных специальностей на основе конкретной ситуации и фраз-клише. Врачи разных специализаций и медицинские работники сотрудничают для обеспечения качественной медицинской помощи на иностранном языке. В этом контексте студенты должны развивать навыки ясного и профессионального обмена информацией.

В процессе исследования было проведено два параллельных групповых анкетирования: первое — для студентов второго курса и второе — для студентов третьего курса. В опросах приняли участие 126 человек, 68 из которых были студентами второго курса, 58 — студентами третьего курса. На вопрос, «Как часто проводятся ролевые игры в Вашем учебном процессе?» 32 студента-второкурсника (47,1 %) ответили «редко» и 48 студентов третьего курса (82,8 %) ответили «часто». На вопрос анкеты «Как Вы оцениваете эффективность ролевых игр в процессе языковой подготовки?» 28 студентов второго курса ответили «эффективно» и 50 студентов третьего курса (86,2 %) также ответили «эффективно». На следующий вопрос анкеты «Какие типы ролевых игр Вы считаете наиболее полезными?» значительная часть студентов второго курса отметили диагностические консультации (63 человека, 92,6 %).

Студенты третьего курса в количестве 53 человек (91,4 %) отметили, что наиболее полезной ролевой игрой для них является симуляция чрезвычайных ситуаций. На следующий вопрос «Какие преимущества ролевых игр Вы видите?» абсолютное большинство студентов второго курса (66 человек, 97,1 %) отметили реалистичность и практическую направленность, а студенты третьего курса (51 человек, 87,9 %) отметили развитие ключевых навыков (коммуникация, критическое мышление

и т. д.). На последний вопрос анкеты «С какими недостатками или трудностями Вы сталкивались при использовании ролевых игр?» 36 студентов второго курса (52,9 %) отметили психологический барьер и 44 студента третьего курса (75,9 %) — ограниченность знаний. В таблице 2 представлены наглядные результаты опроса студентов второго и третьего курсов.

Таблица 2

Результаты опроса студентов медицинского вуза

Вопрос	Второй курс		Третий курс	
	Редко	Часто	Редко	Часто
1. Как часто проводятся ролевые игры в Вашем учебном процессе?	32 (47,1 %)	36 (52,9 %)	10 (17,2 %)	48 (82,8 %)
2. Как Вы оцениваете эффективность ролевых игр в процессе языковой подготовки?	Неэффективно 40 (58,8 %)	Эффективно 28 (41,2 %)	Неэффективно 8 (13,8 %)	Эффективно 50 (86,2 %)
3. Какие типы ролевых игр Вы считаете наиболее полезными?	Диагностические консультации 63 (92,6 %)	Симуляция чрезвычайных ситуаций 5 (7,4 %)	Диагностические консультации 5 (8,6 %)	Симуляция чрезвычайных ситуаций 53 (91,4 %)
4. Какие преимущества ролевых игр Вы видите?	Реалистичность и практическая направленность 66 (97,1 %)	Развитие ключевых навыков (коммуникация, критическое мышление и т. д.). 2 (2,9 %)	Реалистичность и практическая направленность 7 (12,1 %)	Развитие ключевых навыков (коммуникация, критическое мышление и т. д.). 51 (87,9 %)
5. С какими недостатками или трудностями Вы сталкивались при использовании ролевых игр?	Психологический барьер 36 (52,9 %)	Ограниченность знаний 32 (47,1 %)	Психологический барьер 14 (24,1 %)	Ограниченность знаний 44 (75,9 %)

По результатам опроса следует отметить, что применение ролевых игр в процессе профессиональной языковой подготовки считается студентами-медиками эффективной технологией развития практических, коммуникативных навыков, а также навыков критического мышления. Для студентов второго курса ожидаемо психологический барьер препятствует лучшему опыту погружения в ролевую игру. Студенты третьего курса по мере усложнения изучаемого материала испытывают трудности с нехваткой междисциплинарных знаний, необходимых для качественной проработки коммуникативной ситуации в процессе профессиональной языковой подготовки.

Вывод и перспективы исследований. В заключение необходимо отметить, что образовательные ролевые игры органично вписываются в профессиональную языковую подготовку студентов медицинского вуза, как, впрочем, и любых студентов других вузов, делая образовательный процесс более гибким, разнообразным, привлекательным и эффективным. Тем не менее необходим тщательный отбор и понимание соответствующей педагогической целесообразности при использовании данной педагогической технологии с ориентацией на мнение студентов, уровень их знаний и необходимости использования данной технологии на конкретном этапе изучения материала.

Теоретическая значимость проявилась в расширении теории профессионального образования в сфере применения ролевых игр в профессиональной языковой подготовке студентов медицинского вуза. Практическая значимость заключалась в том, что проведенный опрос студентов медицинского вуза выявил отношение студентов к применению ролевых игр в процессе профессиональной языковой подготовки и показал целесообразность и эффективность использования данной педагогической технологии в образовательном процессе.

Перспективы исследований связаны с поиском эффективных способов использования технологии ролевых игр в профессиональной языковой подготовке студентов медицинских вузов, с решением задач установления прочных междисциплинарных связей для повышения качества профессиональной языковой подготовки студентов медицинских вузов.

Список источников

1. Апинян Т. А. Игра в пространстве серьезного : игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. — СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2003. — 398 с.
2. Бабуринов В. Л. Деловые игры по экономической и социальной географии : кн. для учителя. — М. : Просвещение : Учебная книга, 1995. — 143 с.
3. Воевода Е. В. Интернационализация университетского образования: проблемы англоязычного обучения // Человеческий капитал. — 2017. — № 11 (107). — С. 36–40.
4. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова ; авт. коммент. В. В. Давыдова [и др.]. — М. : Педагогика, 1991. — 479 с.
5. Дубинина А. Г. Концептуальная основа подготовки к преподаванию учебных дисциплин на иностранном языке // Гуманитарные науки. — 2012. — № 4 (8). — С. 83–87.
6. Ельцова Л. Ф., Илюшина А. В. Особенности развития терминологической компетентности студентов медицинского вуза в процессе обучения иностранному языку // Школа будущего. — 2021. — № 6. — С. 170–183.
7. Илюшина А. В. Активные технологии в подготовке студентов вуза к межкультурной коммуникации // Психолого-педагогический поиск. — 2019. — № 2 (50). — С. 84–93.
8. Костикова Л. П., Ельцов А. В., Ельцова Л. Ф. [и др.]. Актуальные вопросы профессиональной языковой подготовки студентов неязыкового вуза. — М. : Перспектива, 2021. — 162 с.
9. Костикова Л. П., Сиваков М. А. Цифровые технологии в языковой подготовке студентов вуза: образовательное блоггерство // Психолого-педагогический поиск. — 2023. — № 2 (66). — С. 7–14. — DOI: 10.37724/RSU.2023.66.2.001.
10. Крутова И. Ю. Организация ролевых игр в преподавании профессионально ориентированного иностранного языка в медицинском вузе // Проблемы преподавания профессионально ориентированного иностранного языка в вузе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Рязань : Концепция, 2016. — С. 44–46.
11. Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификация и серияция. — М., 2002. — 416 с.
12. Равен Д. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. — М. : Когито-Центр, 2002. — 396 с.
13. Спенсер Г. Основания психологии. — М. : АСТ, 1998. — 543 с.
14. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. — М. : Педагогика, 1988.
15. Эльконин Д. Б. Психология игры. — 2-е изд. — М. : Владос, 1999. — 360 с.
16. Якимович И. Г. Возможности использования игровых интерактивных технологий на практических занятиях в вузе // Вестник Брянского государственного университета. — 2016. — № 1 (27). — С. 381–384.
17. Gilligan C., Powell M., Lynagh M. C. [et al.]. Interventions for improving medical students' interpersonal communication in medical consultations // Cochrane Database of Systematic Reviews. — 2021. — Iss. 2. — 261 p. — DOI: 10.1002/14651858.CD012418.pub2.

References

1. Apinyan T. A. *Igra v prostranstve seryeznogo: igra, mif, ritual, son, iskusstvo i drugie*. [Play in the space of serious things: play, myth, ritual, dream, art and others]. St. Petersburg, St. Petersburg University, 2003, 398 p. (In Russian).
2. Baburin V. L. *Delovyye igry po ekonomicheskoy i sotsial'noy geografii: kniga dlya uchitelya*. [Business games in economic and social geography: teaching guide]. Moscow, Prosveshcheniye, Uchebnaya kniga, 1995, 143 p. (In Russian).
3. Voevoda E. V. Internationalization of university education: problems of English-language instruction. *Chelovecheskiy kapital*. [Human Capital]. 2017, iss. 11 (107), pp. 36–40. (In Russian).
4. Vygotsky L. S. *Pedagogicheskaya psikhologiya. Pod red. V. V. Davydova; avt. komment. V. V. Davydova i dr.* [Pedagogical Psychology. Ed. by V. V. Davydov; author's commentary by V. V. Davydov et al.]. Moscow, Pedagogika, 1991, 479 p. (In Russian).
5. Dubinina A. G. Conceptual basis for preparation for teaching academic disciplines in a foreign language. *Gumanitarnyye nauki*. [Humanities]. 2012, iss. 4 (8), pp. 83–87. (In Russian).
6. Yeltsova L. F., Ilyushina A. V. Features of the development of terminological competence of medical university students in the process of teaching a foreign language. *Shkola budushchego*. [School of the Future]. 2021, iss. 6, pp. 170–183. (In Russian).
7. Ilyushina A. V. Active technologies in preparing university students for intercultural communication. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk*. [Psychological and pedagogical search]. 2019, iss. 2 (50), pp. 84–93. (In Russian).
8. Kostikova L. P., Yeltsov A. V., Yeltsova L. F. [et al.]. *Aktualnyye voprosy professionalnoy yazykovoy podgotovki studentov neyazykovogo vuza*. [Actual issues of professional language training of students of a non-linguistic university]. Moscow, Perspektiva, 2021, 162 p. (In Russian).

9. Kostikova L. P., Sivakov M. A. Digital technologies in language training of university students: educational blogs. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk*. [Psychological and pedagogical search]. 2023, no. 2 (66), pp. 7–14, DOI: 10.37724/RSU.2023.66.2.001. (In Russian).

10. Krutova I. Yu. Organization of role-playing games in teaching a professionally oriented foreign language in a medical university. *Problemy prepodavaniya professionalno oriyentirovannogo inostrannogo yazyka v vuze: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Problems of teaching a professionally oriented foreign language in a university: materials of the International scientific-practical conference]. Ryazan, Kontsept, 2016, pp. 44–46. (In Russian).

11. Piaget J., Inhelder B. *Genezis elementarnykh logicheskikh struktur. Klassifikatsiya i seriyatsiya*. [Genesis of elementary logical structures. Classification and seriation]. Moscow, 2002, 416 p. (In Russian).

12. Raven D. *Kompetentnost v sovremennom obshchestve. Vyavleniye, razvitiye i realizatsiya*. [Competence in modern society. Identification, development and implementation]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2002, 396 p. (In Russian).

13. Spencer H. *Osnovaniya psikhologii*. [Foundations of Psychology]. Moscow, AST, 1998, 543 p. (In Russian).

14. Ushinsky K. D. *Pedagogicheskiye sochineniya: v 6 t.* [Pedagogical works: in 6 volumes]. Moscow, Pedagogika, 1988. (In Russian).

15. Elkonin D. B. *Psikhologiya igry*. [Psychology of play]. Moscow, Vlados, 1999, 360 p. (In Russian).

16. Yakimovich I. G. Possibilities of using interactive gaming technologies in practical classes at university. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Bryansk State University]. 2016, iss. 1 (27), pp. 381–384. (In Russian).

17. Gilligan C., Powell M., Lynagh M. C. [et al.]. Interventions for improving medical students' interpersonal communication in medical consultations. *Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2021, iss. 2, 261 p. DOI: 10.1002/14651858.CD012418.pub2.

Информация об авторе

Сиваков Максим Анатольевич — преподаватель кафедры иностранных языков с курсом русского языка Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации; аспирант Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Sivakov Maxim Anatolyevich — teacher of the Department of Foreign Languages with a course of Russian language at the Ryazan State Medical University named after Academician I. P. Pavlov; postgraduate student of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Актуальные направления коррекционной педагогики и психологии

Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 123–132.
Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal. 2024, no. 3 (71), pp. 123–132.

Научная статья
УДК 159.97
DOI 10.37724/RSU.2024.71.3.015

Неинтегрированные рефлексy как показатель функциональной незрелости головного мозга у старших дошкольников

Глухова Анастасия Павловна
Нейроклиника
Хабаровск, Россия
990605@mail.ru

Нестеренко Ольга Борисовна
Дальневосточный государственный медицинский университет Минздрава России
Хабаровск, Россия
nesterenko-63@list.ru

Перевезенцева Наталия Леонидовна
Дальневосточный государственный медицинский университет Минздрава России
Хабаровск, Россия
nataperevez@mail.ru

Самарина Эльвира Владимировна
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Рязань, Россия
elvirasamarina@mail.ru

Лукова Марина Сергеевна
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Рязань, Россия

Аннотация. В статье проанализированы связи между функциональной незрелостью головного мозга у старших дошкольников и степенью интеграции примитивных рефлексов.

Основными методами исследования являлись теоретические — анализ литературных источников; эмпирические — наблюдение и эксперимент, основанный на нейропсихологической диагностике (Ж. М. Глозман), а также на методе диагностики примитивных рефлексов (Салли Г. Блайт); статистические — корреляционный, однофакторный дисперсионный, факторный анализ.

Представлено доказательство предположения о том, что неинтегрированные примитивные рефлексy у старших дошкольников способствуют формированию в онтогенезе различных функциональных дефицитов (слабость нейродинамики, регуляции, пространственных представлений и т. д.).

Статистически доказано наличие связей между различными функциональными дефицитами, такими как дефицит нейродинамических процессов, нарушение реципрокного праксиса, слабость регуляции и т. п. и неинтегрированными примитивными рефлексами. Определено влияние каждого из трех рефлексов (АШТР, СШТР, ЛТР) на свои группы функциональных дефицитов. Обнаружена зависимость между функциональной зрелостью головного мозга ребенка и степенью интеграции примитивных рефлексов.

Практическая значимость исследования заключается в расширении возможностей нейропсихологической диагностики с последующим выстраиванием на основании полученных данных примерных гипотез вероятных дефицитов и концентрации внимания специалиста на тех сферах, которые были статистически связаны с тремя исходными рефлексам.

Ключевые слова: неинтегрированные рефлексы, примитивные рефлексы, функциональная незрелость головного мозга, функциональный дефицит, нейропсихология, асимметричный шейный тонический рефлекс (АШТР), симметричный шейный тонический рефлекс (СШТР), лабиринтный тонический рефлекс (ЛТР), нейродинамические процессы, слухоречевая память, произвольная регуляция, кинетический праксис, реципрокная координация, квазипространственные представления, пространственные представления, фонематическое восприятие.

Для цитирования: Глухова А. П., Нестеренко О. Б., Перевезенцева Н. Л., Самарина Э. В., Лукова М. С. Неинтегрированные рефлексы как показатель функциональной незрелости головного мозга у старших дошкольников // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3 (71). С. 123–132. DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.015.

Original article

Non-integrated reflexes that indicate functional immaturity of the brain in older preschool children

Anastasia Pavlovna Glukhova

Neuroclinic
Khabarovsk, Russia
990605@mail.ru

Olga Borisovna Nesterenko

Far Eastern State Medical University of the Ministry of Health of Russia
Khabarovsk, Russia
nesterenko-63@list.ru

Natalia Leonidovna Perevezentseva

Far Eastern State Medical University of the Ministry of Health of Russia
Khabarovsk, Russia
nataperevez@mail.ru

Elvira Vladimirovna Samarina

Ryazan State University named for S. A. Yesenin
Ryazan, Russia
elvirasamarina@mail.ru

Marina Sergeevna Lukova

Ryazan State University named for S. A. Yesenin
Ryazan, Russia

Abstract. The article analyzes the relationship between the functional immaturity of the brain in older preschool children and the degree of integration of primitive reflexes.

The main methods of the study were theoretical: review of literature; empirical: observation and experiment based on neuropsychological diagnostics (Zh. M. Glzman), as well as the method of diagnostics of primitive reflexes (Sally G. Blythe); statistical: correlation, one-factor variance, and factor analysis.

The research confirms the assumption that non-integrated primitive reflexes in older preschoolers contribute to various functional deficits in their ontogenesis (weakness of neural dynamics, regulation, spatial representations, etc.).

It proves statistically a correlation between various functional deficits, such as deficit of neurodynamic processes, impaired reciprocal praxis, weakness of regulation, etc. and non-integrated primitive reflexes. The influence of each of the three reflexes (ACTR, SCTR, LTR) on different groups of functional deficits is established. The study reveals a correlation between the functional maturity of a child's brain and the degree of integration of primitive reflexes.

The practical significance of the study lies in expanding the possibilities of neuropsychological diagnostics with subsequent construction of approximate hypotheses of probable deficits and concentration of the specialist's attention on those areas that were statistically related to the three initial reflexes on the basis of the obtained data.

Keywords: Non-integrated reflexes, primitive reflexes, functional immaturity of the brain, functional deficit, neuropsychology, asymmetric cervical tonic reflex (ACTR), symmetric cervical tonic reflex (SCTR), labyrinth tonic reflex (LTR), neurodynamic processes, auditory-verbal memory, voluntary regulation, kinetic praxis, reciprocal coordination, quasi-spatial representations, spatial representations, phonemic perception.

For citation: Glukhova A. P., Nesterenko O. B., Perevezentseva N. L., Samarina E. V., Lukova M. S. Non-integrated reflexes that indicate functional immaturity of the brain in older preschool children // *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and Pedagogical Search. Academic Journal]. 2024, no. 3 (71), pp. 123–132. (In Russian). DOI: 10.37724/RSU.2024.71.3.015.

Введение. Согласно современной статистике, незрелость центральной нервной системы в различных видах и степенях ее выраженности обнаруживается у каждого пятого ребенка (Митенкова, Чипиль, Пырьева, 2021). Сегодня актуальным является изучение и выявление признаков, указывающих на несвоевременное функциональное созревание отдельных структур и всего головного мозга в целом. Одним из показателей нарушения данного процесса является наличие активных примитивных рефлексов.

Активные примитивные рефлексy — важная ступень онтогенетического развития и созревания головного мозга на ранних этапах жизни ребенка. Они, являясь фундаментом, позволяют постепенно трансформировать хаотичные движения в произвольные двигательные акты (целенаправленно протянуть руку к игрушке, схватить ее и т. д.), которые становятся возможными благодаря переходу управления движениями от подкорковых (стволовых) к корковым структурам. Правильное и своевременное угасание примитивных рефлексов — показатель успешного созревания центральной нервной системы, верно выстроенных корково-подкорковых связей. Но в силу нарушения структурно-функционального созревания мозга, причинами которого могут являться такие факторы, как гипоксия плода, внутриутробные инфекции, органическое поражение головного мозга (опухоли, травмы), недостаточное сенсорное насыщение, слабая двигательная активность, интеграция примитивных рефлексов нарушается. Сохранение примитивных рефлексов ведет как к нарушению сенсомоторного развития в частности, так и к задержке созревания различных высших психических функций, произвольности и эмоциональной сферы в целом.

Цель данного исследования — изучить взаимосвязь функциональной незрелости головного мозга и степени интеграции примитивных рефлексов у детей старшего дошкольного возраста.

Объектом исследования является функциональная незрелость головного мозга у старших дошкольников, предметом — неинтегрированные рефлексy в структуре функциональной незрелости головного мозга.

Гипотеза исследования: неинтегрированные примитивные рефлексy у старших дошкольников способствуют формированию в онтогенезе различных функциональных дефицитов (слабость нейродинамики, регуляции, пространственных представлений и т.д.).

Задачи исследования:

- изучение литературных источников, направленных на определение методологической базы исследования, освещающих проблему взаимосвязи структурно-функциональной незрелости головного мозга и интеграции примитивных рефлексов;
- выявление функциональных дефицитов в структуре нейропсихологического исследования;
- выявление наличия и степени сохранности примитивных рефлексов;
- проведение корреляционного, однофакторного дисперсионного и факторного анализов, направленных на нахождение связи между функциональными дефицитами, видами и степенями сохранности примитивных рефлексов.

Теоретико-методологические основы исследования составили теория о структурно-функциональной модели интегративной работы мозга, разработанной А. Р. Лурией совместно с Л. С. Выготским. Проблемой понимания функциональной незрелости головного мозга у детей занимались отечественные психологи и нейропсихологи (А. В. Семенович, Б. М. Коган, Ю. В. Микадзе, А. П. Бизюк). Особенности рефлекторной деятельности у детей освещались в трудах отечественных и зарубежных нейрофизиологов и неврологов (В. М. Смирнов, А. А. Скоромец, Ч. Ньюкиктьен). В вопросе изучения неинтегрированных рефлексов особый вклад внесли зарубежные специалисты — психологи, нейропсихологи, эрготерапевты (С. Г. Блайт, S. Bilbilaj, A. Resuch и др.).

Методы исследования: теоретический анализ литературных источников; эмпирические методы в виде наблюдения и эксперимента, включающего в себя нейропсихологическую диагностику (Ж. М. Глозман), диагностику примитивных рефлексов (Салли Г. Блайт), а также статистические методы (корреляционный анализ, однофакторный дисперсионный анализ).

Обсуждение основных результатов исследования. Незрелость ЦНС — несвоевременное структурно-функциональное развитие и созревание различных отделов головного мозга, как более молодых корковых, так и глубинных структур. Можно выделить варианты функциональной незрелости различных структур головного мозга, опираясь в системе выделения групп мозговых зон на теории синдромального нейропсихологического анализа и структурно-функциональной модели интегрированной работы мозга А. Р. Лурии (Хомская, 2022). К основным группам можно отнести глубинные структуры головного мозга, в частности диэнцефальный уровень (гипоталамус, таламус, субталамус, эпиталамус, гипофиз). Туда же входит уровень ствола, лимбической системы, медиобазальных отделов коры лобных и височных долей (I ФБМ). Группа нарушений, возникающих на уровне II ФБМ (областей теменной, затылочной и височной доли), представляет дефициты, локализующиеся в правом полушарии, и группа нарушений на уровне III ФБМ (лобные отделы: моторные и премоторные области лобных отделов ГМ).

Рассматривая различные варианты функциональной незрелости головного мозга, их возможных комбинаций, нельзя обойти стороной классификацию нарушений психического развития детей авторства В. В. Лебединского (Лебединский, Лебединская, 2019). Процедура выявления неинтегрированных рефлексов играет важную роль в процессе диагностики возможных вариантов психического дизонтогенеза развития:

- общее (тотальное) психическое недоразвитие, заключающееся в общей задержке психического развития ребенка, которая возникает в наиболее ранний период созревания головного мозга (постнатальный, родовой и внутриутробный периоды), что объясняет тотальность и обширность повреждения различных мозговых структур. Типичный пример общего психического недоразвития — врожденная или рано приобретенная умственная отсталость, при которой преимущественно страдает развитие высших психических функций, таких как речь, чтение, письмо, память, интеллект в целом, в то время как произвольное восприятие, моторные функции и другие более «низшие» базовые функции остаются сохранными;

- задержка психического развития (ЗПР) отличается от общего недоразвития характером незрелости ВПФ, а именно мозаичностью поражений с функциональной сохранностью высших корковых структур и дефицитностью глубинных отделов головного мозга. Суть ЗПР — замедление темпа созревания когнитивных функций и эмоциональной сферы ребенка, возникающей в период до возраста трех лет включительно;

- поврежденное психическое развитие является следствием либо наследственных дегенеративных заболеваний мозга, либо перенесения после рождения инфекционного заболевания, травмы ЦНС, интоксикации и т. д. Чаще это локальные поражения головного мозга, базирующиеся преимущественно на корковом и подкорковом уровнях. Самый яркий пример поврежденного психического развития — органическая деменция.

В рамках исследования важно также рассмотреть понятие неинтегрированных рефлексов и выделить основные примитивные рефлексы, рассматриваемые во взаимосвязи с функциональной незрелостью головного мозга ребенка.

Благодаря проведенным исследованиям стало известно, что активные примитивные рефлексы пагубно влияют не только на нейромоторное развитие ребенка, но и на речевое, когнитивное развитие в дальнейшем. Например, S. Bilbilaj было проведено исследование учащихся 6–10 лет с уже сформировавшимися трудностями в обучении. С помощью оценки сохранности примитивных рефлексов исследователь сделал вывод, что дети с нарушениями в обучении имеют высокий уровень сохраненных примитивных рефлексов по сравнению с другими детьми (Bilbilaj, Gjipali, Shkurti, 2017).

С. Г. Блайт выделяет восемь основных рефлексов, которые являются важными диагностическими критериями в профиле вероятной функциональной незрелости ЦНС: рефлекс Моро, лабиринтный тонический рефлекс (ЛТР), асимметричный шейный тонический рефлекс (АШТР), симметричный шейный тонический рефлекс (СШТР), поисковый и сосательные рефлексы, хватательные рефлексы, рефлекс Бабинского и спинальный рефлекс Гланта (Блайт, 2020). Но в нашем исследовании были взяты только три тонических рефлекса, которые имеют четкую балльную систему оценивания: СШТР, АШТР, ЛТР (Блайт, 2017).

Для проверки выдвинутой гипотезы было проведено исследование, в котором приняли участие 18 детей старшего дошкольного возраста с диагнозом «общее недоразвитие речи» (ОНР) различных уровней и 18 детей старшего дошкольного возраста с нормотипичным развитием из Хабаровска и Рязани. Для проведения исследования использовались стандартизированные методики: пособие для проведения нейропсихологической диагностики детей дошкольного возраста Ж. М. Глоzman в соавторстве с А. Е. Соболевой и Ю. О. Титовой (Глоzman, Соболева, Титова, 2020), а также методика оценки степени активности примитивных рефлексов детей от 4 до 7 лет, входящая в состав метода общей оценки нейромоторной готовности к обучению детей авторства С. Г. Блайт.

По результатам нейропсихологической диагностики, у 17 обследованных с диагнозом ОНР определяется нормативный тип психического развития (показатели находятся в пределах от 0 до 2,9 балла), и только один ребенок имеет легкую степень задержки (дефицитарности) психического развития (суммарный показатель равен 4,24 балла) (рис. 1).

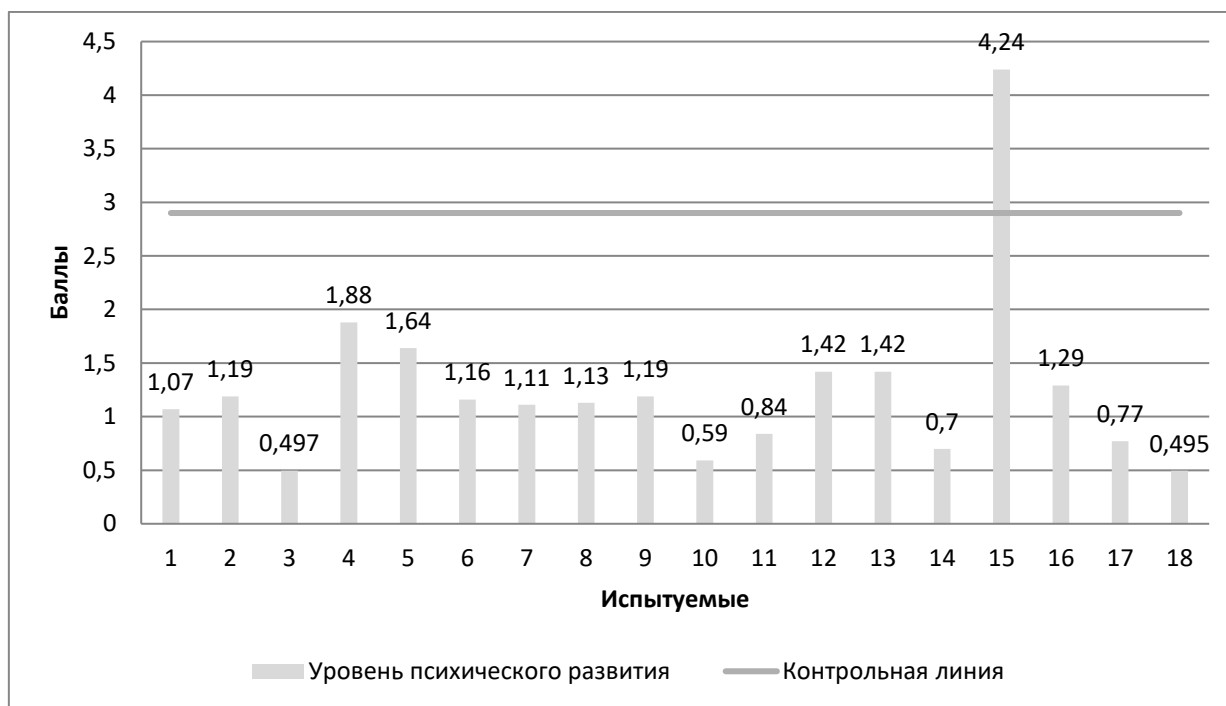

Рис. 1. Уровни психического развития

Следующим шагом является деление данных четырех групп, исключая группу общего уровня психического развития, на более мелкие подгруппы, позволяющие сузить исследуемые сферы развития до выделения отдельных дефицитов в структуре нейропсихологической диагностики. В результате были выделены отдельные сферы, являющиеся наиболее значимыми в вопросе анализа зависимостей между функциональной незрелостью головного мозга и наличием неинтегрированных примитивных рефлексов.

После обработки данных стало известно, что у каждого ребенка есть проявление слабости хотя бы одной стороны психической деятельности в целом. Слабость I ФБМ (нейродинамические показатели) наблюдается у 15 детей в различных степенях ее выраженности: колебания нейродинамики и проявления легкой истощаемости (соответствующие баллы 0,5 и 1 соответственно), наличие спонтанности, повышенной отвлекаемости или выраженной истощаемости (баллы от 1,5 и выше). Слабость регуляторной функции переднелобных отделов — III ФБМ выявляется у 14 детей. Это сочетание как легких проявлений импульсивности, так и в более грубых случаях устойчивых и некорректируемых проявлений импульсивности, отвлекаемости и расторможенности. В двигательной сфере рассматривается сразу три параметра: динамический, реципрокный и кинестетический праксис. Слабость динамического праксиса (кинетической стороны произвольных движений) в той или иной степени наблюдается у 18 детей, то есть у всей выборки. Это и незначительные трудности усвоения и удержания заданной моторной программы (единичные

ошибки) в легких вариантах, а в более тяжелых — наличие персевераций, необходимость в вербальном опосредовании процесса смены поз, верное выполнения проб только сопряженно с психологом. Слабость межполушарного взаимодействия, определяемая наличием трудностей в выполнении пробы на реципрокный праксис наблюдается только у 10 детей. Проявления слабости двуручной координации в полученной выборке не являются грубыми, чаще это незначительные трудности переключения с позы на позу или запаздывание одной из рук. Дефицит кинестетического фактора (чувствительной стороны произвольных движений) выявляется у 11 детей. Выраженность проявлений данного дефицита схожа с показателями реципрокной координации — в большинстве случаев единичный поиск одной или двух поз либо единичные ошибки с самокоррекцией. Фонематическое восприятие и пространственные нарушения являются самыми малочисленными группами. Данные дефициты выявляются всего у 5 детей в каждой из групп. Дефицит квазипространственных представлений (зона ТРО) выявлен у 13 детей. Преимущественно это негрубые нарушения понимания пассивных и инвертируемых лексико-грамматических конструкций.

Отдельно выделен критерий слабости слухоречевой памяти, который обычно не входит в классический список наименований нейропсихологических факторов, а является их составляющей. Данный выбор обусловлен важностью исследования объема слухоречевой памяти у детей с нарушениями речи различного генеза, так как данный показатель является значимым диагностическим критерием в определении причин, обуславливающих наличие того или иного речевого нарушения. По результатам проведенного исследования, сниженный объем слухоречевой памяти наблюдается у 6 детей (рис. 2).

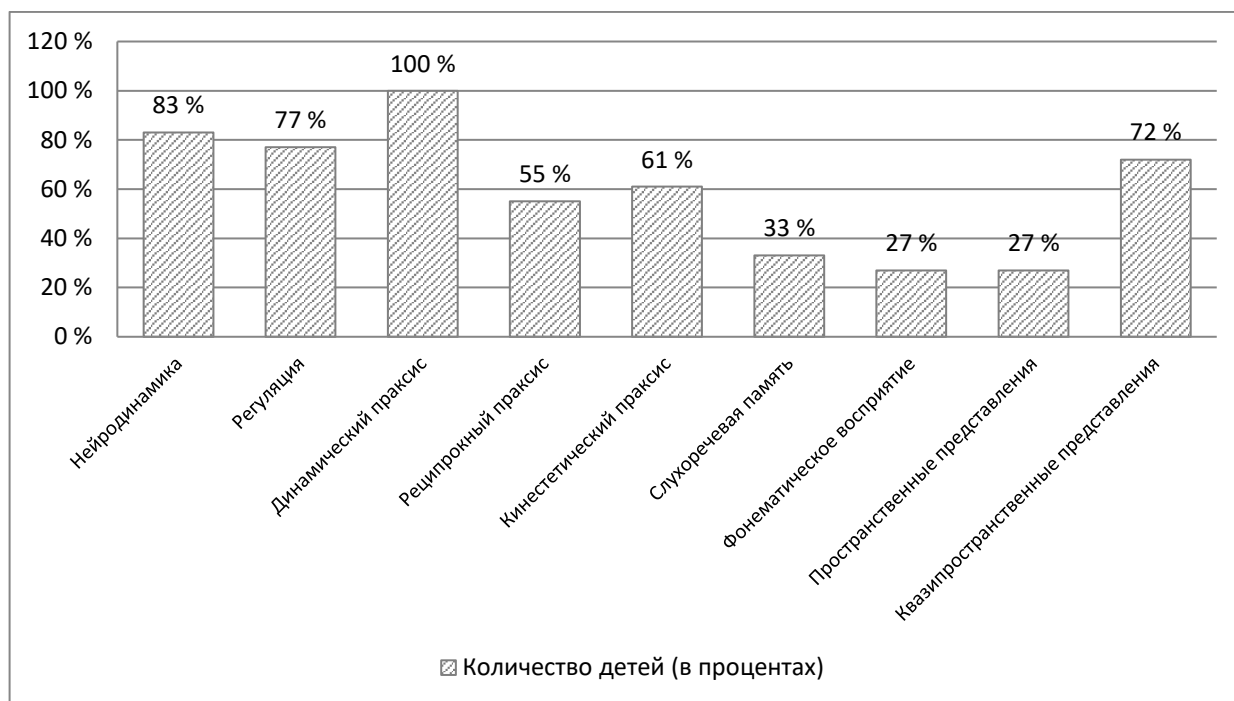

Рис. 2. Процентные соотношения зарегистрированных дефицитов во всей выборке

Далее было проведено исследование, нацеленное на определение количества детей с ОНР, имеющих неинтегрированные примитивные рефлексy.

Согласно полученным данным, у 83 % детей (15 человек) с диагнозом ОНР выявляется хотя бы один неинтегрированный рефлекс. В контрольной группе наличие хотя бы одного неинтегрированного рефлекса характерно для 22 % детей (4 человека). Наибольшая степень выраженности признаков наличия примитивных рефлексов не превышает 50 % остаточной активности (показатель соответствует двум баллам). В контрольной группе аналогичный критерий не превышает 25 % остаточной активности рефлекса (показатель соответствует одному баллу). Разброс балльных оценок по трем искомым рефлексам в экспериментальной и контрольной группах представлены в виде столбчатых диаграмм (рис. 3 и 4).

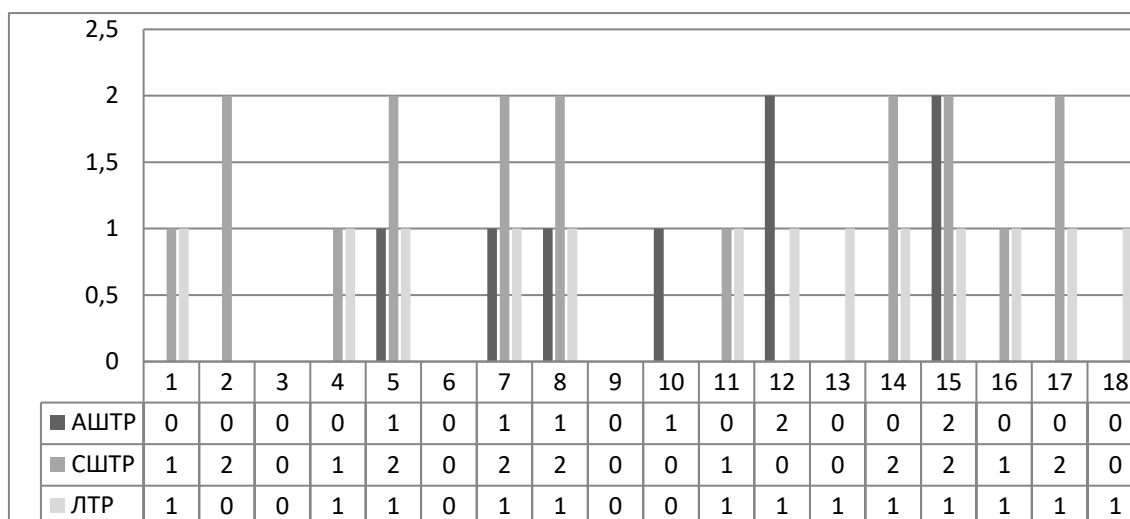

Рис. 3. Степени остаточной активности рефлексов в экспериментальной группе

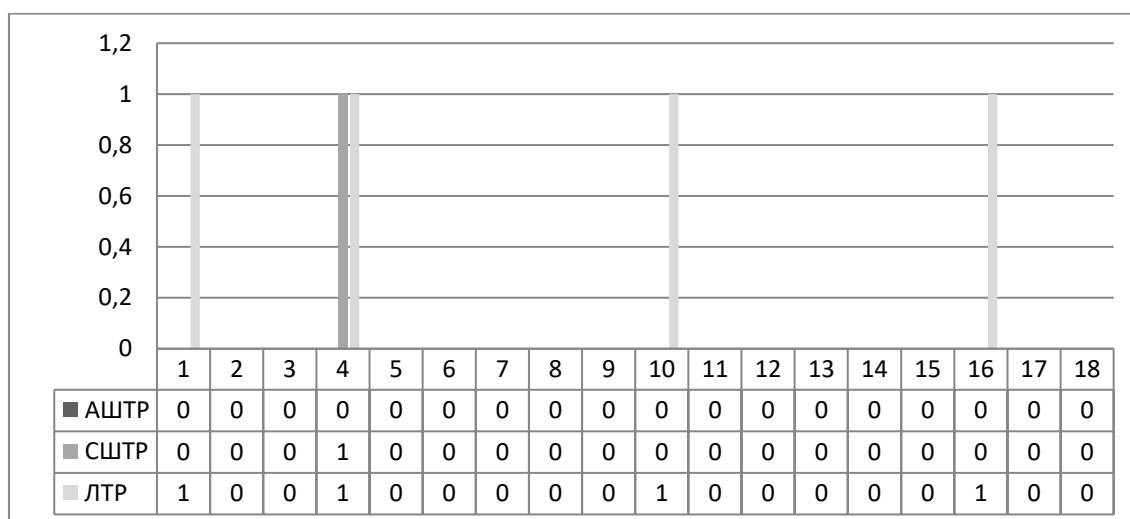

Рис. 4. Степени остаточной активности рефлексов в контрольной группе

Исходя из сравнительного анализа данных двух групп испытуемых (экспериментальной и контрольной), можно сделать вывод о том, что у детей с ОНР, в сравнении с нормотипичными, регистрируется статистически значимое превышение количества регистрируемых активных примитивных рефлексов, а также сравнительно высокий уровень степени их сохранности (в частных случаях до 50 % активности).

Последняя часть исследования заключалась в нахождении связи между наличием остаточной сохранности примитивных рефлексов и видами зарегистрированных функциональных дефицитов головного мозга у детей с ОНР. Для этого этапа применялся метод статистической обработки количественных данных.

Первым этапом было выбрано проведение корреляционного анализа на основе показателей степени интеграции трех примитивных рефлексов и самых обширных групп развития: уровни социального, нейродинамического и регуляторного, когнитивного, двигательного, общего развития. При уровне значимости $p < 0,05$ достоверно значимые положительные показатели корреляционной зависимости были найдены между наличием АШТР и социальным развитием (коэффициент корреляции $r = 0,44$ соответствует умеренной связи), положительные умеренные связи наблюдаются между наличием неинтегрированного СШТР и неинтегрированного ЛТР ($r = 0,39$). Также определены взаимовлияния нейродинамического, регуляторного развития и критерия наличия остаточной активности ЛТР (умеренная сила связи, $r = 0,36$).

Второй этап — расширение выборки данных, уточнение конкретных нейропсихологических дефицитов с целью проведения углубленного анализа наличия взаимосвязанных переменных в данной выборке. Для этого был проведен повторный корреляционный анализ, включающий в себя числовые показатели трех искомых рефлексов и выделенной ранее группы функциональных дефицитов. При уровне значимости $p < 0,05$ достоверные значения, характеризующиеся умеренной силой связи друг с другом, определяются между наличием ЛТР и нейродинамическими показателями ($r = 0,48$), активность СШТР положительно коррелирует с регуляторными функциями ($r = 0,36$), зависимость определяется между СШТР и реципрокным праксисом ($r = 0,37$), в свою очередь взаимосвязанное влияние наблюдается между АШТР и качеством сформированности квазипространственных представлений ($r = 0,43$), а степень интеграции ЛТР зависит от степени интеграции СШТР и наоборот ($r = 0,39$) (рис. 5).

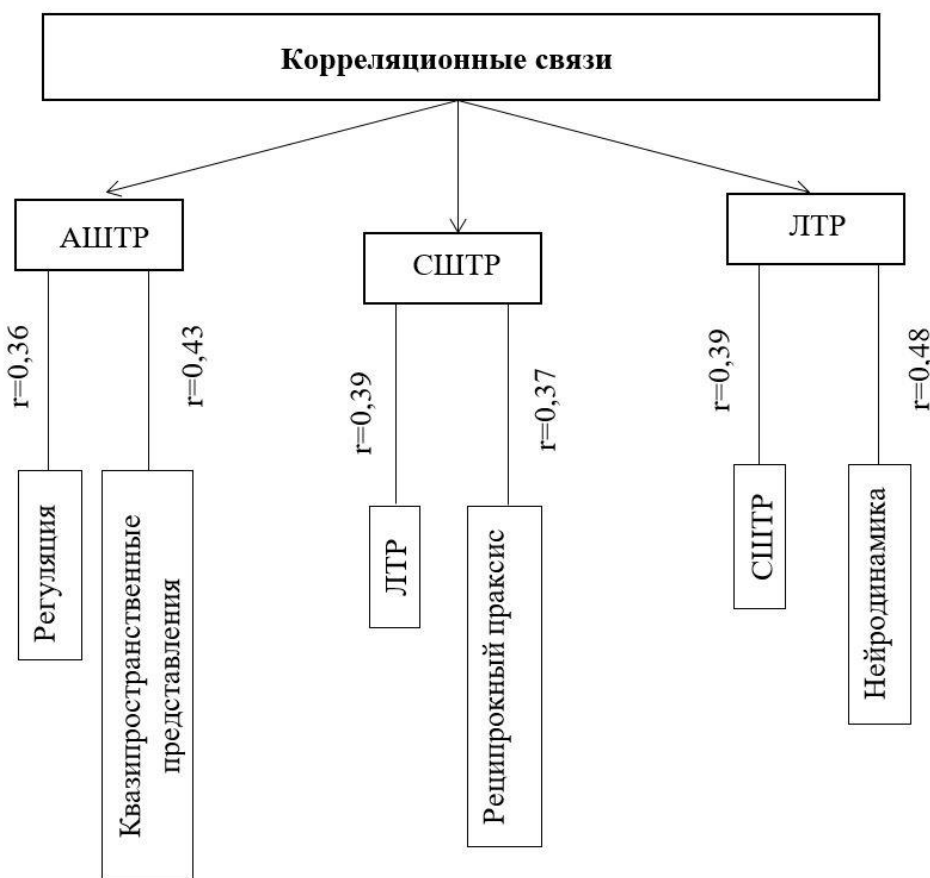

Рис. 5. Корреляционная плеяда

Результаты корреляционного анализа позволяют сделать вывод, что в целом наблюдается связь между различными показателями отдельных проявлений функциональной незрелости головного мозга и наличием остаточной активности примитивных рефлексов.

Для понимания того, каким образом и какие конкретно неинтегрированные примитивные рефлексy оказывают влияние на наличие различных проявлений функциональной незрелости головного мозга (представлены в виде выделенных на подгруппы дефицитов), справедливо использование однофакторного дисперсионного анализа.

В качестве зависимых переменных были взяты функциональные дефициты, а группирующими факторами определены активные примитивные рефлексy (АШТР, СШТР, ЛТР). После проведения анализа для каждого группирующего фактора получены свои результаты. При уровне значимости $p < 0,05$ статистически значимое влияние АШТР оказывает на группы переменных «Нейродинамика» и «Регуляция» (F-критерий Фишера равен 7,65 и 7,23 соответственно). В слу-

чае когда группирующим фактором определен неинтегрированный СШТР, достоверно значимые различия между средними суммами квадратов наблюдаются между выборками СШТР и показателями объема слухоречевой памяти (F-критерий Фишера равен 5,59). Оказывает влияние на показатели нейродинамических процессов наличие остаточной активности ЛТР (F-критерий Фишера равен 5,43, уровень значимости $p < 0,05$).

Таким образом, по средствам проведения однофакторного дисперсионного анализа определяется статистически доказанное наличие влияния остаточной активности примитивных рефлексов (АШТР, СШТР, ЛТР) на факторы нейродинамических процессов и регуляции, а также на показатели слухоречевой памяти.

Выводы и перспективы исследования. В результате проведенного исследования выявлено, что у каждого ребенка с ОНР есть проявление слабости хотя бы одной стороны психической деятельности в целом. К наиболее часто встречающимся функциональным дефицитам относятся слабость кинетической и динамической стороны произвольных движений, нейродинамического фактора, фактора регуляции и квазипространственных представлений. Наименее часто встречаемые дефициты — нарушения фонематического восприятия и пространственных представлений, сниженный объем слухоречевой памяти.

По результатам сравнения и оценки степени интеграции трех искомым примитивных рефлексов в экспериментальной и контрольной группах определяется, что у 83 % детей с диагнозом ОНР выявлен хотя бы один неинтегрированный рефлекс. В контрольной группе наличие хотя бы одного неинтегрированного рефлекса фиксируется у 22 % детей.

В результате проведения статистической обработки полученных данных удалось установить, что достоверно значимые положительные показатели корреляционной зависимости были найдены между наличием АШТР и социальным развитием, между наличием неинтегрированного СШТР и неинтегрированного ЛТР, а также зарегистрированы взаимовлияния нейродинамического, регуляторного развития с критерием наличия остаточной активности ЛТР. С расширением выборки данных повысилось количество зависимостей между различными критериями. Достоверные значения, характеризующиеся умеренной силой связи друг с другом определяются между наличием ЛТР и нейродинамическими показателями, СШТР связан с регуляторными функциями, зависимость определяется между СШТР и реципрокным праксисом, взаимозависимое влияние наблюдается между АШТР и качеством сформированности квазипространственных представлений, а степень интеграции ЛТР зависит от степени интеграции СШТР и наоборот. Таким образом, статистически доказана связь между различными показателями отдельных проявлений функциональной незрелости головного мозга и наличием остаточной активности примитивных рефлексов.

На основе проведенного исследования возможно дальнейшее составление коррекционных нейропсихологических программ, направленных на своевременную работу с интеграцией выявленных остаточно активных примитивных рефлексов, для предотвращения на ранних этапах жизни и развития ребенка формирования задержки психомоторного развития, дизонтогенеза, нарушения развития и адекватного формирования высших психических функций, тесно связанных с активностью безусловных рефлексов, а также для предупреждения в дальнейшем школьной неуспеваемости.

Список источников

1. Блайт С. Г. Оценка нейромоторной готовности к обучению. — М. : Линка-Пресс, 2017. — 136 с.
2. Блайт С. Г. Хорошо сбалансированный ребенок: движение и раннее развитие / под ред. Н. В. Луиной, пер. с англ. И. В. Добриной. — 2-е изд. — М. : Национальное образование, 2020. — 192 с.
3. Глозман Ж. М., Соболева А. Е., Титова Ю. О. Нейропсихологическая диагностика детей дошкольного возраста : в 3 ч. — М. : АЙРИС-пресс, 2020. — (Популярная психология).
4. Лебединский В. В., Лебединская К. С. Нарушения психического развития в детском и подростковом возрасте. — М. : Академический проект, 2019. — 303 с.
5. Митенкова Т. В., Чипиль Е. В., Пырьева С. Т. «Незрелость» нервной системы у ребенка дошкольного возраста // Молодой ученый. — 2021. — № 20 (362). — С. 168–170.
6. Хомская Е. Д. Нейропсихология : учеб. для вузов. — 4-е изд. — СПб. : Питер, 2022. — 496 с.
7. Bilbilaj S., Gjipali A., Shkurti F. Measuring Primitive Reflexes in Children with Learning Disorders // European Journal of Multidisciplinary Studies. — 2017. — Vol. 2, N 5. — Pp. 285–298.

References

1. Blythe S. G. *Otsenka neyromotornoy gotovnosti k obucheniyu*. [Assessment of neuromotor readiness for learning]. Moscow, Linka-Press, 2017, 136 p. (In Russian).
2. Blythe S. G. *Khorosho sbalansirovanny rebenok: dvizheniye i ranneye razvitiye*. Pod red. N. V. Luninoy, per. s angl. I. V. Dobrininoy. [A well-balanced child: movement and early development. Ed. by N. V. Lunina, translated from English by I. V. Dobrinina]. Moscow, Natsionalnoye Obrazovaniye, 2020, 192 p. (In Russian).
3. Glzman Zh. M., Soboleva A. E., Titova Yu. O. *Neyropsikhologicheskaya diagnostika detey doshkolnogo vozrasta: v 3 ch.* [Neuropsychological diagnostics of preschool children: in 3 parts]. Moscow, AIRIS-press, 2020. (Popular Psychology). (In Russian).
4. Lebedinsky V. V., Lebedinskaya K. S. *Narusheniya psikhicheskogo razvitiya v detskom i podrostkovom vozraste*. [Mental development disorders in childhood and adolescence]. Moscow, Academicheskyy proekt, 2019, 303 p. (In Russian).
5. Mitenkova T. V., Chipil E. V., Pyryeva S. T. “Immaturity” of the nervous system in a preschool child. *Molodoy uchenyy*. [Young scientist]. 2021, iss. 20 (362), pp. 168–170. (In Russian).
6. Khomskaya E. D. *Neyropsikhologiya: ucheb. dlya vuzov*. [Neuropsychology: study guide for universities]. St. Petersburg, Piter, 2022, 496 p. (In Russian).
7. Bilbilaj S., Gjipali A., Shkurti F. Measuring Primitive Reflexes in Children with Learning Disorders. *European Journal of Multidisciplinary Studies*. 2017, vol. 2, no. 5, pp. 285–298.

Информация об авторах

Глухова Анастасия Павловна — клинический психолог ООО «Нейроклиника».

Нестеренко Ольга Борисовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Дальневосточного государственного медицинского университета.

Перевезенцева Наталия Леонидовна — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии Дальневосточного государственного медицинского университета.

Самарина Эльвира Владимировна — кандидат психологических наук, директор Научно-образовательного центра практической психологии и психологической службы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, директор АНО поддержки инклюзии «Ресурсный центр “Навигатор будущего”».

Лукова Марина Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the authors

Glukhova Anastasia Pavlovna — clinical psychologist of *Neuroclinic LLC*.

Nesterenko Olga Borisovna — Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of the Far Eastern State Medical University.

Perevezentseva Natalia Leonidovna — Candidate of Psychology, Associate Professor, head of the Department of Pedagogy and Psychology of the Far Eastern State Medical University.

Samarina Elvira Vladimirovna — Candidate of Psychology, director of the Scientific and educational center for practical psychology and psychological service of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin, director of the Autonomous non-profit Resource center *Navigator of future* for support of inclusion.

Lukova Marina Sergeevna — Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General Psychology of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 17.07.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 17.07.2024.

Информация для авторов

Условия приема и публикации научных статей

1. Научные статьи (формат А4, межстрочный интервал 1,5, гарнитура Times New Roman, размер шрифта (кегель) 14) направляются в редколлегию журнала по электронной почте на следующие адреса: ppsjournal@365.rsu.edu.ru.
2. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук обязательно наличие рекомендации научного руководителя, электронный вариант которой присылается вместе со статьей отдельным файлом в формате, воспроизводящем его подпись и печать, а печатный оригинал — по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Беспаловой Т. М.
3. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся научные статьи по фундаментальным и прикладным проблемам психологических и педагогических наук, обладающие *научной новизной, теоретической и практической значимостью*.
4. Статьи должны быть оформлены *в строгом соответствии с требованиями*, размещенными на официальном сайте журнала (<http://ppsjournal.rsu.edu.ru>). Статьи, не соответствующие требованиям, не публикуются и не возвращаются авторам.
5. Статьи должны быть тщательно выверены автором. При обнаружении большого количества ошибок, опечаток и т. п., а также подозрении на вирусы статья может быть отклонена решением Редакционной коллегии.
6. Все статьи, принятые к рассмотрению, в обязательном порядке проверяются на корректность заимствований и *оригинальность текста*, которая *должна быть не менее 80 %*.
7. Научные статьи проходят *двойное слепое рецензирование* (рецензент не получает информации об авторах рукописи, авторы рукописи — о рецензентах) членами редколлегии или рекомендованными рецензентами.
8. При достаточной оригинальности и положительной оценке рецензентом статьи в порядке поступления направляются на редактирование и включаются в очередной номер журнала.
9. Редакция осуществляет *научное и литературное редактирование* поступивших материалов. Текст отредактированной статьи направляется автору на согласование.
10. При работе с материалами редакция придерживается принятых международным сообществом *принципов публикационной этики научных публикаций*, разработанных с учетом рекомендаций Комитета по этике научных публикаций (COPE), рекомендаций Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и стандартов АРА (American Psychological Association).
11. Направляя статью для публикации в журнале «Психолого-педагогический поиск», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина и в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.
12. Плата за публикацию научных статей в журнале не взимается. Учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку контрольных экземпляров и рассылку по подписке.
13. Авторам бесплатно высылаются электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желаящие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал и приобрести журнал по цене, указанной в Объединенном каталоге «Пресса России» (индекс — 55172).
14. Авторские гонорары не выплачиваются.
15. Перепечатка статей из журнала «Психолого-педагогический поиск» допустима только с согласия редакции. При цитировании обязательны ссылки на журнал.

Требования к оформлению статей

1. *Научный аппарат статьи* состоит из индекса УДК (Универсальный десятичный классификатор), DOI (Digital Object Identifier), аннотации, ключевых слов, текста статьи и списка источников.
2. На первом и втором листах приводятся УДК, DOI, название статьи, ФИО автора/ов (полностью), место работы (или учебы), город, страна, электронный адрес, аннотация и ключевые слова на русском и английском языках.

3. *Название статьи* дается строчными буквами (заглавные используются только по мере необходимости) полужирным шрифтом без аббревиатур и сокращений.

4. *Аннотация* (без аббревиатур и сокращений) должна иметь *объем 150–300 слов и повторять структуру статьи*, то есть отражать актуальность проблемы, цель, методы, гипотезу исследования, его новизну, теоретическую и практическую значимость, основные результаты, полученные автором, выводы и перспективы дальнейших исследований (без выделения этих структурных компонентов).

Язык аннотации должен быть предельно простым и понятным для широкого круга специалистов.

Англоязычная аннотация должна представлять собой перевод русскоязычной аннотации. Правила написания аннотации см. URL: <http://finis.rsue.ru/Docs/pravila.pdf>.

5. *Ключевые слова* даются без использования любых аббревиатур и сокращений и *разделяются запятой*.

Минимальный объем ключевых слов — 10; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов.

6. *Текст статьи* печатается с использованием шрифта Times New Roman (размер шрифта — 14, интервал — 1,5). Параметры страницы: верхнее поле — 20 мм, нижнее — 20 мм, правое — 20 мм, левое — 30 мм. Абзацный отступ — 1,25 см.

7. Номера страниц проставляются в центре нижнего колонтитула.

8. Рекомендуемый объем статьи — 0,5–1,0 авт. л. (от 20 до 30 тыс. знаков или 12–24 листов, включая название, аннотацию, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, список литературы на русском и английском языках).

9. Статьи должны быть четко структурированы и содержать следующие *разделы: введение* (с обоснованием актуальности и кратким анализом содержания проблемы); *цель; гипотезы; методики исследования; обсуждение основных результатов*, полученных автором; *выводы и перспективы дальнейших исследований*, которые необходимо выделить в тексте жирным курсивом).

10. В статье обязательны *внутритекстовые ссылки* на все источники, использованные автором. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0-100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», а также рекомендациями Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и стандартом APA (American Psychological Association), который принято использовать при подготовке рукописей научных статей психологической тематики.

Внутритекстовая ссылка заключается в *круглые скобки* и содержит сведения об *авторе, годе публикации* рассматриваемого или упоминаемого в тексте статьи источника, например **(Иванов, 2019)**, а при цитировании — обязательно указывается страница/ы цитаты, например **(Иванов, 2019, с. 7–8)**. Если имя автора используется в тексте, в скобках можно указать только год публикации, например: **Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8)**.

11. Заимствования без ссылок запрещаются.

12. Ссылки на Википедию не допускаются.

13. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать *дату обращения в формате* (дата обращения: 10.12.2018).

14. В тексте статьи обязательно должны быть *ссылки на таблицы и рисунки: (табл. 1) или (рис. 1)*.

15. *Таблицы и рисунки* должны иметь порядковую нумерацию (при этом их нумерация ведется отдельно) и название.

16. Название таблиц дается *над* ними. В них и в самих таблицах *не допускаются сокращения слов*.

17. Названия рисунков (также без сокращений) располагаются *под* ними. Например, *Рис. 1*. Название (шрифт Times New Roman, кегль 12).

18. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещаются на строке ниже и обозначаются как *Примечание*:

19. Рисунки должны быть качественными, четкими, в форматах TIFF, JPEG или PNG, с разрешением не менее 150–300 точек/дюйм в реальном размере.

20. После статьи помещается **Список источников** на русском языке.

21. Список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0-100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

22. Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор. При совпадении первых авторов нескольких публикаций их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, — то третьего и т. д.

23. В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, потом его инициалы (между инициалами ставится пробел). Например, **Выготский Л. С.**

24. После ФИО автора указывается название источника; место (город) издания, издательство, год, страницы (например, для монографий: **256 с.**, а для статей в журналах или сборниках: **С. 23–35**).

25. Недопустимо сокращать название статьи, книги, журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации.

26. В периодических или продолжающихся изданиях следует указывать текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

27. В списке источников рекомендуется привести *не менее 10* наименований, среди которых должно быть *не менее 30 % работ, опубликованных за последние 5–10 лет*, и источники иностранных авторов.

28. Доля самоцитирования в одной публикации по существующим нормам научной этики не должна в среднем превышать 25 %. Самоцитирование оправдано, если оно вызвано необходимостью изложения, доказательства или обоснования своих научных идей, если нет других источников информации или работа проведена на основе или в продолжение цитируемых исследований. Цитаты на свои работы должны быть оформлены в соответствии правилами и не быть избыточными.

29. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (DOI), он указывается в конце библиографической ссылки, а электронный адрес опускается. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>, введя в поисковую строку название статьи на английском языке.

30. Список использованных источников на латинице (**References**) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту. Перевод русского текста на латиницу производится с помощью автоматического транслитератора <http://ru.translit.net/?account=bsi> (Формат BSI). В транслитерации научных статей перевод названия статьи на английский язык дается в квадратных скобках, а в конце описания в круглых скобках обязательно указывается язык, на котором опубликован включенный в список источник (In Russian, In English, In Norwegian, In Chinese, etc.).

31. После списка источников приводится **Информация об авторе (авторах)** на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (даются полностью и жирным шрифтом; ученая степень, звание, должность и место работы с точным, официальным названием кафедры и вуза, например: кафедра психологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина); информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз); правительственные и другие звания, относящиеся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации), а также почтовый адрес с индексом, мобильный телефон, которые используются для связи редакции с авторами и не публикуются в журнале.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 55172

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ПОИСК

2024

№ 3 (71)

Научно-методический журнал

Главный редактор
Беспалова Татьяна Михайловна

Редактор *К. А. Красовская*
Художник-дизайнер *А. С. Байков*
Технический редактор *Н. В. Кулешова*
Переводчик *В. А. Рогатин*

Дата выхода в свет 24.09.2024. Цена свободная.
Заказ № 145. Гарнитура Times New Roman, Calibri.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84^{1/8}.
Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 13,4. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а